

А. А. Шустниковъ.

Плоды досуга.

Бытовые очерки, картинки и рассказы
изъ сѣверно-русской жизни.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-лит. Э. Г. ФА.ПЪТЬ Духов ул. с. д.

1900.

Отъ автора.

Выпуская въ свѣтъ эту книжку, я руководжусь исключительно желаніемъ обрисовать тѣ стороны и типы сѣверно-русской народной жизни, которые мнѣ, какъ сѣверянину, хорошо извѣстны. Позволю себѣ думать, что она не будетъ лишнею для общества.

Дозволено цензурою Москва 23 Августа 1900 г.

Посвящается
Александру Евграфовичу
Мерцалову.

НА СЕЛЬСКОМЪ СХОДѢ.

(Картинка).

Въ неурожайный 188... годъ въ К...омъ уѣздѣ, одной изъ пашныхъ сѣверныхъ губерній, крестьянамъ жилось очень плохо: зимою предстояла голодовка. Съ грѣхомъ пополамъ заплативъ подати, мужики остались безъ гроша. Между тѣмъ хлѣбъ былъ пужень, и пужень не только для прокорма, но и для посѣва весной. Положеніе было безвыходное... Къ счастью, на помощь народной бѣдотѣ пришло мѣстное земство, изходатайствовавъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей изъ продовольственнаго капитала губерній. Однако ссуды крестьянамъ земцами рѣшено было выдавать не деньгами, а хлѣбомъ, и не иначе, какъ по приговорамъ сельскихъ обществъ о количествѣ пужнаго хлѣба и съ круговою порукою въ исправномъ возвратѣ ссуды. Мужики возликовали и вотъ по всему уѣзду начались „хлѣбные“ сходы, на одинъ изъ которыхъ мы и приглашаемъ нашихъ читателей.

Изба старосты безымяновскаго общества Александра Иваныча переполнена народомъ. Однихъ домохозяевъ собралось человекъ до 80-ти, да почти столько же подростковъ, будущихъ домохозяевъ. Старшіе размѣстились: кто на лавкѣ, кто на сошкѣ (передпечье), а кто и прямо на полу усѣлся. Подростки забрались на воронцы — полки —, голбець, печь и палаты — нары. Самъ староста Александръ Иванычъ помѣстился въ переднемъ углу, за столомъ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ возсѣдали: сельскій пи-

сарь и нѣсколько человѣкъ толстыхъ и краснощекихъ мѣстныхъ богачей въ хорошихъ дубленыхъ полшубкахъ. Богачи самодовольно улыбаются, видя, какъ имъ низко кланяются приходящіе однообщественники. На столѣ видны нисѣмныя принадлежности и „приказъ“ изъ волостнаго правленія, относящійся къ дѣли этого схода, и тутъ-же шумитъ преобладающій, пузатый самоваръ, изъ котораго староста угощаетъ своихъ гостей. Аннетитъ ихъ вполне соответствовалъ самовару, и потому чаепитіе тянулось немало времени, когда же гости повернули стаканы свои вверхъ дномъ—выраженіе сытости—, тогда староста принялся за исполненіе своихъ обязанностей.

— Ну, что, всё собрались? спросилъ онъ десятскаго.

— Всё сполна, отвѣтилъ послѣдній и добавилъ: какъ имъ не собраться? чай, не подати требуются, а имъ еще вышла помога...

Староста вышелъ изъ-за стола и торжественно провозгласилъ:

— Мірине! я призвалъ васъ для того, чтобы, значить, вамъ объявить: управа выдастъ хлѣбъ, коли кто пожелаетъ взять...

Мірине такъ обрадовались этому извѣстію, что, не давъ старостѣ кончить свою рѣчь, загалдѣли:

— Какъ не пожелать?, желаемъ! Рады-радѣхоньки... Наголодались—будеть!.. Спасибо начальству, що об насъ, грѣшныхъ, горемычныхъ подумало... Было время—хоть помирай... Охъ, бѣдность ты наша бѣдная!..

— Гласные, вотъ кто подумалъ, а не начальство! слышно въ толпѣ.

— А развѣ гласные не начальство? возражаетъ кто-то.

— Да будетъ вамъ галдѣть-то, черти! крикнулъ староста: дайте мнѣ досказать, а потомъ хоша деритесь... Видите ли, братцы: управа постановила такъ, чтобы, значить, за круговою порукою... Примѣрно сказать, у насъ вотъ 80 домохозяевъ, а хлѣба нужно только 40-мъ

домохозяевамъ, такъ чтобы, значить, и остальные 40, хоша и не брали хлѣба, а поручились бы, подписались бы къ приговору, що деньги будутъ уплачены сполна...

— Какъ! развѣ за деньги? да гдѣ намъ деньги-то взять? взмолилась толпа.

— Деньги въ годы, помаленьку уплатите, а теиерь ужъ—извѣстно какія деньги! ее и бы онѣ были, то на кой чортъ намъ управскій-то хлѣбъ? разъясняетъ имъ староста.

— Взять-то не мудрено, да отдать не легко... сказаль кто-то.

— Що правда, то правда! вторитъ толпа.

— Управа-та, вишь, нишетъ, — продолжалъ староста, чтобы бѣдные мужички брали хлѣбъ у ней, а цѣны-то не выставляетъ, тайну, значить, соблюдаетъ!... ну, а какъ да выставить, примѣрно, по полтора рубля за пудъ? Опять и то—за круговой порукою...

Но все же, господа мір не, по моему лучше взять; опричь управы-то гдѣ намъ взять хлѣба?... Да можетъ и простится когда нибудь, кто его знаетъ впередъ-то!...

— Все это бы ничего, да одно не ладно—за круговою порукою, протестуетъ одинъ изъ краснощекихъ, Федоръ Ивановичъ.—Кто беретъ хлѣбъ, тотъ и ручайся за себя, какъ знаетъ, а къ примѣру сказать, мнѣ не нужно вотъ ихляго хлѣба, съ чего же я буду ручаться за разную голытьбу, прости, Господи! Какал мнѣ корысть?..

При послѣднихъ словахъ Федоръ Ивановичъ даже сплюнулъ.

— Вишь, что выдумали—за круговою порукою? какъ бы не такъ!.. поручились,—держи карманъ!.. закончилъ онъ свою рѣчь руганью, неизвѣстно къ кому относящейся.

— Да, да, это не гоже... Мы не согласны подписываться! заговорили и другіе богачи и начали было собираться домой, но староста упросилъ ихъ „побыть“ еще немножко.

— Ваша правда, що ручаться за голытьбу, що за вешній ледь! да посудите и исть-то имъ нечего, капаль-ямъ!.. Подпишитесь,—ну ихъ къ шутамъ! для васъ эвто ничего не стоитъ, а опосля ужъ я съ нихъ взыщу, коли що... Ужъ будьте безъ сумленія... не заставлю за нихъ платить... Миѣ наплевать бы на ихъ нужду, да старшина-то наказываль строго: „безпремѣнно, говорить, Александро Ивановичъ, составьте приговоръ, потому—требуеть управа...“ Такъ ужъ вы поддержите меня!..

Мужики, за исключеніемъ одного Петрухи, стали на колѣни передъ богачами, упрашивая ихъ, со слезами на глазахъ, подписать приговоръ.

— Поддержите, отцы-родные, насъ бѣдныхъ! ужъ мы вѣчно будемъ за васъ и за вашихъ дѣтей-то Бога молить... Сами, чай, видите—погибли мы безъ васъ: начальство не дастъ безъ круговой поруки ничего...

— Нѣтъ, этому не бывать! сказалъ одинъ изъ богачей.

— Это не наше дѣло! отозвался другой.

Мы не виноваты, что вамъ не вѣрятъ безъ поруки... Съ круговою-то порукою я и самъ могу дать... Заплатите проценты 30 коп. за рубль, подпишите условіе, да и возьмите... У меня хлѣба хватить! денегъ не потребую до новаго урожая...

— Съ какой стати я буду поручаться за васъ, нялицъ?... я лучше самъ дамъ хлѣба-то, если надо, предоставьте только что нибудь подъ закладъ,—безъ всякаго поручательства дамъ,—добавиль третій.

— Да що мы понесемъ подъ закладъ-отъ? и то, кажись, все спѣрли, самъ знаешь!..

— А безъ заклада—ни фунта! подписываться тоже не буду, вотъ вомъ и весь сказъ!..

Въ избѣ старосты вдругъ поднялся невыносимый гвалтъ. Однообщественники раздѣлились на двѣ партіи. Одна подъ предводительствомъ старосты, кланялась богачамъ и умоляла: „спасите, отцы наши родные!... Безъ васъ мы пропали!..“

Другая, гораздо меньшая численностью, но болѣе бойкая, съ Петрухою во главѣ, кричала: „душегубцы!.. міроѣды!.. награбили деньжищъ-то, да и носы вверхъ задрали... и знать не хотите обчество, голытьбой называете, треклятые!..“

Съ особенной отчаянностью грызся самъ Петруха:

— То позабыли, какъ обчество вамъ помогало: чуть-что, подрядъ-ли какой или иное что, нужно представить за васъ ручательство обчества,—мы и представляли... Всякія пакости ваши укрывали и во всемъ помогали, потому думаемъ—свои люди... А теперь, накося?.. Нѣ-ѣтъ!.. шалите!.. горло перерву, коли-что супротивъ міра!..

— Ты вотъ что, Петруха, не заговаривайся! погрозилъ его одинъ изъ богачей,—хотя я и бираль ручательство обчества, такъ не задаромъ, а выполилъ вамъ же ведро водки!.. Это развѣ мало значить,—а?.. Кабакъ-то содержу за даромъ, что ли? отъ кого получаете по пяти-то ведеръ въ годъ,—а? Какія такія пакости вы наши укрывали, дозвольте спросить?..

— Если ты, Петруха, еще поговоринь, грозилъ Федоръ Ивановичъ, то я завтра же подамъ на тебя въ судъ и взыщу 20 рублѣвъ, которые ты миѣ задолжалъ! Послѣднюю коровенку продамъ, а получу, не дамъ никакой отсрочки, подлець ты этакій, бунтовщикъ!.. Нонѣ врем-е-то какое... Э э! укротятъ нонѣ и не такихъ. какъ ты, фрй!..

Но Петруха былъ мужикъ сильный, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ, отношеніяхъ: „Не сробить хоть передъ кѣмъ угодно, и за обчество постоитъ пуще, нежели за себя“, говорятъ про него міряне. Выслушавъ угрозу Федора Ивановича, онъ пришелъ еще въ большую ярость:

— Што за два мѣшка гнилой муки содраль двадцать рублѣй, да вздумаль еще корить ¹⁾ передъ всѣмъ

1) Корить, упрекать, стыдить.

обществомъ, да угрожать судомъ, такъ я тебя, толстопузаго!.. такого сякого, задушу прокляннаго дьявола!.. Онъ быстро схватилъ богача за горло, но староста остановилъ его и водворилъ порядокъ.

Петруху отвели въ „холодную“. Толпа, съ одной стороны побуждаемая голоднымъ брюхомъ, съ другой—недовольная арестомъ Петрухи, заволновалась... Староста принужденъ былъ освободить Петруху, но на сходъ уже не впустилъ. Богачи, видя волненіе толпы, уже наладилась было „на утѣкъ“, но были остановлены ею. Послышалось голоса: „подписывайтесь, или силой заставимъ... Общество все можетъ сдѣлать!.. Не противьтесь!.. Всѣ ваши старые грѣхи выведемъ наружу, коли що!..“

Послѣднія слова магически подѣйствовали на богачей и они выразили согласіе подписаться.

— Что-жь! я не жидъ какой нибудь... если все общество согласно, такъ и я, что-жь, подпишусь, ничего!.. сказалъ Федоръ Ивановичъ.

— Куда всѣ, туда и я! промолвилъ второй, и такъ далѣе.

Староста съ писаремъ приступили къ составленію приговора, который и былъ подписанъ всѣми. Петруха, узнавши, что мѣръ этотъ, по мнѣнію его, всесильный и всемогущій великанъ, покорилъ таки богачей, пришелъ въ такое радостное настроеніе, что началъ скакать и плясать...

И мѣръ отблагодарилъ его, заплативъ Федору Ивановичу 20 руб. Петрухина долгу. „Пусть онъ воюеть, съ нимъ и намъ смѣлѣе“! сказали при этомъ міряне...

НА МІРСКОМЪ ПЕРЕДѢЛѢ ЗЕМЛИ.

I.

— А. А., васъ звали на сходъ: десятскій приходилъ и говорилъ, чтобы непременно пришелъ, больно нужно, вишь,—объявилъ мнѣ работникъ Евгеній, когда я вернулся съ охоты и только-что расположился отдохнуть.

— Не знаешь-ли, зачѣмъ? что такое случилось?—съ волненіемъ спрашиваю его, такъ какъ приглашали меня на сходку лишь въ исключительныхъ случаяхъ: напр., сдѣлать учетъ старостѣ, разъяснить смыслъ закона или начальственнаго предписанія, вообще разобраться при помощи ариѳметики и элементарнаго знанія законовѣдѣнія въ какой нибудь общественной „путаницѣ“, и когда, къ тому же, сельскій писарь и „счетчики“ уже спасовали. Хотя я былъ такой же членъ общества, какъ и прочіе, но всѣ знали, что живу я не однимъ земледѣліемъ, поэтому и не беспокоили часто.

— Да будтобы на счетъ передѣла земли... Такъ баютъ по деревнѣ-то,—отвѣтилъ на мой вопросъ Евгеній.

О необходимости передѣла земли давно уже поговаривали у насъ, но до сихъ поръ все дѣло кончалось толками, хотя необходимость эта ясно сознавалась большинствомъ членовъ общества. Тормозило дѣло меньшинство, сравнительно, но меньшинство вліятельныхъ.

Общество наше состоитъ изъ одной только деревни, Бережной (въ Вологодской губерніи), съ населеніемъ

136 рев. муж. и душъ, а паличныхъ обоого пола около 400; передѣла же земли не было съ послѣдней ревизіи — 1853 г. За такой долгій періодъ времени распределеніе земли сдѣлалось крайне неправильнымъ: сильный да богатый крестьянинъ владѣлъ вдвое большимъ количествомъ земли, чѣмъ ему слѣдовало-бы, да и лучшаго качества, благодаря постепенному приобрѣтенію отъ бѣдняковъ разныхъ „полосочекъ“ и „полянчекъ“ посредствомъ купли-мѣны. Платежъ же повинностей, между тѣмъ, нисколько не измѣнялся изъ за такого порядка вещей: кому и насколько надѣловъ отведено было земли въ началѣ выкупа, тотъ за столько надѣловъ и платилъ выкупные и другіе платежи, хотя бы в послѣдствіи владѣлъ, какъ сказано, вдвое большимъ или меньшимъ количествомъ земли. Такой порядокъ, конечно, для богатыхъ былъ выгоденъ, и они всѣми средствами тормозили возможность передѣла, какъ, на оборотъ, бѣдные всѣми силами добивались его.

Съ каждымъ годомъ такая аномалія во владѣніи земель выступала все рельефнѣе, и крики бѣдняковъ о несправедливости ея стали повторяться все чаще, чуть ли не при каждой сходкѣ. Наконецъ, должно быть, такой порядокъ сдѣлался не втерпежъ уже и тѣмъ изъ членовъ общества, для которыхъ было все равно,—дѣлать-ли землю или владѣть ею по старымъ мемамъ, и вотъ собралась спеціально для рѣшенія этого дѣла сходка, результатомъ которой я былъ крайне заинтересованъ и, какъ членъ, какъ участникъ въ этомъ дѣлѣ, поспѣшно отправился туда.

Изба старосты Ивана Васильева была, когда я вошелъ, буквально переполнена однообщественниками и и споръ двухъ враждующихъ сторонъ былъ въ полномъ разгарѣ. Трудно было разобрать, кто и что говорилъ, такъ какъ говорили или вѣрнѣе сказать кричали всѣ вмѣстѣ и никто никого не слушалъ. Но вотъ на минутку притихли, и староста, замѣтя меня, какъ вновь подошед-

шаго члена и не знавшаго еще „объ дѣлѣ“, обратился ко мнѣ съ разъясненіемъ и вмѣстѣ съ вопросомъ насчетъ моего мнѣнія:

— Видишь-ли, А. А., многіе у насъ вскумонились¹⁾ передѣлить землю,—говоритъ онъ,—а другіе не хотятъ: такъ, какъ ты думаешь?..

— Для меня, братцы, какъ хотите: куда большинство, туда и я! отвѣчаю.

— Такъ-то такъ, А. А! говорятъ противники передѣла,—но, примѣрно, мы владѣли своими участками около 30-ти лѣтъ, всячески ихъ удабривали, холили, сдѣлали свои полосы, что скатерти, и хлѣбъ у насъ сталъ родиться двойной, другіе-же, примѣрно, запустили чуть не всю пашню, да и остатки ея истончили, потому-что всячески избѣгали тяжелой работы, шли на легкіе заработки.. Такъ, посудите сами, зачѣмъ-же мы будемъ отдавать свои-то полосы и опять садиться на ихнія истощенія?.. Тощую-то не сдобритъ 10 лѣтъ,.. Зачѣмъ же насъ-то обижать?.. Вѣдь они—кто добивается передѣла—что наживали, такъ намъ не давали, съ нами не дѣлились? А если проматывали намъ-же ту или другую полосу, а въ полянку, то по доброй волѣ, сильной руки не было.. А теперь, вишь, надо отобрать, да мало того—еще сбавить мнѣ на полдуши и надѣла, даромъ-что я выкупалъ землю-то около 30-ти лѣтъ!.. Десять лѣтъ пройдетъ, такъ и то утверждаютъ въ правахъ; не только што.. Нѣтъ, это не порядокъ!..

— Десятилѣтняя давность, о которой ты помниаешь, разъясню я дядѣ Митрію,—относится къ личной, крѣпостной собственности и въ дапномъ случаѣ не примѣнима, такъ какъ земля здѣсь общественная и воля надъ дней, значить, тоже должна быть общественная.

— Полно, дядя Дмитрій, грѣшнѣе-то!..—говоритъ Васюха. Это развѣ порядокъ тоже: ты вотъ за двѣ ду-

1) Вскумониться—неожиданно предпринять что-либо, сдѣлать, собраться идти или бѣжать и т. п.

ши подати-то платишь, какъ и я, а у ти сростаеть хлѣба-то 50 мѣшковъ, а у меня только 10, а вѣдь фдоковъ-то у меня не меньше твоего?.. Это развѣ справедливо? вѣдь земля-то общественная...

— Вѣрно! вѣрно! загремѣло въ толпѣ.

— А кто васъ унимаеть удобрять землю-то или вновь распахивать? Пенниковъ-то есть еще—распахивай!—возражаетъ Дмитрій.

—То-то, вишь, нѣтъ такихъ, какіе ты-то завладѣлъ! У тебя полянка-то возлѣ самое поле, сажень сто отъ деревни, а намъ надо рснахивить ужь по ту сторону ляги, версты три отъ деревни, а это развѣ не расчетъ?.. Ты навозомъ-то оввалишь ее въ одинъ день, а намъ надо педѣля, также пахать, боронить и жать—все впятеро больше уйдетъ времени... А земля-то развѣ тамъ такая, какъ у тебя? Вѣдь тамъ—одна глина! Нешто мы маленькіе, не понимаемъ!.. Что зубы то заговариваешь намъ!.. огрызается Васюха.

— Да, вотъ, ребята! развѣ это по божески: при-мѣрно, Афанасій-то Васильевъ далъ моему отцу когда-то въ голодный годъ два мѣшка ржи, а выговорилъ за это какую полосу-то?.. Онъ каждый годъ спимаеть съ нея по три мѣшка, а пользуется ужь 20 лѣтъ... Я плати подати, а онъ моей полосой пользуется... Это нешто—порядокъ? говоритъ Кленко, маленькій мужичокъ.

— Дѣлать, непременно дѣлать надо! кричитъ выступившій впередъ Новиковъ: земля общественная, а пользуются только пять-шесть семей, а мы умирай съ голоду... Вотъ у меня три сына, а земли-то на одну душу, а у Титка не одного нѣтъ, все дѣвкп, а владіеть на три души, это ужь совсѣмъ обидно...

— Такъ что хоть и на три души! Ты вѣдь за меня подати не платишь? Я и за три, да окуратнѣе твоего плачу... огрызается Титъ Сибиркинъ. —А что у меня нѣтъ сыновей—на то воля Божья! у меня за то четыре дѣвки, не всѣхъ-же отдамъ замужъ, возьму и пріемыша,

а у тово, може, больше твоего будетъ парней-то...

— Да фсть-то вѣдь каждый день надо, а у теби „Улита фдетъ, да когда еще пріѣдетъ“, да дѣвку одну ты ужь запоручилъ,²⁾ може, и другую отдашь въ это межговынѣ; у тебя, значить, убудеть семья то, а мнѣ вотъ надо женить одного парня, у меня еще прибудеть фдоковъ-то... А что я не аккуратно плачу подать, такъ ты, умная башка, попробуй-ко на моей-то одной душепкѣ земли пожить, такъ можетъ быть не только подати не заплатишь, но съ голодухи умрешь!.. А я плачу и подать... Ты хлѣба-то продаешь рублей на 30 въ годъ, а я съ новаго года каждагодно ужь покупаю, ты и сѣно-то продаешь, а я арендую покосу на 20 руб., потому—на одной-то душепкѣ не далеко ускачешь...

Мало по-малу споръ двухъ сторонъ становится все тише и тише—признакъ готовящагося примиренія. Наконецъ, дядя Дмитрій встаетъ съ лавки и говоритъ:

— Ну, какъ хотите, братцы! Я не перечу міру: дѣлать, такъ и дѣлать!..

— Вотъ давно бы такъ, дядя Митрей!.. За это—спасибо!.. слышится въ толпѣ.

— И я согласенъ, Богъ съ вами! говорятъ Сибиркипъ: коли-што, нехватки будутъ, то распашу и на купленной (крѣностпой), земли у меня хватить...

Порѣшили передѣлать всю землю, какъ пахатную, сѣпокосную, такъ и годную подъ то или другое, по скотскій выгонъ и дровяной лѣсъ оставить въ общемъ, по прежнему, пользованіи. Дѣлежъ рѣшено начать съ завтрашняго же дня и на первый годъ изъ нашни раздѣлать лишь то поле и полянки, что были подъ паромъ—„парешну“,—такъ и въ слѣдующій годъ, такимъ образомъ дѣлежъ окончить лишь въ три осени, такъ такъ какъ система хозяйства трехпольная.

2) Запоручилъ—запроснатель.

Порѣшивши въ принципѣ иредѣлить нашу „кормилицу“, немедленно же приступили къ разверсткѣ (покатеретически, конечно), душевыхъ надѣловъ между однообщественниками. Разверстка производилась смотря „по ѣдокамъ“ каждаго двора: съ одного двора сбавляли на 1 душу, на $\frac{1}{2}$ души и даже на $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ часть души, а другому прибавляли такое же количество. Здѣсь принималось во вниманіе все, всякая мелочь въ состояніи семьи въ настоящемъ и въ возможномъ будущемъ. Такъ, если у крестьянина, въ родѣ Сибиркина, дѣти все дѣвочки, то рѣшено надѣлать ему и на будущаго приемыша на $\frac{1}{2}$ души, а у другого хотя и есть сынъ, но находится въ общинѣ и уже „отчислился“, перешелъ въ другое сословіе или въ другое общество, то на такого „отрѣзаннаго ломтя“ земли уже не полагалось. Что же касается такихъ членовъ общества, которые находятся въ военной елужбѣ или въ частной, или просто неизвестно гдѣ, „можетъ помереть, а можетъ и явится“, то всѣхъ этихъ, какъ могущихъ вернуться, рѣшено надѣлать землею на равнѣ съ живущими въ самой деревнѣ. Даже рѣшили надѣлать земли на одну душу Андрею Крушину, у котораго послѣ смерти отца земля перешла „по разнымъ рукамъ“, и самъ онъ воспитывался всѣмъ обществомъ, по-очередно кормился, а теперь думаетъ „домомъ жить“, т. е. хозяйствовать самостоятельно.

Не могло обойтись и при этой разверсткѣ безъ спора и брани, конечно, но такъ-такъ главное—передѣлать—было уже рѣшено, то въ подробностяхъ насчетъ „сбавки“ или „прибавки“ надѣловъ и частей его много не разсуждали. Каждый изъ участниковъ приблизительно зналъ зарпѣе, съ кого и сколько нужно, по совѣсти, сбавить, кому и сколько прибавить, поэтому скоро и порѣшили съ этимъ вопросомъ. Написали затѣмъ приговоръ и началось рукоприкладство, съ неизбѣжными шутками:

— Эхъ, ты, Новиковъ! Что ворона набродилъ на листѣ-то... замѣчаешь подошедшій на смѣну ему Костюха Сѣрковъ.

— Нѣтъ-на, мастеръ расписываться-то, только бы урядникомъ быть!.. Ужо, какъ самъ-то подпишешь?.. Э-э! да тебѣ не помѣстится и на листѣ-то, надо подшить изъ подъ сахару тотъ листъ!..

Кончили и рукоприкладство съ неизбѣжнымъ заключеніемъ: за большинство членовъ общества „по личной ихъ просьбѣ за неграмотностію такой-то руку приложилъ“. Вспомнилъ кто-то при этомъ одинъ казусъ, бывшій съ Новиковымъ въ молодости, заключавшійся въ томъ, что разъ становой приставъ заставилъ его расписаться за какого-то неграмотнаго, Новиковъ взялъ перо и спрашиваетъ пристава: что ему писать? приставъ отвѣтилъ: „пиши по безграмотству такого-то такой-то руку приложилъ“, Новиковъ такъ буквально и написалъ, не упомянувъ имени, за что и получилъ плюху. Посмѣялись надъ этимъ и стали расходиться по домамъ, „къ бабамъ подъ крылышки“, по замѣчанію одного „повожени“, уговорившись на завтра утромъ собраться опять къ старостѣ, чтобы оттуда и отправиться въ поле.

II.

На утро подхожу къ дому старосты и застаю тамъ уже всѣхъ домохозяевъ налицо, которые были въ полномъ вооруженіи: съ топорами за поясѣмъ и двухсаженными колыями на плечахъ для обмѣриванія земли. Вотъ, наконецъ, тронулись въ поле, благословляемые бабами и провожаемые ребятишками... Шествіе было достойно кисти художника! Вся толпа шла молча, изрѣдка перекинется кто нибудь словечкомъ—и опять все замолкнетъ. Каждый былъ погруженъ въ думу „спасти свое животиншко“, ибо это самое животиншко всецѣло зависѣло отъ земли, которую приступили раздѣлать. „А что, если

мигъ да достанутся все неудобныя, глинистыя полосы и хлѣбушко не будетъ расти“? каждаго мучилъ этотъ неотвязчивый вопросъ и сжималъ сердце... Артельного, веселаго смѣха, обычнаго при всякой общественной работѣ, здѣсь не было и въ номинѣ...

Вотъ, наконецъ, и поле. Какъ дѣлать? Условились производить дѣлежъ по прежнему: сначала раздѣлить поле на половины, раздѣливъ и общество такъ, чтобы число душъ у той и у другой половины было 68, по дробя, конечно, семействъ, каждая половина дѣлилась тоже пополамъ. и затѣмъ также на 2 ровныя части дѣлилась и каждая $\frac{1}{4}$ часть— „четверуха“. „Восьмуха“ должна дѣлить землю уже по-душно, къ каждому двору отдѣльная полоса, согласно числу душъ. Каждая половина, четверуха и восьмуха имѣла своего представителя и по нему называлась. Представителями были наиболѣе многочисленныя въ родовомъ отношеніи члены общества, при томъ обладающіе наибольшимъ пониманіемъ веденія хозяйства. Наша половина общества, т. е. та, къ которой принадлежалъ я, называлась „Кадушкиными“, по представителю ея, крестьянину Кадушкину, другая-же половина называлась „Митенцами“, такъ какъ представителемъ ея былъ тотъ самый дядя Дмитрій или Митя, о которомъ уже было говорено, и т. д.

Посрединѣ поля, предназначеннаго къ раздѣлу, проходила дорога, прежде раздѣлявшая поле на половины, но ни та, ни другая половина общества лѣвую „задорожицу“ те брала добровольно, что называется „съ-люби“, а всѣ лѣзли къ правой, считавшейся плодороднѣе.

— Да мы,—говорятъ кадушкины,—на двѣ сажени уступимъ еще изъ правой задорожицы на лѣвую, только отдайте намъ правую!..

— Какъ бы не такъ! Мы три уступимъ,—отдайте-ка сами! говорятъ митенцы.

— А мы четыре!

— А мы пять! кричатъ опять митенцы.

— Коли пять уступаете, то берите! сказали кадушкины.

— Возьмемъ! кто-то сказалъ изъ митенцевъ, но другіе протестуютъ: „Что вы, съ ума развѣ спятили!.. Дайко пять сажень откинь да во всю-то длину поля, то сколько у нихъ земли-то прибудеть, а намъ, что останется?.. Нѣтъ, не согласны!..

— Вишь штука-то какал,—замѣчаетъ кто-то: одна только сажень, да и перевѣсила, ни кто и брать не сталъ...

— Обьегоривать другъ друга въ этомъ дѣлѣ нельзя, ребята! Каждому вѣдь жить надо... Лучше сдѣлаемъ такъ: откинемъ дорогу въ правую половину на два кола—4 саж.—да и бросимъ жеребеѣкъ,—святое дѣло! говорить старикъ Петруха.

— Вѣрно, вѣрно, Петро! каждому жить надо... раздается въ толпѣ.

Взяли двѣ рукавицы, та и другая половина подали по жеребью: кадушкины соломенку, а митенцы щепочку, подали одному положить жеребья въ разныя рукавицы. Взявшій жеребья отошелъ отъ артели на почтительное разстояніе, отвернулся, чтобы не замѣтили и положилъ, а за тѣмъ припечь. „Кому теперь бросать“? „Старостѣ“! закричали мѣряне. Староста взялъ рукавицы и бросилъ: „Эта, говоритъ, рукавица на правую задорожицу, а эта на лѣвую“! На правую вышла съ соломенкой.

— Наша! крикнули кадушкины.

— Ахъ, чортъ воьми! на самую-то глину насъ и спѣхали,—сказали митенцы.

— Вотъ какъ мы васъ обдѣляли! хвастаютъ кадушкины.

— Ну, ничего! только пахать по тверже будетъ, а хлѣбъ-то родится и на лѣвой не хуже, а одворье,³⁾

3) Одворье—первый отъ дворовъ загопъ.

тактъ, пожалуй, еще лучше вашего... Огадки⁴⁾ вотъ только вымокають иногда...

— Говорите теперь, што знаете, а ужъ мы васъ обдѣляли, надо правду сказать! не перестаютъ хвастаться кадушканы.

Пока разсуждали, да размѣряли, время уже выпулось къ обѣду.

Отправились по домамъ.

Послѣ обѣда стали дѣлить одворье на четверухи, но раздѣлить одворье оказалось не такъ легко, какъ цѣлое поле. Если раздѣлить пополамъ, по числу сажень, то раздѣлъ былъ бы неравенъ, такъ какъ та часть, что шла къ изгороди, была бы меньше, ибо лехи шли туда на откосъ, одна другой короче, и послѣдняя леха у изгороди имѣла длины только 20 саж., тогда какъ возлѣ дороги они были по 50 саж. длины. Начали измѣрять: сколько нужно сдѣлать „прибавки“ къ укороченной части? Сговорились на 3 лехи. Откинули это. Затѣмъ откинули $\frac{1}{2}$ лехи или по мѣстному „прилехъ“ къ той полосѣ, что возлѣ дорогу надѣлится, это на „затопку“, такъ какъ дорога не широка и смежная полоса возлѣ нея всегда отчасти затапывается то людьми, то лошадьми при проѣздѣ. Остальное отъ этихъ „прибавковъ“ количество земли и раздѣлили пополамъ, предварительно измѣривши кольями, — и метнули жребій. На нашу четверуху палъ жребій къ изгороди.

Въ это время къ намъ подошли митенцы, раздѣлившіе уже свою половину на четверухи, естественно, съ нашей стороны пошли вопросы: кому и гдѣ досталось?

— Да намъ, братцы, къ ручью досталось! сказала Паршинъ.

— Ну камень-то видно все ваше! замѣчаетъ кто-то изъ нашихъ.

— Что дѣлать! жребій то не лошадь—не сядешь на него?.. Главное—смываетъ по веснамъ, вотъ что худо, а камень-то ничего-бы: гдѣ камень,—тамъ хлѣбъ-то родится еще лучше, потому—согрѣваетъ опъ корни...

На слѣдующій затѣмъ день раздѣлили одворье сначала на восьмухи, а потомъ уже подушно. При этомъ мнѣ еще разъ удалось на дѣлѣ убѣдиться, насколько каждому крестьянину дорога земля, не даромъ пользующаяся такимъ лестнымъ эпитетомъ, какъ „матушка-кормилица“; за каждымъ вершкомъ ея буквально дрожитъ крестьянинъ, и раздѣлъ пополюсно, по душамъ, производится съ замѣчательной тщательностію. Въ восьмухъ было 17 душъ, чтобъ раздѣлить доставшійся участокъ земли по душамъ, прежде всего приступаютъ къ расверсткѣ его, дабы каждому домохозяину досталось земли столько, сколько ему слѣдовало по числу душъ его двора, ни больше, ни меньше, что, въ свою очередь, я долженъ сказать, не легко было сдѣлать съ такимъ единственнымъ инструментомъ, какъ двухсаженный коль. Если бы участокъ имѣлъ правильную форму квадрата, тогда, конечно, другое бы дѣло, но бѣда была въ томъ, что онъ имѣлъ форму неправильнаго трехугольника, слѣдовательно надо было разверстать такъ, чтобъ насколько одна полоса была короче или длиннѣе другой, настолько-бъ она была шире или уже той, т. е. увеличеніемъ или уменьшеніемъ ширины полосы наверстать укороченіе или удлиненіе ея. Разумѣется, долго пришлось биться крестьянамъ за этой разверсткой, но, однако, все же достигли желаемаго и поверстали болѣе или менѣе правильно: на одну полосу сдѣлали прибавку 3 аршина, на другую 2 и т. д., затѣмъ счисливъ весь общій прибавокъ въ одно, и то, что получилось, откинули къ одному краю участка, остальное же смѣряли. Оказалось, что ширины этотъ участокъ имѣлъ еще 18 саж. а душъ въ восьмухъ было 17, какъ уже сказано, значитъ, на каждую душу приходится по одной сажени и

4) Огадки—послѣдній, дальній загонъ въ полѣ.

одна сажень еще въ остаткѣ. Чтобы раздѣлить и оставшуюся сажень сдѣлали такую палочку, чтобы 17 такихъ равнялись одной сажени, затѣмъ условившись съ котораго края начинать дѣлежь, метнули жребій кому первому, кому второму надѣлять полосы и приступили къ раздѣлу. Владѣльцу 3-хъ душъ намѣряли 3 саж., 3 палочки и еще то, что слѣдовало на ту полосу изъ общаго прибавка, владѣльцу $2\frac{1}{2}$ душъ— $2\frac{1}{2}$ саж., $2\frac{1}{2}$ палочки и т. д. Раздѣливши, навтыкали колышкозъ и провѣшили каждый свою полосу, а на крайнихъ колышкахъ сдѣлали по „пятну“, по которымъ впоследствии и узнають свои полосы.

Пятно—это тоже, что „тавро“ или у татаръ „талпа“,—нѣчто въ родѣ фамиліи, и также переходитъ изъ рода въ родъ въ каждый крестьянской семьѣ; только при раздѣлѣ семьи, выдѣлившаяся повал семья дѣлаетъ на немъ нѣчто собственное, какъ-бы собственное имя, но общій родовой признакъ въ пятнѣ остается все же неприкосновеннымъ. Такъ, напр., наше родовое пятно было косою зарубки. Прежде, у дѣда, оно обозначалось одной косою зарубкой, отецъ же раскащика, выдѣлившись, долженъ былъ сдѣлать въ отличіе двѣ такія зарубки, а племянникъ отца—три. Затѣмъ, въ старѣйшей послѣ этихъ раздѣловъ семьѣ вновь произошелъ раздѣлъ и выдѣлившаяся семья какъ не могла сдѣлать пятна ни въ одну, ни въ двѣ и три зарубки, а четыре считала обременительнымъ нарѣзывать, то сдѣлала одну косою и внизу точку. Въ другомъ родѣ было пятно—горизонтальная зарубка, и тоже, когда дошло до 4-хъ, то новая семья сдѣлала одну горизонтальную, а другую—вертикальную и небольшую, косыхъ же зарубокъ не могли сдѣлать потому, что это былъ нашъ родовой признакъ пятна. Это—простѣйшія пятна, но есть и сложные. Напр., въ Кузнецовскомъ родѣ крестикъ: у Михайла просто крестикъ, у Дмитрія крестикъ и на верху зарубка, у Степана крестикъ и внизу зарубка и т. д.

Такія пятна кладутся и на изгороди, и староста обязанъ знать ихъ всѣ и помнить, осматривая исправность изгородей...

Послѣ одворья начали дѣлить середину и озадки поля и раздѣлили такимъ же образомъ, что и одворье, только, надо замѣтить, трудъ по разверткѣ здѣсь болѣе усложнялся, нежели при раздѣлѣ одворья, гдѣ почва была болѣе или менѣе одинакова. Здѣсь же были полосы каменистыя, были и глинистыя, были и водянистыя, на которыхъ хлѣбъ отчасти вымокаетъ. Каждое запущенное мѣсто—„пустовытокъ“, по мѣстному,—каждая кочка обсуждалась здѣсь всѣми, такъ какъ крестьяне отлично знаютъ въ своемъ полѣ плодородіе каждаго верхка земли и стараются поэтому раздѣлить ее такъ, чтобы каждому досталась всякаго качества земля.

— Тутъ въ этомъ дѣлѣ нельзя такъ, чтобы отмахнуть поровну да и бросить жребій на счастливаго—кому чего достанется... Потому—не такое это дѣло... Здѣсь надо подумать, да изверстать, а потомъ ужъ жребій-то, если съ-люби не столкнется! говоритъ Петръ, когда его стала упрекать молодежь въ излишней, по ея мнѣнію, медленности дѣлежа.

Молодежь вообще, надо сказать, рѣшительнѣе: она готова раздѣлить хоть въ одинъ день всѣ поля, не затрудняя свои головы думою о разверткѣ. Старики же держатся совсѣмъ противоположнаго; они не бросаются на дѣлежь, а стараются сначала „подумать“, да „изверстать“, а потомъ ужъ раздѣлить тотъ или другой участокъ, слѣдуя пословицѣ: „семь разъ помѣрай, а однажды отрѣжь“.

А подумать и вправду было о чемъ!

Представьте себѣ площадь пахоты въ 10—20 десятинъ, площадь неправильной формы и различной плодородности почвы: есть тутъ и каменистая, есть и глинистая, есть ляги, есть кустики, камни, есть очень хорошая и мягкая земля, есть и „такъ-себѣ“,—вотъ и

извольте-ка съ такимъ инструментомъ, какъ двухсаженный колъ, раздѣлить ее такъ, чтобъ каждому домохозяину—а ихъ 70 человекъ—досталось той и другой и третьей земли, да и столько, сколько ему слѣдуетъ по величинѣ своего надѣла, ни больше, ни меньше... Согласитесь, что есть о чемъ подумать старикамъ?...

III.

Послѣ раздѣла поля приступили къ раздѣлу полянокъ и къ повѣркѣ усадебной осѣдлости. Полянокъ было 18 штукъ и совершенно различной величины, а также и плодородія, поэтому раздѣлъ ихъ отиалъ у насъ цѣлую недѣлю времени. Здѣсь нужно было старикамъ сообразить кромѣ количества распашки еще изгороди, каковы они, долго-ли не требуютъ ремонта? Нужно сообразить и то, возможна-ли дополнительная распашка къ той или другой полянкѣ, а также кому полянка принадлежала? Если полянка принадлежала хорошему зажиточному крестьянину, то, значить, унавожена, не истощена, и наоборотъ—если бѣдняки владѣли ею. Была и такая полянка, которая принадлежала рабѣ 30-ти домохозяевамъ, тутъ опять при раздѣлѣ на-мелко, т. е. пополосно принималось въ соображеніе, какое мѣсто и кому принадлежало до этого времени.

При раздѣлѣ полянокъ крестьяне нѣсколько оживились духомъ, то-и-дѣло стали перекидываться уже шуточками, такъ какъ приглядѣлись всѣ къ этому дѣлу и перестали скорбѣть о томъ, чтобъ не достались все худыя полосы, убѣдившись, что раздѣлъ идетъ ровно. Былъ у насъ одинъ домохозяинъ слабоумненькій, по имени Макаръ или Макарка, какъ его всегда называли, которому и досталась въ одной полянкѣ самая лучшая полоса, сильно удобренная,

— Эхъ!—говорятъ шутники, тебѣ, Макарко, какая же дрянъ досталась,—прости Господи!.. и нахоть-то нельзя будетъ—душно!.. ха! ха!..

Макарка и послѣ повѣсилъ, загрустилъ и чуть не плачетъ, что еще болѣе подзадоривало шутниковъ, и хохотъ поднялся всеобщій. Наконецъ Макарко не выдержалъ, дѣйствительно заплакалъ и проситъ своего родственника обмѣняться полосами.

— Полно, дуракъ!—говоритъ тотъ,—вѣдь смѣются надъ тобой, это еще лучше, что унавожена... Для чего ты и павозъ то возишь, подумай?..

Макарко вдругъ и повеселѣлъ.

— Это, говоритъ онъ шутникамъ, еще лучше, што душно!..

Не смотря на свои слабыя умственные способности, Макарко велъ свое хозяйство почти не хуже другихъ и подати платилъ исправно, потому-что былъ трудолюбивъ и послушливъ. Что другіе будутъ дѣлать, скажутъ ему, то и онъ дѣлаетъ, и выходитъ хорошо. Въ общины существованіе Макарка, какъ самостоятельнаго хозяина, не мыслимо, въ общинѣ-же онъ благополучествовалъ, даже женился и имѣетъ дѣтей. Личные индивидуальныя недостатки въ общинѣ какъ-то сглаживаются, потому-что человекъ со слабою волей и со слабымъ умомъ подпадаетъ подъ вліяніе толпы и подчиняется общему теченію жизни. Кромѣ того община помогаетъ совѣтомъ и дѣломъ въ несчастіяхъ, напр. вдовамъ въ первое время ихъ вдовства. Этимъ объясняется у насъ и существованіе женщинъ-домохозяекъ, которыя ведутъ свое хозяйство ничѣмъ не хуже мужчинъ, если въ семьѣ ихъ порядочно рабочихъ рукъ. Въ этомъ—громадное преимущество общины предъ подворно-наслѣдственнымъ землевладѣніемъ...

Послѣ раздѣла полянокъ, занялись повѣркою усадебной осѣдлости. Усадебная осѣдлость, какъ извѣстно, не подлежитъ передѣлу, но у насъ она измѣрлется и верстается нахотнымъ кругомъ, отведеннымъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, подъ усадебную осѣдлость. Здѣсь, прежде всего, смѣряли, сколько каждый домохо-

зашь занимаетъ своими постройками и огородами (улицы въ счетъ нейдуть): если больше того, сколько бы ему— по приведеніи въ извѣстность—слѣдовало по величинѣ его надѣла, то излишне заняты имъ квадратныя сажени. исключались изъ слѣдуемой ему полосы въ пахотномъ кругу осѣдлости и причислялись къ тому, у кого осѣдлости было занято постройками менѣе того, сколько бы ему слѣдовало. Работа и эта оказалась не легкою, потребовавшею цѣлыхъ два дня времени, но справились и съ ней...

При обмѣрѣ осѣдлости не обошлось безъ ругательствъ и споровъ, особенно выдавался этимъ женскій персоналъ деревни. Рѣдкая баба не выбѣгала на улицу, когда подходили къ ея дому, прося то или другое мѣсто не класть въ мѣру. и когда ея не слушались, то награждала цѣлымъ потокомъ брани всѣхъ, а наиболѣе своего муженька: и няница то онъ, и подлецъ, и перачитель дому и т. д.

— Слыхано-ли дѣло, штобы пустое мѣсто въ огородѣ мѣрять? Вѣдь одна глина, а въ полѣ отдай хорошую землю... Анафемы вы! Пропойцы!.. Нашли такова дурака, какъ мой-еть, такъ просто вамъ... обмѣриваете!.. кричала она, когда огородъ мѣряли весь, сколько было обнесено изгородью, а не по ея, не однѣ только гряды.

— Да, Матренка, если глина, такъ зачѣмъ ты обнесла изгородью-то? Вѣдь кака я ни есть земля, а ваша, ты некого не пустишь съ сохой туда!.. урезониваетъ ее староста.

— Полно, Матреха, кричать! Не то, ей Богу, отчешу за косы!.. Что ты дуришь? У всѣхъ такъ мѣряютъ, не у пасъ однихъ... урезониваетъ наконецъ, и мужъ.

— Няницы! анафемы! кричить, не унимаясь, баба, да и все.

Такія сценки повторялись чуть-ли не у каждаго дома. На будущее время владѣніе усадебной осѣдлостью оставили опять на прежнихъ основаніяхъ: если кому-

либо понадобится строить вновь домъ, амбаръ, хлѣвъ и т. п. или старое строеніе переносить на новое мѣсто, то стѣснять его въ этомъ никто не долженъ, хотя-бы строящимся былъ занятъ вашъ лучший огородъ. Тотъ же домохозяинъ, у котораго строящимся было занято мѣсто, тоже въ свою очередь имѣетъ право взять у строящагося взаменъ его лучшей огородъ или столько сажень его, сколько отчуждено подъ постройку, и тотъ не виравъ отказать ему въ этомъ.

Такъ кончился на первый годъ передѣлъ пахотной земли, но вслѣдъ за пашней, вздумали старики въ этомъ же году раздѣлить и сѣнокосную землю, что и привели въ исполненіе.

IV.

Время было уже Октябрь мѣсяць, погода стояла холодная, изрѣдка выпадалъ снѣжокъ, такъ-что всѣ запаслись шубами и рукавицами, отправляясь на раздѣлъ сѣнокосовъ. Однако, сѣнокосную землю на половины скоро раскинули, даже не отходя отъ старостина дома, такъ-какъ не трудно было сосчитать въ какомъ численіи, пожнѣ и сколько накашивается сѣна внизъ по теченію рѣки и сколько вверхъ (у пасъ весь сѣнокосъ по рѣкѣ), затѣмъ исчисливъ, раздѣлить по поламъ это количество сѣна и метнуть жребій. Плодородіе же земли и качество травы было почти одинаково, что вверхъ, что внизъ по рѣкѣ: вездѣ всякаго качества была земля, въ общемъ. Такъ и было сдѣлано. Нашей половинѣ досталась земля вверхъ по рѣкѣ.

Но въ пожняхъ, какъ и въ полѣ, чѣмъ мельче дробился участокъ, тѣмъ больше усложнялся раздѣлъ его изъ-за разверстки, даже затруднительнѣе пахоты, во 1-хъ потому, что поженъ было числомъ болѣе, нежели полей и полянокъ, во 2-хъ потому, что нѣкоторыя изъ поженъ были удалены на 6—8 верстъ отъ деревни,

другія же находились возлѣ самой деревни, значить, тутъ и разстояніе играло немаловажную роль. Пришлось всю сѣнокосную землю въ своихъ половинахъ осмотрѣть, измѣрять, изслѣдовать годность и количество изгородей, качество сѣна и количество его въ каждой ножи въ отдѣльности, возможное улучшение и дополнительную расчистку (и при какой затратѣ труда) годной для сѣнокоса земли. Такимъ образомъ на раздѣл сѣнокосовъ мы потратили время болѣе педѣли, уходя изъ дому чуть-свѣтъ и приходя уже въ потьмахъ.

Насколько видную роль играетъ здѣсь удобная подѣ расчистку для сѣнокоса земля, видно уже изъ того, что многіе изъ домохозяевъ отказывались отъ вѣкоторыхъ полосъ существующаго покоса и брали „съ-любви“ взами́нъ того совсѣмъ заросшія лѣсомъ ляги, но „травянистыя“, считавшіяся удобными подѣ расчистку. Такъ, впрочемъ, поступали большесемейные, одиночки-же довольствовались хоть малымъ, да готовымъ сѣнокосомъ. Да оно и понятно: если одинокому взять какое нибудь заросшее мѣсто да расчищать его наймомъ (а одному гдѣ же справиться!), то „сѣно-то будетъ расти покупное, да и дорогой цѣною“, какъ справедливо замѣчаютъ они. Не то большесемейные.

— Я не боюсь ляги! говоритъ Яковъ Ивановъ, у котораго было три сына взрослыхъ, да и самъ еще въ „могутъ“:—Что миѣ значитъ на 3—4 года лишиться какихъ нибудь 5-ти проминъ⁵⁾ сѣна, а потомъ я, какъ расчищу лягу-то, такъ у меня будетъ расти по 20 вольвъ въ годъ!.. Въ тигандійкѣ у меня такъ вышло...

Можетъ быть Яковъ Ивановъ и прибавилъ для краспорѣчія (безъ этого ужъ нельзя!), столько сѣна у него и не бываетъ въ тигандійкѣ, гдѣ онъ дѣйствительно въ старину предпочелъ лягу готовому сѣнокосу, но во

5) Промина небольшой, съ 1 воль, стога сѣна.

всякомъ случаѣ трудъ по расчисткѣ удобныхъ для покоса ляжинъ всегда хорошо вознаграждается.

Дѣлежъ сѣнокосовъ по-полосно производится даже съ чрезмѣрною разверсткою, которая пмѣетъ и свою невыгоду слѣдствіе дробности участковъ. Такъ, напр., въ одномъ чищеніи на долю каждаго домохозяина надѣлили по 10-ти полосъ, которая поэтому были настолько мелки, что владѣльцу 3-хъ душеваго надѣла доставалась полоска въ одинъ возъ сѣна. Такъ что въ данномъ случаѣ крестьяне что выгадываютъ отъ разверстки, не менѣе того теряютъ (и притомъ всѣ) отъ дробности полосъ, потому что чрезъ это и сама работа по косьбѣ и уборкѣ сѣна замедляется. Нерѣдко пзъ за того, что много времени теряется на переходъ съ одной полосы на другую, какую нибудь полосу замочить дождемъ и сѣно сгниетъ, будь это въ одной полосѣ, они уснѣли бы его убрать до дождя... Но такая ужъ сила обычая, стариками установленнаго и идти противъ этого было бы бесполезно...

Сѣнокосами здѣсь дорожатъ больше всякой другой земли, не исключая и пахотной, ибо подѣ пашню болѣе удобныхъ мѣсть, нежели подѣ сѣнокосъ. Безъ сѣнокоса и лучшая пахотная земля не дастъ хорошаго урожая хлѣбовъ, такъ-какъ нѣтъ покоса,—нѣтъ и скота, а нѣтъ скота—нѣтъ и удобренія, безъ удобренія же хлѣбъ почти вовсе не родится. Изъ этого и вытекаетъ дробность полосъ, потому что каждому хочется получить „сѣнокосу“ если и не больше мѣрою и не лучше качествомъ, то и не меньше и не хуже, какъ и у другого съ одинаковымъ надѣломъ крестьянина.

Такъ кончился на первый годъ раздѣлъ нашей „матушки-кормилицы“, и окончаніе его, какъ и всякаго крупнаго мірскаго дѣла, было „вспрыснуто“ 2-ми ведрами водки и... сошло благополучно, такъ какъ важное начальство въ то время не жило по деревнямъ и штрафовать насъ за это было некому...

НА ГУЛЯНЬИ.

— Народу-то, батюшки мои, сколько!.. такъ и валишь артель за артелью!.. Гибель народу будетъ сего дня у Спаса!.. говоритъ мнѣ старушка-мать, указывая на толпу мимоидущей расфранченной молодежи, и въ 101-й разъ обращается ко мнѣ съ просьбой: „сходи, сходи, парнекъ, послушай хоть однажды старуху“!

— Да, маменька, для чего я пойду-то туда? чего я тамъ не видалъ, мнѣ и дома хорошо, говоритъ ей.

— Какъ для чего? удивляется она: знамо для того, для чего и вся молодежь ходитъ—людей посмотреть и себя показать, чай, не уродъ какой, и одѣться есть во что,—почему не пойти съ народомъ?..

„Въ самомъ дѣлѣ: почему не пойти съ народомъ“, мелькнуло у меня въ головѣ, почему не успокоить старушку? И вотъ, наскоро одѣвшись, вышелъ я на улицу и примкнулъ къ проходившей артели пожилыхъ мужиковъ изъ сосѣдней деревни. Любопытно мнѣ было узнать: что ихъ-то нудить идти на гулянье? о чемъ я и спросилъ ихъ.

— Знамо, что—хозяйство, отвѣтили Петръ Иванинъ: мнѣ, вотъ, косу сынку нужно купить, а вотъ ему, указалъ онъ на другого, ситецъ требуется..

— Да косы и ситецъ, кажется, есть у васъ въ мѣстной лавочкѣ..

— Какъ не быть? да дорожатся наши-то торговцы.

— Значить, здѣсь вы надѣетесь купить все значительно дешевле, нежели у себя дома?

— Знамо-дѣло такъ! косу здѣсь на цѣлый пятакъ дешевле можно купить, но и ситецъ тоже: копѣйка на аршинъ подешевле...

— Только то?

— Только, да вѣдь нашему брату, крестьянину, и то расчесть...

— Да такъ-ли?.. Выгадывая пятакъ или даже гривенникъ, вы теряете цѣлый рабочий день, неужели въ день-то, особенно теперешній (это было въ Петровки) вы не заработаете этого гривенника или даже двугривеннаго?

— Конечно, заработаемъ! бересту драть, такъ и то добудешь 20—30 коп. въ день...

— Въ такомъ случаѣ—въ чемъ же тутъ расчетъ?..

Петръ ничего не отвѣтилъ и замаялся; видно было, что разговоръ этотъ ему—не по нутру. Признаюсь, и мнѣ стало нѣсколько совѣстно, что я позволилъ себѣ учитывать человѣка гораздо старше себя, да еще въ его собственномъ дѣлѣ, и мы оба замолчали... Но счастью, на выручку мнѣ явился Алеха Степахинецъ. *)

— Не смотри, А. А., на Петруху то, онъ вретъ все! Просто сказать: идемъ и мы тоже погулять,—съ народомъ-то веселѣе... Не все же работа на умѣ, захошь и выпить малость. . Какая ужъ тутъ выгода? пятакъ-то скорѣе передашь, чѣмъ выгадаешь, да и коосу-то, пожалуй, скорѣе худую купишь:—гдѣ тутъ выбирать, народу-то тьма, едва доступишь до лавки, еотъ самъ увидишь!

— Оно такъ-то такъ, да вѣдь и то сказать: если все-то расчитать, такъ хоть и не живи—прямо умирать надо!—проговорилъ Петръ, почесывая свой затылокъ...

*) На сѣверѣ, замѣчу кстати, прозванія и прозвища довольно курьезны: въ большинствѣ случаевъ они бываютъ не по отцу, а по матери, по жепѣ и по „подругѣ“. По матери они оканчиваются на „ниъ“, по жепѣ или подругѣ—на „нець“, въ данномъ случаѣ прозвище было дано по подругѣ.

Разговорившись, мы незамѣтно дошли до мѣста гулянія.

Церковь Спасителя стоитъ на высокой горѣ, видъ съ которой очарователенъ: влѣво великолѣпный сосновый боръ—роща, окаймленный небольшою рѣчкой, прямо—рѣка Мужевская, со своими заливами, лугами, березовыми порослями, живописно отражавшимися въ водѣ, вправо—три деревни, окруженныя полями и затѣмъ на горизонтѣ—все лѣсъ и лѣсъ...

Гулянье происходило на церковной площади, и когда мы пришли, она уже кишѣла народомъ. Весь этотъ съ разныхъ сторонъ собравшійся людъ прежде всего поражалъ непривычнаго человѣка пестротой и разнообразіемъ одежды: тутъ можно было встрѣтить и пальто по „последней городской модѣ“, и стародавній „кокошникъ“. Но во всемъ—царила поразительная безвкусица, особенно у дѣвицъ, происходившая отъ невозможнаго сочетанія цвѣтовъ и разнохарактерныхъ модъ—чуть ли не за пятидесятилѣтній періодъ времени! Напримѣръ, платье шелковое самой последней моды, а шляпка—какой-то безобразнѣйшей формы, давнымъ-давно отжившей свой вѣкъ. Относительно одежды мужчинъ можно сказать то-же самое, хотя въ ней замѣтно было болѣе послѣдовательности, нежели у прекраснаго пола.

Гуляніе было въ полномъ разгарѣ. Расфранные дѣвицы бродили по площади, пѣли пѣсни и неумолчно щелкали орѣшки. Вокругъ ихъ толпились парни съ гармониками и выдѣлывали разные „нлясы“, съ посвистомъ и пѣснями самаго скабренаго содержанія, что мѣстными дѣвицами не вмѣняется въ вину молодцамъ: напротивъ такого наряда опѣ еще болѣе уважаютъ, какъ наиболѣе ухарскаго. Тихіе и смиренные парни заслуживаютъ презрѣніе дѣвицъ, это—„мямли“, „тихони“. Впрочемъ, вообще нужно сказать,—отношенія половъ здѣсь очень упрощены, хотя такого разврата, какъ въ густонаселенныхъ фабричныхъ мѣстностяхъ средней полосы

Россіи, еще не замѣчается. Пожилыя женщины толпились около лавочекъ, умоляя торгашей сбавить „Христа-ради“ конѣчку съ ситца, и если торговецъ уступалъ, то бабы все-таки не покупали, не прицѣпившись во всѣхъ лавкахъ: только тогда, когда это сдѣлано, рѣшались онѣ наконецъ отрѣзать себѣ 3—4 аршина ситца.

Вообще здѣшнія бабы—народъ очень аккуратный, почему онѣ всегда и при деньгахъ, которыя у мужчинъ бываютъ не всегда.

Когда мы пришли, значительная часть пожилыхъ мужиковъ была уже на веселѣ, не смотря на то, что обѣдня только-что началась. Мнѣ, какъ новичку на гуляньяхъ, показалось странно: какъ могли они напиться въ такое время, когда и „лавочки“ съ питьями по закону не открываются? „Положимъ, думалъ я, законъ не всегда исполняется, особенно въ такой глуши, какъ данная мѣстность, но вѣдь лавочка-то отъ мѣста гулянья далеко—версты полторы: неужели уснѣли они сходить туда?.. За разрѣшеніемъ этого недоразумѣнія я обратился къ одному, встрѣтившемуся мнѣ знакомому.

— Да это очень просто, пойдите въ кусты—сами увидите, какъ это дѣлается, сказалъ онъ.

Я пошелъ—и что же? чуть ли не подъ каждымъ кустомъ оказалось по винной лавочкѣ, изъ которыхъ и производилась распивочная продажа, и при томъ на глазахъ полиціи—въ лицѣ урядника.

Дѣло это, однако, объясняется дѣйствительно очень просто. Такъ какъ каждому, или почти-что каждому,—идушему на гулянье, прежде всего думается, какъ и моему спутнику, Алехѣ Стѣнахицу, что „выпить не мѣшаетъ“, а между тѣмъ не каждому приходится идти мимо законной лавочки, то для облегченія сношеній устраиваются на самомъ гуляньи передвижныя лавочки. Возьметъ, напр., какойнибудь мужикъ, на канупѣ гулянья въ настоящей лавочкѣ полведра водки, прибавитъ туда „для скуса“ и экономіи водицы и на завтра от-

правляется торговать. Полиція, не смотря на бдительный надзоръ, ничего не можетъ сдѣлать. Подойдетъ, напримѣръ, урядникъ, и видя толпу пьяныхъ, сидящихъ вокругъ мужичка съ боченкомъ или бурѣшкой вина, спросить:—„что, моль, вы тутъ дѣлаете?“

Ему отвѣчаютъ:

— Вотъ складчину сдѣлали, такъ ньемъ водку...

Или, не дожидая отвѣта артели, продавецъ скажетъ: „это я ихъ угощаю“, и тутъ же старается показать, что онъ дѣйствительно ихъ угощаетъ, а какъ только урядникъ отойдетъ, сейчасъ же и получаетъ деньги. А выпившіе, конечно, не выдадутъ своего „благодѣтеля“. Тѣмъ всѣ преслѣдованія и кончаются. Бываетъ и такъ: продавецъ изъ трусливыхъ, завидя идущаго къ нему урядника, возьметъ свою лавочку подъ мышку, да—айда! поминай какъ звали... Такъ, впрочемъ, поступаютъ только „новички“ въ этомъ дѣлѣ.

Вокругъ церковной ограды находился рядъ лавокъ сдѣланныхъ изъ тесу, въ которыхъ помѣщались всевозможные деревенскіе товары: мануфактурные, бакалейные и желѣзные, въ послѣднихъ преобладалъ главный товаръ по сезону—косы и серпы. Встрѣчались такіе лавочки, въ которыхъ и всего-то товара было не больше какъ на 10 руб. Какая была выгода пріѣзжать такому торгашу и, занимая лавку, платить „полавочнаго“ въ пользу церкви 50—60 коп.—не знаю, да онъ и самъ-то едва-ли зналъ это, а пріѣхалъ потому, что всѣ другіе торговцы поѣхали, какъ же не ѣхать и ему?.. Но были лавки (изъ мануфактурныхъ), въ которыхъ товару находилось на тысячу и болѣе рублей. Къ нимъ дѣйствительно трудно было пробраться; онѣ были осажены бабами. Торговцы въ однихъ рубашкахъ, безъ картуза (время было жаркое) кричали во всю „глотку“, божась передъ покупателями, у желѣзнодорожцевъ толпились преимущественно мужики.

— Дядя Митрей! самшится въ толпѣ,—выбери, братъ, мнѣ косу: я тебѣ за это сорокушку поставлю!

И вотъ дядя Дмитрій, подойдя къ лавкѣ, начинаетъ выбирать, съ видомъ знатока, хотя въ косѣ понимаетъ не болѣе своего довѣрителя. Взявши косу, онъ стучитъ ею о что-либо твердое для извлеченія звука: если онъ отрывистъ, коса—хороша, остра, если протяженъ—тупа, затѣмъ остріемъ проводитъ по волосамъ: если шаршавитъ—тупа, если идетъ гладко—остра и т. д. Перебравъ не одинъ десятокъ косъ, беретъ, наконецъ, одну, какъ наилучшую (хотя не рѣдко эта-то и бываетъ наилучшая), отдаетъ ее просителю и отправляется нить литки (магарычъ).

Неподалеку отъ лавокъ три мужика торговали издѣліями своей работы: одинъ продавалъ берестяные лапти, другой лукошка и бураки, третій пестери и корзины. Вблизи кустовъ разведенъ былъ пожогъ, гдѣ продавался сбитень,*) который больше всего покупали ребятишки и старухи.

Къ вечеру пискъ гармоникъ, крики пьяныхъ, пѣсни и визгъ дѣвицъ и молодцовъ—все слилось въ одинъ оглушительный гамъ. Въ дозерженіе всего произошло драка, чуть не кончившаяся смертью одного изъ участниковъ, однако чинамъ полиціи, въ лицѣ урядника, сотскихъ и десятскихъ удалось таки успокоить расходившуюся толпу. Раиенныхъ оказалось до 10-ти человекъ, такъ какъ дрались по здѣшнему обычаю „уражинами“, т. е. полѣвьями и кольями.

— Я тебѣ горло перерву! Топоромъ засѣку, такой-сякой! кричитъ, махая кулакомъ, одинъ изъ окровавленныхъ бойцевъ, ведомый своею бабою и сотскимъ.

— Рру-уки коротки, кособр-рюхой!... доносится отвѣтъ.

*) Сбитень готовится такъ: вскипятить воду въ чайникъ или небольшомъ котелкѣ, положить туда ложки двѣ меду;—и сбитень готовъ. Продается онъ по 1 коп. за стаканъ.

— Ванька! дурень! купи платокъ, не то—николи не подходи, оцанаю подлеца! кричитъ дѣвица „вольнаго“ поведения, немножко подгулявшая, молодому парню.

— А ну-тя къ лѣшему, св...! отвѣчаетъ тотъ, не оборачиваясь, и продолжаетъ идти съ дѣвицами, наяривая на гармоникѣ и подпѣвая:

„По половоцькѣ иду,—
Половка подгибается,
Одну милую люблю,
Другая подбивается“...

— Ладно же, подлая твоя рожа, попомнишь и меня! грозитъ подгулявшая...

Наконецъ толпа за толпой стали расходиться подомамъ. Первыми пошли молодичи, т. е. женщины, недавно вышедшія замужъ, спѣша къ своимъ первенцамъ, затѣмъ пожилыя женщины и наконецъ молодцы и дѣвицы. Уходя, каждая артель запѣвала пѣсни, какъ можно громче, желая щегольнуть передъ другой артелью силою своихъ голосовъ.

Поплелся и я во свояси съ гулянья, и хотя не пѣлъ и не кричалъ, по надо сказать, что шумъ отъ этой базарной сутолоки не одинъ день стоялъ у меня въ ушахъ...

ИСПОВѢДЬ ДЕРЕВЕНСКАГО ЛОВЕЛАСА.

Разсказъ.

— Да, бѣдокуръ я былъ порядочный въ молодости-то! Грѣшный человѣкъ—любилъ приударить за хорошенькими и достигалъ цѣли... Да какъ было и не достичь? Отецъ мой былъ первый торговецъ во всемъ селѣ, лавку имѣлъ полнешеньку всевозможныхъ товаровъ, а я въ то время всей лавкой завѣдывалъ, ну, значить, „что, молъ, прикажете, сударыня?.. Не стѣсняйтесь деньгами—послѣ рассчитаемся“... И рассчитывались, а какъ? ужъ сами догадайтесь! Бывали, конечно, и такія, что не шли на эту удочку, тогда на другой ладъ поведешь дѣло: на вечеркахъ поухаживаешь, записочку сунешь ей въ руки, что „жить, дескать, безъ васъ не могу“, и все прочее въ этомъ родѣ. Смотришь—и эта готова!.. Эхъ, грѣхи, грѣхи тяжкіе! И вспоминать-то тошно, а не то что...

— Но вѣдь это же подлость, Иванъ Андреевичъ, что вы всѣхъ обманывали! Сколько страданій вы причинили тѣмъ несчастнымъ, которыя вамъ, быть можетъ, всѣмъ сердцемъ были преданы. Зная вашу настоящую жизнь, продолжаю я, жизнь полную труда и лишеній и ваши нравственныя качества, я ни за что бы не повѣрилъ, потому что сказали вы сами, если бы услышалъ отъ другихъ.

— Конечно, подлость, но что-жъ дѣлать? Генеръ-то я и самъ вижу, что подло было такъ жить, а тогда, въ пору-то молодости—ничего, думаешь такъ и надо,

а тѣ, что постарше-то были, не только не оставаивали, а еще поощряли: „молодець!“ говорятъ, если дѣло бывало выйдетъ наружу. Эхъ! грѣхи на грѣхахъ такъ и ѣхали, да грѣхами погонялись!.. А все изъ за богатства...

— Неужели, говорю, вы сами-то никого не пожалѣли, не почувствовали ни разу истинной любви хоть къ одной изъ преданныхъ вамъ?

— Какъ не любить? кто минетъ чашу сію?, такъ любилъ, вакъ только можетъ любить человѣкъ другого человѣка...

— Почему-же не женились, въ такомъ случаѣ? спрашиваю я, ибо опъ былъ старый холостякъ.

— Да потому, что былъ богатъ и черезъ это самое богатство самъ себя не видѣлъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто-съ. Любить-то я ее искренне любилъ, да бѣда была въ томъ, что самъ того не зналъ. Думалъ—пройдетъ, какъ проходило со всѣми другими, были бы, дескать, деньги, а на все прочее—наплевать, полюбить и другая-де. Послѣ-то, понятно, увидалъ, что ошибся и въ чемъ же? — въ самомъ себѣ! да было ужъ поздно... Видите-ли, это была Саша сосѣдка. Съ самага дѣтства мы были вмѣстѣ всегда, и отцы наши водили между собою дружбу, „гостились“, что называется и втайнѣ давно уже рѣшили нашу судьбу. Когда, т. е. съ котораго времени мы серьезно полюбили другъ друга—право, трудно опредѣлить, но помню: за послѣдніе пять лѣтъ до ея замужества мы уже одинъ безъ друга жить не могли, хотя постоянно ссорились, постоянно увѣряли одинъ другаго, что не любимъ и больше не будемъ-де видаться на единѣ...

Почему она полюбила меня,—продолжалъ онъ,— не знаю, богатствомъ же своимъ я прельститъ ее не могъ, такъ какъ она сама была не бѣдныхъ родителей и всѣ мои подарки всегда отвергала, что же касается

меня, то могу сказать съ увѣренностью, что я потому полюбилъ ее, что она обладала рѣдкимъ, по стойкости, характеромъ: что вздумаетъ сдѣлать, никто не заставить ее передумать,—поставитъ на своемъ! Затѣмъ она была безусловно мнѣ предана, это я зналъ и—странно! какъ бы даже тяготился этимъ... Наконецъ, мнѣ пришлось и то, что она была изъ такихъ, которыя не обращаютъ никакого вниманія на то, что скажутъ про нихъ другіе по поводу какогонибудь поступка: въ своихъ глазахъ она была безупречна, а о другихъ и знать не хотѣла...

Въ то время, знаете-ли, и въ книгахъ, и въ газетахъ было гоненіе на предразсудки стараго общества. Я тоже въ свободное время почитывалъ кое-что и невольно увлекался. Она же являлась самородкомъ новѣйшаго типа и этимъ невольно очаровывала меня. Всѣ шашни мои она знала и хотя дѣлала иногда сцены, но въ концѣ концовъ всегда отпущала мои прегрѣшенія. Сама же была такъ безупречна, что даже досадно дѣлалось, что нечѣмъ ее упрекнуть и посердиться.

Бывало, придешь на вечеринку, или по нашему— „на бесѣду“,—присядешь къ какойнибудь пріятельницѣ и начнешь, знаете, шуры-муры разводить... А она-то, бѣдная, схватитъ свою самопрялку (у насъ на бесѣдахъ дѣвицы прядутъ ленъ) и айда! Ну, думаешь, слава Богу, коли домой ушла, вольнѣе одному-то, а при ней все же какъ-то неловко... и пойдешь куралесить. Другія же дѣвицы, стороннія-то, начнутъ подсмѣиваться: быть, дескать, вамъ обоимъ въ бѣдѣ отъ Сашки!.. И вотъ, чтобы показать, что Саша для меня ничего не значитъ, начнешь еще пуще ухаживать за той-то: и домой ее проводишь и все прочее... Придешь домой уже около полночи, подойдешь къ своей комнатѣ, мезонинъ,—хочешь отворить—заперто. Стучишь,—никакого отвѣта. Что-де значитъ? Наконецъ начинаешь немилосердно бить въ двери, вдругъ отпираетъ кто-то, глядь—Саша!

стоитъ, бывало, и съ гитарой въ рукахъ. „Ты, моль, какъ сюда попала?“ А она: „а ты, прохвость, куда до полночи-то шлялся?“ Такъ прохвостомъ и ожжётъ. „Для чего, дескать, такъ рано ушла съ бесѣды-то?“ „Да неужели, говорить, мнѣ сидѣть, да глаза пялить на васъ?“ а сама такъ горько улыбнется... „Дуракъ, говоритъ, Вапюшка! охота-де съ такой шлюхой связываться!“ называетъ тамъ какую нибудь Параньку, что-ли, у меня такихъ много было... Потомъ, конечно, помиримся, попьемъ, бывало, чайку, на гитарѣ поиграемъ, посмѣмся надъ чѣмъ нибудь, а больше надъ самими собою, и она уже уйдетъ домой передъ утромъ. Ну и доставалось же ей за это въ послѣднее время, когда она невѣстой-то стала, отъ своихъ родителей! Но ничто ея не оставивало. На всѣ побои, на всѣ упреки отца, что ему выйти нельзя на село, что она его осрамила тѣмъ, что открыто, безъ стѣсненія ходитъ ко мнѣ и цѣлыя ночи проводить,—она всегда отвѣчала одно: „кому какое дѣло, что хожу, пусть говорятъ, что знаютъ—мнѣ наплевать!“ И дѣйствительно ей было на все и на всѣхъ наплевать, кромѣ меня одного...

Такая, право, „правная“ была... вздохнувши, сказалъ Иванъ Андреевичъ.

— Да, дѣйствительно, съ характеромъ, говорю ему.

— Да чего: бывало у меня гости,—продолжаетъ онъ,—или просто ребята-сверстники сидятъ, она придетъ ночью безъ всякаго стѣсненія, сидеть гдѣ нибудь и шутить съ ними, какъ будто мы были уже новѣнчаны! или на гитарѣ „потрыкиваетъ“, какъ она сама называла свою игру. Однако, играла, къ слову сказать, довольно порядочно, во всякомъ случаѣ, что зналъ я, то знала и она. Когда же гости уйдутъ и останемся одни, она бросится ко мнѣ на шею, начнетъ обнимать, цѣловать—чуть не задушить... Такая странная, право!..,—опять вздохнувши, сказалъ онъ.

— Разумѣется, не обходилось и безъ сценъ. Я какъ

сейчасъ помню, разъ я ждалъ дворничиху—одну изъ своихъ полюбвицъ. Жду, жду,—нѣтъ дворничихи да и вся недолга! Что-де значить? ужель обманула? Сижу этакъ, да и думаю, какъ вдругъ откуда не возьмись, влетаетъ Саша! „Ты, говоритъ, прохвость, что дѣлаешь-то?..“ и давай меня ругать... А въ концѣ концовъ разрыдалась, да какъ еще?—всѣ наши домашніе прибѣжали, не зная, что случилось? И... чего-чего тогда и не неречувствовалъ: и стыдъ, и досаду, и все, что хотите, и самъ чуть было не разрыдался. Успокоившись, она объяснила причину своего возбужденія. Подслушавши какъ-то нашъ уговоръ съ дворничихой, она засѣла около нашихъ воротъ (30" мороза, пояснилъ разскащикъ), и когда та, не подозрѣвая опасности, хотѣла войти въ нихъ, Саша хватила ее по головѣ полѣномъ и прибѣжала ко мнѣ. Дворничиха, какъ въ послѣдствіи оказалось, упала замертво, обливаясь кровью, и когда пришла въ чувство, то еле доползла домой, гдѣ своимъ родителямъ объяснила, конечно, что-де упала съ лѣстницы у сосѣдки.

Послѣ этого случая, я нѣсколько поостепенился и не заводилъ новыхъ шашень въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, тѣмъ болѣе, что въ это же время я лишился своего отца. По смерти его, наши связи съ Сашей, казалось, еще болѣе окрѣпли: она удвоила свои носѣщенія, да и сосѣди менѣе уже обращали вниманія на это, считая насъ жепихомъ и невѣстой, только ея родители не надѣялись на меня, подыскивали другихъ жениховъ и за носѣщенія меня по прежнему журили Сашу. Саша и сама стала частенько поговаривать про свадьбу, хотя я всегда подъ какимъ нибудь предлогомъ откладывалъ ее, просилъ обождать. Она мнѣ вѣрила безусловно, и тоже въ свою очередь просила своихъ родителей „обождать“. Въ тайнѣ же я боялся еѣ: страшно какъ-то было съ такой особой, какъ Саша, обвиняться,—ужь слишкомъ она была не похожа на другихъ! Такъ потянулась наша

жизнь опять по прежнему. Другіе женихи тоже боялись ее сватать, да и не удивительно: разъ одинъ по-сватался, такъ она, не долго думая, прибѣжала къ нему на домъ и сказала: „лучше и не бери меня—въ первую же ночь зарѣжу!“ Женихъ конечно радъ былъ избавиться отъ такой невѣсты...

Такъ время и шло.

Но вотъ однажды она вошла ко мнѣ въ страшной перемянѣ: блѣдная, какъ полотно, стоитъ и молчитъ. „Что случилось!“ спрашиваю. „Замужъ, говоритъ, отдають за солдата Ваську“, и, рыдая, объяснила, что, не смотря на ея обычныя угрозы, Васька беретъ ее, не отказывается и только смѣется: „дескать, подъ Шлевой и не такихъ страстей насмотрѣлся, да живъ остался“. Сказала это, да и спрашиваетъ: что ей дѣлать? Я, знаете, растерялся: не знаю, что сказать ей? Сказать: иди—значить лвить себя обманщикомъ, сказать не ходи—надо самому брать ее. Я и молчу, стою, весь какъ въ огнѣ... Она замѣтила мое смущеніе, еще пуще поблѣднѣла и говоритъ: „скажи—выходи или нѣтъ!“ Какъ знаешь, говорю, дѣло не мое. „Значить для тебя все равно, если я и выйду?..“ а сама еле на ногахъ стоитъ, дрожить вся... Я испугался и не знаю ужъ почему отвѣтилъ: „все равно...“—А, подлецъ ты! крикнула она и быстрѣе лани выскочила изъ комнаты. Ну, думаю, ничего, остынешь, не впервые это, а если и не такъ, то чортъ съ тобой, и другая найдется, были бы деньги—это главное...

На утро слышу, что ее уже къ вѣнцу обряжаютъ; говорятъ, что сама невѣста пожелала выйти за этого солдата, торонить къ вѣнцу, и что всѣ обряды и „дары“ будутъ послѣ вѣнчанія, вопреки обычаю. Меня, знаете, какъ кипяткомъ ошпарило. Вотъ тогда то я и узналъ, какъ дорога она мнѣ, какъ я любилъ и люблю ее!.. Вотъ тогда-то и оправдалась вполне наша родная по-словица: „что имѣемъ—не хранимъ, потерявши,—пла-

чемъ“. Я туда и сюда... Ничего знать не хочетъ и нословъ моихъ на глаза не нускаетъ! Потомъ и къ вѣнцу повезли ихъ, наконецъ и обвѣнчали, а я, какъ въ столбикъ, сижу да гляжу на улицу, по которой проѣхала свадьба. Пересталъ и пить, и ѣсть, пытался даже покончить съ собою, да не удалось, потому что мать находилась при мнѣ безотлучно ..

— Такъ вотъ какими дураками бываемъ мы въ молодости-то при богатствѣ!..

— Ну, и что же—послѣ-то вы видались съ ней когда нибудь?

— Послѣ-то? нереспросилъ онъ и задумался... Очевидно это было его большое мѣсто... Э! да видно надо ужъ досказывать все, коли началъ...

„Послѣ-то я страшно обозлился на нее. Все то лѣто ходилъ я въ лѣсъ съ ружьемъ, какъ будто на охоту, въ дѣствительности-же хотѣлъ убить ее при случайной встрѣчѣ. Да, слава Богу, не привелось совершить преступленія, не повстрѣчалась она мнѣ. Такъ пронелъ годъ, пронелъ другой и третій,—все ничего, я сталъ уже забывать ее, да и про нее слышалъ, что меня забыла и съ мужемъ живетъ дружно, Ну, думаю, Богъ съ ней!.. Приводилось послѣ и одну встрѣчать: сдѣлается какъ-то неловко, свернешь въ сторону—и дѣлу конецъ, ей, конечно, тоже становилось неловко и она уходила въ другую... Такъ и разоидемя, ни говоря ни слова. Однако на четвертый годъ попуталъ насъ лукавый! Встрѣтились мы въ лѣсу, въ сумерки. Она шла съ сѣнокоса, а я съ охоты. Вижу: идетъ съ перекрестной дорожки прямо, не сворачиваетъ въ сторону, дай, дескать, и я не сверну... Поравнялись. Стоимъ не говоря ни слова. Вдругъ ноги у меня подкосились: какъ параллчемъ разбитый, не могу устоять и сѣлъ на землю... Она тоже сѣла... затѣмъ бросилась ко мнѣ на шею и зарыдала... Помутился свѣтъ у меня въ глазахъ, зазвенѣло въ ушахъ и... я горько заплакалъ. Въ лѣсу мы

пробыли до полночи... Чего-чего не переговорили тогда, чего-чего не перечувствовали, и все со слезами, объятіями, поцѣлуями!..

Вотъ съ этой-то встрѣчи опять вернулось все прежнее, даже пуще прежняго разгорѣлась въ насъ любовь... А, чтобы мужъ не мѣшалъ, такъ я сталъ посылать его за товарами въ городъ. „Извозчикъ, молъ, ты хорошій, вѣрный (онъ извознымъ промысломъ занимался), не какъ другіе, на тебя я надѣюсь,—поѣзжай и привези того-то и того-то...“ Онъ и ѣдетъ, не подозрѣвая ничего. Да и какъ ему было знать?—Никто въ селѣ не зналъ о возобновленіи нашей связи, а прошлое уже забылось. Пока вернется мужъ, пройдетъ цѣлая недѣля,—которую мы можемъ блаженствовать! А воротится—я опять ушлю его поскорѣе въ извозъ.

Такъ жили мы съ годъ времени и по сему пошла, наконецъ, громкая молва о нашей связи, пасъ это очень огорчило, особенно ее, такъ какъ у ней были уже дѣти отъ мужа. Горько намъ было и то, что живемъ не по божески, однако страсть все таки заглушала совѣсть. Сколько разъ зарекались мы—кончить все. Распрощаемся, бывало, на вѣкъ, а пройдетъ недѣля—свидимся и всѣ наши зареканія пойдутъ прахомъ... Но вотъ приходитъ она разъ ко мнѣ блѣдная, съ блуждающимъ взоромъ: вижу я, что случилось что-то недоброе. „Что, говорю, съ тобою, Александра? (я тогда уже Александрой ее звалъ, а не Сашей, какъ въ дѣвцахъ).

— „Такъ, ничего“, отвѣчаетъ. Какъ ничего? На тебѣ лица нѣтъ? А она опять: „такъ, ничего, пришла проститься: больше не приду...“ говорить, а у самой слезы такъ и льются. „Нельзя, Ванюша, жить... Стыдно людей и грѣшно, да и съ мужемъ жить не могу: опротивѣлъ...“ Такъ что, говорю, задумала? не сбѣжать-ли хочешь или... и я замолчалъ, боясь высказать мысль о самоубійствѣ. „Узнаешь послѣ!“ Быстро обняла меня, крѣпко поцѣловала и побѣжала... „Прощай!“ крикнула

въ дверяхъ и скрылась. Я тотчасъ же бросился за ней и вижу, что идетъ она прямо домой, вотъ наконецъ и дома, посмотрѣвъ въ окно: собираетъ ужинать мужу... Ну, думаю, слава Богу, онъ—дома и не дастъ ей положить на себя руки. Вернулся я домой, а на—утро слышу... Эхъ! грѣхи наши тяжкіе! Слышу, что она середь ночи, тайкомъ отъ мужа, вышла на сарай и удавилась на возжахъ... На груди у ней оказалась записочка: „Отъ себя умираю. Прощай, Ванюша! прости и ты, Василий, и не вини меня, что не могла съ тобою жить, самъ виноватъ: зналъ, когда бралъ, кого я люблю. Александра М...“

Это событіе такъ поразило меня, что я совершенно измѣнилъ свою жизнь: все распродалъ, вырученное отдалъ бѣднымъ, а самъ, какъ видите, вотъ какую жизнь влачу...

Замолчалъ мой раскащикъ, погрузившись въ глубокую думу... Замолкъ и я, видя его горе, да о чемъ и говорить? О прошломъ онъ рассказалъ, а настоящая жизнь его была дѣйствительно безъотраднa: какъ деревенскій кузнецъ, онъ перебивался лишь съ кости на камень.

АГРОНОМЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

„Онъ всякую вещь сначала понюхаетъ, да на свѣтъ посмотритъ, а потомъ ужъ и настоящее мѣсто ей опредѣлитъ. Де-готъ-ли, сало-ли, яйцо, перо, мука—все онъ сейчасъ сообразитъ...“

А. Щедринъ.

(„Пошехонскіе разсказы“).

—Такъ хозяйничать, какъ вашъ пріятель Николай Ивановичъ хозяйничаетъ,—нельзя-съ!.. не по нынѣшнимъ временамъ... да-съ! говорилъ мнѣ знакомый купецъ, одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ К-го уѣзда.

—Но почему же нельзя? онъ, кажется, ничего такого не дѣлаетъ, что было бы не по нынѣшнимъ временамъ... Денегъ зря не соритъ, живетъ тихо, скромно, занимается своимъ дѣломъ съ любовью и дѣло притомъ знаетъ основательно.

— Въ томъ-то и дѣло, что не основательно...

— Если его хозяйство, продолжалъ я, еще не приноситъ большого дохода, такъ нельзя же вдругъ!.. Да и зависитъ это не отъ него самого, а отъ общаго сельско-хозяйственнаго кризиса, который мы въ настоящее время переживаемъ. Но вѣдь это рано-ли, поздно ли должно же прекратиться, и тогда...

— И тогда ничего кромѣ раззоренія эта усадьба ему не принесетъ!.. отрезвонилъ Петръ Петровичъ, мой оппонентъ... Да-съ! это вѣрно, вы ужъ меня извините, я по просту выражаюсь... Право, обидно какъ-то со

стороны глядѣть, когда человѣкъ не за сво дѣло возьмется... Служилъ бы гдѣ нибудь, получалъ бы жалованье, ну и жилъ бы во славу Божию, а то хозяйничать вздумалъ-съ... ха! ха! ха!.. А усадьба его хорошала-съ, попади она на умѣлыя руки,—доходъ вѣрный съ...

— Страннымъ мнѣ кажется вашъ разговоръ, Петръ Петровичъ!.. Вы согласны съ тѣмъ, что усадьба его хорошала и могла бы принести хорошій доходъ, по категорически отвергаете полученіе этого дохода Николаемъ Ивановичемъ. Почему? Неужели Николай Ивановичъ настолько глупъ, что не можетъ извлечь изъ земли столько дохода, сколько извлекли бы другіе на его мѣстѣ хотя бы вы, напримѣръ?—вы ужъ, въ свою очередь, и меня извините за откровенность! Далѣе. Вы упрекаете его, что онъ не за свое дѣло взялся. Но, Петръ Петровичъ, вѣдь это даже смѣшно, наконецъ. Николай Ивановичъ получилъ высшее сельско-хозяйственное образованіе, при томъ человѣкъ скромный, трудолюбивый и, что главнѣе всего:—человѣкъ самостоятельный въ матеріальномъ отношеніи, и вдругъ вы говорите, что онъ не за свое дѣло взялся!.. Какой абсурдъ!.. Да кому же, какъ не такимъ людямъ, и вести теперь хозяйство?

— Все это вѣрно, что онъ и не глупъ, что онъ даже уменъ, что онъ и ученый, но я всетаки скажу: служить бы надо ему, а не хозяйничать... Три года онъ тутатка хозяйничаетъ, машины разныя повыписалъ, траву сѣетъ, а толку все нѣтъ, да и не будетъ, потому—не за свое дѣло взялся... Деньженки, какія получилъ въ приданое за женой,—поистряся, а теперь ужъ занимается подъ векселѣкъ и проценты платитъ, а это, извѣстно, послѣднее дѣло-съ!.. Пройдетъ годъ, два и—пропалъ человѣкъ со всей усадьбой! А изъ-за чего? Жаль мнѣ, право слово, жаль его. Служилъ бы, такъ можетъ—чинъ бы какой нибудь большой заслужилъ, да и жалованье онять... ну, и усадьба то-жъ кому нибудь

дала бы пользу, а теперь все пустое дѣло выходитъ... Ни себѣ, ни людямъ...—съ неноддѣльною грустью проговорилъ Петръ Петровичъ.

— Нѣтъ, какъ хотите, Петръ Петровичъ, съ вами согласиться нельзя. Вы какъ будто убѣждены, что люди съ высшимъ образованіемъ ничѣмъ, кромѣ службы за опредѣленное жалованье, заниматься не могутъ съ пользою для себя и другихъ, особенно же сельскимъ хозяйствомъ...

— Не какъ, „будто“, а положительно утверждаю, что хозяйство не ихъ дѣло, и докажу это примѣромъ-съ...

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе! говорю ему.

— Возьмемъ вотъ хоть Николая Ивановича и меня, говоритъ онъ. Я въ одно время съ нимъ купилъ усадьбу и по близости его (знаете Полозовку-то?), ну-съ, десятинами наши усадьбы были почти равны, равны и угодами, да и цѣною около того: я заплатилъ за Полозовку двадцать тысячъ, а онъ за свое Петровское восемнадцать. Прошло съ той поры три года, я выручилъ всѣ деньги и получаю уже хорошій дивидендъ, а онъ еще кромѣ убытка ничего не видѣлъ. А почему? а потому, милый человѣкъ, что я доподлинно знаю всякую вещь—какая она и какую пользу мнѣ можетъ принести—и приносить, а онъ не знаетъ этого и не хочетъ, видимо, знать... Ему какъ бы покрасивѣе выходило, а мнѣ—какъ бы подоходнѣе, на прочее—наплевать-съ!.. Онъ съ самаго начала не такъ взялся за усадьбу, не такъ и кончить, а я, не хвастаясь, изъ его усадьбы большою бы доходъ извлекъ-съ!.. Усадьба его стоитъ на бойкомъ мѣстѣ, вокругъ все жила, ²⁾ при томъ на рѣкѣ—какъ не быть доходу?. а онъ не получитъ его, потому—не за свое дѣло взялся: „хозяйство вести, не перомъ трясти“, закончилъ онъ пословицей, нѣсколько переиначенной имъ по своему.

---

²⁾ Жила—населенныя мѣста.

— Ну, хорошо; допустимъ, что онъ, какъ вы говорите, „не за свое дѣло взялся“, вообразимъ, что эта усадьба въ вашихъ рукахъ,—что бы вы прежде всего стали дѣлать съ ней, чтобъ извлечь доходъ?

— Я?.. я съ ней сдѣлалъ бы тоже, что съ Полозовкою...

— Но все-таки объясните: какимъ образомъ вы извлекли-бы доходъ? для меня это становится, наконецъ, крайне интересно... Ну, какъ, напр., вы за Полозовку выручили деньги?..

— Изволь, милый человекъ, объясню—что и какъ. Берите счета!

Я взялъ счета, Петръ Петровичъ вытащилъ изъ кармана свою „памятную книжку“ и началъ объяснять.

— Какъ только получилъ купчую, я тотчасъ же переселился въ Полозовку, осмотрѣлъ ее подробно и тотчасъ же смѣкнулъ, что нужно было сдѣлать, чтобы выручить деньги. Прежде всего я принялся за домъ. Домъ у баряна былъ каменный, двухъэтажный, большущий. Ну, куда мнѣ такая громада, тутъ однихъ дровъ не напасешься! Сейчасъ я его, друга милаго, разобралъ на кирпичъ и продалъ. За кирпичъ тотъ я выручилъ чистыхъ 3400 руб., а вмѣсто этого дома построилъ деревянный, одно-этажный, на что истратилъ только 600 руб., такъ какъ лѣсъ былъ свой. Вотъ ужъ у меня въ уплату за усадьбу и поступило 2800 руб.—ставьте же на счета-съ!.. Потомъ у барина было 50 коровъ и 5 лошадей, и на эту-то урму скота у него все сѣно съ покосовъ уходило, сейчасъ 40 коровъ и 3-хъ лошадей я продалъ и выручилъ (заглядываетъ въ книжку) 1500 руб.— ставите на счета-съ!.. А продавши скоть, я освободилъ 50 десятинъ покоса и покосъ этотъ продалъ мужикамъ: по полтора рубликовъ за десятину взялъ, а всего 7600 руб.— ставите и это!.. Потомъ у барина было, этакъ десятинь десятокъ, сосноваго лѣса, что отъ самота дома шелъ къ рѣкѣ, „паркомъ“ про-

звался, что-ли, лѣсъ этотъ я тоже обратилъ въ деньги, потому—на кой мнѣ лядъ его, только тѣнить, не видали, что-ли, мы лѣсу-то?.. И выручилъ я за этотъ лѣсъ 2500 руб.— ставите и это на счета-съ!.. Потомъ-съ, скотскій дворъ былъ да флигель для управлющаго, я все это, какъ ненужное, разобралъ на бревна и продалъ, и выручилъ (заглянувши въ книжку) 1600 р., а завелъ вмѣсто того маленькій дворинко за сотенку, значить 1500 руб. туда же пихайте съ!.. За симъ-съ, пустошку одну тутотка вырубилъ на дрова, которая и дала мнѣ чистой пользы 1800 руб. И это на счета-съ! Потомъ-съ, ранжерею разобралъ на стекла и выручилъ (смотреть въ ту же книжку) 100 руб., да цвѣтовъ продалъ въ городѣ на двѣ сотни, значить 300 руб. опять туда же!.. Ну сколько же?

— 17900 рублей, — отвѣчаю.

— Значить, ко второму году у меня усадьба-то оставалась всего въ двухъ тысячахъ съ небольшимъ-съ!.. На слѣдующій годъ я прежде всего завелъ въ ней птичное заведеніе и лавочку, которыя вполнѣ оправдали остатки. А такъ какъ поля у меня пахали и засѣвали сосѣдніе мужички изполу, то и расхода на пахоту, али сѣвъ, у меня не было, но хлѣба я продалъ все-таки на пятьсотъ! Это была уже чистая польза, „сверхшопокъ“. А въ этомъ году я ожидаю отъ однихъ заведеній до трехъ тысячъ рублей барыша, потому—тоже на бойкомъ мѣстѣ!..

— Вотъ, милый человекъ, какъ хозяйничаемъ мы-съ! А Николаю Ивановичу ужъ навѣрное такъ не смыслить, ему бы только покрасивѣе выходило, народъ бы кланялся, да звалъ баринкомъ, а намъ-съ все это наплевать, только пользы давай больше!.. Не такъ-ли я говорю?..

— Да, дѣйствительно, согласился я, Николай Ивановичъ не будетъ такъ хозяйничать, какъ вы, по изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Не всѣ хозяйничаютъ по вашей системѣ, однако живутъ...

— Живутъ-то живутъ, но какъ? отъ хозяйства-ли? Или на жалованье, если баринъ гдѣ нибудь служить, или на капиталъ, оставленный родителями, или, какъ вотъ Николай Ивановичъ, на приданое за женой... А часто бываетъ и такъ: заложить баринъ свою усадьбу-то въ какой нибудь банкъ, да на эти деньги и плетется... Вотъ такъ себѣ и живутъ, и всегда въ концѣ концовъ разоряются, если не успѣютъ во время отпирянуть отъ земли, да и должны раззориться, потому—не за свое дѣло берутся... Теперь ужъ не крѣпостное право—ау!.. теперь лишь денежки—сила, но съ ними надо обращаться осторожно... Да-съ! извините меня, я люблю правду говорить...

Дальше я уже не возражалъ, обидно даже стало за себя, что началъ споръ о хозяйствѣ съ такимъ агрономомъ, какъ Петръ Петровичъ. Такъ мы и растались.

Но каково же было мое удивленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое огорченіе, когда послѣ двухлѣтней отлучки, я прибылъ въ родные палестины и воочію увидѣлъ, что предсказанія Петра Петровича сбылись: Николай Ивановичъ дѣйствительно раззорился, все бросилъ и бѣжалъ неизвѣстно куда, усадьбу же его продали съ молотка и осталась она за Петромъ Петровичемъ! А Петръ Петровичъ началъ хозяйничать по своей, конечно, системѣ: и вотъ прекрасная роща, краса и гордость Петровки и ея окрестностей, уже трещитъ подъ топорами..

Неужели, подумалъ я, онъ правъ? неужели нельзя иначе хозяйничать съ пользою для себя, какъ только по ужасной системѣ этого современнаго агронома?! Впрочемъ, его способъ и системой-то нельзя назвать...

О, какъ я желалъ, чтобъ все это было только сномъ!.. Къ сожалѣнію, это-не сонъ, и факты современной жизни часто подтверждаютъ полную реальность всего этого...

ЧЕСТНЫЙ АКЦИЗНЫЙ.

Очеркъ.

„Суждены намъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано...

Н. Н. Некрасовъ.

—Нѣтъ-съ, меня не проведутъ!... Шалишь!.. Я подтяну ихъ, копѣчниковъ!.. такъ хвастался передъ своимъ отъѣздомъ въ г. В-къ, назначенный туда помощникомъ акцизнаго надзирателя Иванъ Ивановичъ Болтуновъ.

— Полно, голубчикъ, остынешь! возражалъ пріятель его Андрей Петровичъ Ширихановъ,—бывали вѣдь ужъ такіе, какъ ты, горячки, а кончалось всегда тѣмъ, что или сами они остынутъ, или остудятъ ихъ другіе. Да, это винное дѣло ужъ такое, что никакъ нельзя всегда и во всемъ поступать по чистой совѣсти... Повѣрь, я убѣдился въ этомъ, когда братъ мой служилъ по акцизу...

— Вотъ увидишь... Я докажу на дѣлѣ... Сохрани меня, Господи, прикрывать беззаконіе или взятки брать!

— Ну, конечно, ты взятки не возьмешь, да это и не въ модѣ геперь!.. Я говорю только, что ты скоро остынешь, и злоупотребленія пойдутъ своимъ чередомъ, такъ же, какъ шли ранѣе. Если же ты будешь очень кляпиться,—тебя остудятъ насильственнымъ образомъ, по просту сказать: „выкурятъ“, вотъ какъ моего брата. Бываетъ еще того хуже: самъ надѣлаешь массу несправедливостей! Опытный плутъ тебя всегда проведетъ: ему

не страшна твоя горячность,—напротивъ, еще на руку... А порядочный человекъ можетъ пострадать. Повторяю: всякіе примѣры бывали...

— Какъ? Неужели ты меня считаешь такимъ дуракомъ, которому не отличить плута отъ честнаго человека?.. Наконецъ, слухомъ земля полнится...

— Вотъ, какъ на слухъ-то оснуешься, такъ на тебѣ, голубчикъ, и поѣдутъ, и вмѣсто справедливости-то, такъ горячо тобою проповѣдуемой, поселишь одну несправедливость, самъ того не зная... Да тутъ нужна большая, долготѣльная опытность, а не горячность.

— Но согласись, мой другъ: если, при видѣ зла, человекъ прежде всего будетъ мучиться сознаниемъ, что оно глубоко пустило свои корни и его не возможно искоренить, то онъ преждевременно падаетъ духомъ и отъ него уже нечего ждать толку... И далекъ, конечно, отъ мысли считать себя исключительнымъ борцомъ за правду, нѣтъ! я слишкомъ ничтоженъ для такой роли, но все-таки могу честно служить, не потворствуя злу: вотъ и все, чего я желаю...

— Не сомнѣваюсь, что въ началѣ такъ и будетъ, а потомъ и пойдетъ не то... Встрѣтятся промахи, явятся неприятности, пойдутъ головомойки отъ начальства, и въ концѣ концовъ ты махнешь на все рукой и станешь мечтать о тихой пристани, о женитьбѣ... А когда женишься, то 500 руб. разѣздныхъ уйдутъ на женины паряды, объ уѣздѣ же и о разныхъ тамъ злоупотребленіяхъ въ торговлѣ позабудешь и думать. Вотъ тогда-то вспомнишь мои слова и скажешь; да, онъ—правъ!.. Не ты—первый, не ты и послѣдній. А отчего это такъ?—судить не намъ, да и некогда... Когда ѣдешь? неожиданно прервалъ свою рѣчь Андрей Петровичъ и сталъ одѣваться.

— Завтра!

— Въ такомъ случаѣ—прощай! Желаю тебѣ выполнить хоть частицу своей программы... Напиши, при

случаѣ, какъ будешь „искоренить“, мнѣ это очень интересно знать.

— Ну, конечно, напишу...

И пріатели распрощались.

II.

Вѣсть о пріѣздѣ поваго акцизнаго быстро разнеслась по городу В., въ которомъ, какъ и во всякомъ уѣздномъ городѣ, всякая новая личность производила сенсацию. Болтуновъ подвергся всесторонней критикѣ. Одни разсматривали его со стороны образованія и начитанности, маменьки съ дочками-невѣстами со стороны наружности и состоянія, начальство справлялось на счетъ благонадежности, а виноторговцы со стороны нравственности и, узнавъ, что онъ „неподкупенъ“, сильно пріуныли. Такой „казусъ“ быстро разнесся и по уѣзду. Особенно неприятна была эта вѣсть для купца Водокеросинникова, крупнаго виноторговца В-го уѣзда, имѣвшаго до 15 питейныхъ заведеній и проживавшаго въ селѣ Безголовомъ, вблизи города.

— Такъ ты говоришь: молодой онъ и взятокъ ни-ни? спрашивалъ Водокеросинниковъ своего сына.

— Да, тятенька, такъ и говорятъ всѣ, что взятокъ ни-ни! Если предложишь—бѣда! И придиричивъ, говорить, только сердцемъ отхожъ,—доброй души баринъ, а доподлинно-то еще никто не знаетъ: некогда узнать то...

— Гм!.. Самъ чортъ не пойметъ новѣшнихъ чиновниковъ, особливо изъ молодежи: то „неподкупенъ“, да придиричивъ, то сердцемъ отхожъ, доброй души баринъ“,—вотъ тутъ и понимай какъ знаешь!—воскликнулъ Водокеросинниковъ,—За маленькое дѣло налетишь, а большое такъ пропустятъ; не присноровишься къ нимъ!.. Эхъ, то ли дѣло старые то чиновники! Тотъ, бывало, пріѣдетъ, да прямо и объявитъ, безъ всякихъ обипяковъ: выкладывай, дескать, пятьдесятъ или радуж-

пую, мнѣ деньги нужны, въ клубѣ проигрался, а не то, говоритъ, провѣрять буду. Ну, и выложишь, угостишь, уѣдешь, опять тишь да гладь, Божья благодать! Смотришь, въ недѣлю расходъ-тои загладишь, а его опять годъ не жди... А эти что?—ни себѣ, не людямъ—тфу!.. Однако, надо что нибудь предпринять, такъ нельзя... Слѣдуетъ зарекомендовать себя съ хорошей стороны, пыль пустить ему въ глаза, авось годъ или два онъ промигаетъ, не увидитъ настоящаго-то, а тамъ, можетъ быть, куда нибудь и уберутъ его, или „оботрется“ самъ.

— Вотъ что, Сашка! обратился онъ къ сыну,— поѣзжайте-ка вы съ Прохоромъ по всѣмъ заведеніямъ,— одинъ въ сторону, другой въ другую, и весь розливъ низкопробнаго и недомѣрнаго вина припрятите, а сдѣлайте новый, настоящій, что-бы все было по закону. Акцизный навѣрное скоро поѣдетъ себя показать, да и съ уѣздомъ познакомиться.

— Хорошо, я сейчасъ велю закладывать лошадей, да и Прохору скажу, чтобы готовился.

Проводивъ сына и приказчика, Водокеросинниковъ сейчасъ же отправился внизъ въ „трактирное заведение Сѣвастополь“, какъ значилось на вывѣскѣ, гдѣ и началъ приводить все въ порядокъ. Бочка водки съ примѣсью керосина и изогнутыя мѣры моментально исчезли и явились новая бочка съ настоящею водкою, и новыя „съ-иголочки“ мѣры. Мало того—появились даже салфетки, а на столахъ чистенькія скатерти съ русскою вышивкою, чего прежде и въ поминѣ не бывало.

Спустя недѣлю, пріѣхалъ въ Безголовое Болтуновъ и тщательно повѣрилъ у Водокеросинникова крѣпость водки, правильность мѣръ и все прочее.

По окончаніи этой процедуры, Водокеросинниковъ, самодовольно улыбаясь, подошелъ къ акцизному.

— Осмѣливаюсь спросить ваше высокоблагородіе: все ли вы нашли въ порядкѣ въ моихъ заведеніяхъ?

— Все совершенно правильно, порядокъ образцовый,

очень доволенъ! сказалъ Болтуновъ.

Тэ-экъ-съ! Благодарю васъ!.. И, знаете, человѣкъ можно сказать, довольно пожилой и грѣха на душу брать не желаю, не какъ другіе изъ нашего же брата. И приказчиковъ провѣряю чуть не каждую недѣлю и всегда или самъ, или сынишко мой, и чуть-что замѣчу, такъ у меня не осуди—кругомъ,—палѣво, маршъ! Одно слово—съ руки раздѣлка!.. Вотъ-съ какъ у меня, потому и порядокъ... А осмѣливаюсь просить васъ къ себѣ на чашку чая!

— Благодарю васъ!.. Пожалуй, что-жь, отъ чапечки не откажусь, пока лошадей приготавливаютъ.

Войди въ комнаты, Болтуновъ былъ пріятно пораженъ обстановкою Водокеросинникова: мебель вездѣ была чистенькая, новевькая и не безъ вкуса расположенная. Послѣ долгихъ скитаній по грязнымъ земскимъ станціямъ и виннымъ лавкамъ, послѣ угара и разныхъ насѣкомыхъ, помѣщеніе Водокеросинникова дѣйствительно производило пріятное впечатлѣніе. Столъ, уставленный разными питьями и яствами, нарочно заготовленными къ пріѣзду Болтунова, и видимое радушіе хозяйна дополняли остальное. Болтуновъ рѣшился даже переночевать тутъ, чтобы отдохнуть и подкрѣпиться силами..

— Такъ ужъ вы, Иванъ Ивановичъ, пожалуста, коли-что замѣтите за моими сидѣльцами, не составляйте протокола, а скажите или напишите мнѣ, тогда я своимъ судомъ, знаете-ли, раздѣлаюсь съ ними, говоритъ Водокеросинниковъ на-утро, провожая дорогого гостя.

— Хорошо, хорошо, будьте спокойны! Если замѣчу что-либо незаконное, то скажу вамъ и вы исправите: это и для меня лучше, безъ лишнихъ хлопотъ...

— Извините меня, добрѣйшій Иванъ Ивановичъ, но я къ вамъ еще имѣю просьбу, ужъ не откажите, по гробъ жизни-съ буду благодаренъ-съ!..

— Что-жь говорител.. если исполнима, то съ удовольствіемъ...

— Въ деревнѣ Опрятной,—началь Водокеросинниковъ, и его маленькіе плутоватые глаза такъ и забѣгали,—есть винная лавка,—одинъ тутошній мужичекъ, Иванъ Павловичъ, содержитъ,—такъ нельзя-ли его толкомъ провѣрить-съ?.. Всѣ говорятъ, что тутъ существуетъ обмѣръ-съ, потому и продаетъ онъ водку дешевле нашего... Воды не льетъ, этого не скажу, а обмѣръ есть...

— Помилуйте, да это моя прямая обязанность по-вѣрять! воскликнулъ Болтуновъ.—Далеко она отсюда?

— Верстъ пять, вамъ по пути будетъ... Только, знаете, онъ хитѣрь очень, этотъ мужичекъ то. Онъ, навѣрно, будетъ просить васъ наливать изъ четвертной, напримѣръ, бутылки въ четвертную же мѣру, тогда, знаете, окажется мало обмѣра, а вы сдѣлайте такъ... Извините, ужъ я васъ поучу, потому ваше дѣло молодое, а изъ нашего брата есть такіе архаровцы, что промежь глазъ носъ оторвутъ и не замѣтишь!—Ну, такъ вотъ-съ, возьмите десятокъ сорокушекъ, это будетъ какъ разъ четверть ведра, да я влейте въ четвертную мѣру, тогда и увидите полна ли будетъ она?.. потому—въ сорокушкахъ обмѣръ-съ!..

— Хорошо, благодарю за совѣтъ!

Лошади тронулись.

— Ну, съ Богомъ! счастливаго пути!—низко кланяясь, нанутствовалъ Водокеросинниковъ.

— Однако, баринъ-то ничего: добръ, да и глупе-некъ! сказалъ Водокеросинниковъ своему сыну.—Теперь поѣзжай-ка, Сашка, опять по всѣмъ заведеніямъ и прибавь воды и керосину въ двойномъ противъ прежняго количествѣ, мужики все равно слонаютъ, а онъ (акцизный) далъ слово хотъ и замѣтитъ что не составляетъ на первый разъ протокола... Однако, Иванъ-то Павловичъ теперь держи ухо востро, хотъ и прытокъ, а ускачешься, ха! ха! ха!... Будетъ теперь кричать, что Водокеросинниковъ плутъ, грабитель... Я плутъ, такъ плутъ и есть,

за то съ деньгами, а ты вотъ и честный, да въ плуты попадешь, то-то потѣха!.. Хотѣлъ доказать, что можно быть честнымъ во всякомъ дѣлѣ, даже и въ виноторговлѣ—докажи, сдѣлай милость, ха! ха!... хохоталъ онъ, сіяя отъ радости по поводу своего хитраго совѣта Болтунову.

— То-то мы посмѣемся надъ нимъ, когда потащутъ его въ тюрьму за обмѣръ, а гдѣ же отмѣряться? чай, на каждой посудинѣ останется хотъ капля, а въ десяти-то и порядочно... ха! ха! вторилъ отду и Сашка.

Ш.

„Правду говорилъ Ширихановъ, что слуху вѣрить нельзя“, думалъ дорогою Болтуновъ. По-слухамъ этотъ Водокеросинниковъ—отъявленный мошенникъ, а вотъ на дѣлѣ-то выходитъ, что онъ—честнѣйшій человекъ среди торговцевъ, по всему уѣзду нѣтъ такихъ образцовыхъ порядковъ, какъ въ его заведеніяхъ. Какъ пріѣду въ В-къ, непременно сообщу Шириханову объ этомъ... Положимъ, доносъ вещь неблаговидная, да еще съ подкладкою корысти, но это уже купеческая жажда любостыжанія, неизбѣжное, такъ сказать, зло... А коньякъ у него хоръшъ, чортъ возьми! откуда онъ взять его? У насъ въ Б-кѣ нѣтъ такого... Балыкъ и кильки тоже недурны... —вспоминалъ онъ.

— А вотъ, баринъ, и Опрятна! сказалъ ямщикъ, подѣзжая къ деревнѣ.—Куда прикажете подѣхать? къ заведенію?

— Да!

Подѣехали. Въ заведеніи было человекъ пять мужиковъ, которые при видѣ „повѣреннаго“, почтительно отошли отъ прилавка и встали въ уголь, заинтересовавшись тѣмъ, какъ это ихъ любимое „кушанье“ будетъ повѣряться? Болтуновъ взялъ съ полки бутылку и влилъ ее въ спиртомѣръ, градусы оказались вѣрны: ровно 40.

— Позвольте мнѣ 10 сороковыхъ и четвертную мѣру! сказалъ Болтуновъ, вспоминая совѣтъ Водокеросинникова.

— Извольте! За мѣру я не боюсь: цѣна цѣной, а вѣсъ прямой,—пошутить хозяинъ лавки.

Болтуновъ вылилъ содержимое изъ всѣхъ 10-ти бутылочекъ въ мѣру и вспылилъ:

— Это что значить? По пословицѣ вы дѣлали или нѣтъ?.. Думали, вѣроятно, меня провести; такъ знайте, что не удастся... Эй! ямщикъ! сходи сейчасъ за старостой и десятскимъ, да живо! крикнулъ онъ.

— Помилуйте, ваше благородіе, какой тутъ обмѣръ? Тутъ и всего-то полрюмки не хватаетъ, такъ вѣдь на десяти-то бутылкахъ что нибудь осталось же?.. Вы мѣряйте соответственной посудинѣ мѣрой, тогда и увидите!

— Ахъ, ты негодяй! вздумалъ еще учить меня! крикнулъ на него Болтуновъ.

Мужики — носѣтители по простотѣ душевной вздумали тоже вмѣшаться въ разговоръ:

— Некаково, баринъ, обмѣру тутъ нѣтъ, напрасно гнѣвишь!

— А вамъ-то какое дѣло, негодяи? Вы за бутылку душу свою продадите...

— Може бары-то нонѣ такъ дешево продаютъ души, а мы своихъ не продадимъ ни за какіи деньги! отгрызались они.

Болтуновъ даже позеленѣлъ отъ злости и Богъ — вѣдаетъ, чѣмъ бы кончился этотъ споръ, но приходъ старосты и десятскаго прекратилъ его.

— Мною обнаружено здѣсь, господа, злоупотребленіе мѣрою,—обратился Болтуновъ къ прибывшимъ.— Вотъ не угодно-ли вамъ посмотрѣть и на судѣ потвердить видѣнное!—А теперь я приступлю къ составленію протокола и попрошу васъ подписать его.

— Нельзя-ли, ваше благородіе, безъ насъ обойтись,

потому — мы люди темные, гдѣ ужъ намъ по судамъ ходить,—взмолился староста.

— Люди мы бѣдные, кажинная отволока ¹⁾ для насъ убыточна, ваше благородіе! Нельзя ли избавить насъ? вторилъ десятскій.

— Если бы можно было обойтись безъ васъ, то я и не позвалъ бы. Знаю, что не лестно и убыточно вамъ таскаться по судамъ, но что-жъ дѣлать—законъ! и вы не имѣете права отказываться...—замѣтилъ Болтуновъ, смягчаясь.

Актъ былъ составленъ и подписанъ старостою и десятскимъ, послѣ чего Болтуновъ уѣхалъ, будучи вполне увѣренъ, что одного мошенника изловилъ, чѣмъ и оставался очень доволенъ.

Все время, пока составлялся актъ, Иванъ Павловъ молчалъ, какъ бы въ оцѣпѣненіи, не столько отъ испуга, сколько отъ неожиданности. Онъ съ самаго открытія питейныхъ заведеній новаго типа велъ торговлю честно и всѣми силами старался и другихъ увѣрить, что можно быть честнымъ во всякомъ дѣлѣ... И вдругъ... „На что ужъ прежній акцизный былъ звѣрь и взяточникъ,—думалось ему,—по и онъ никогда не обидѣлъ его, потому что не за что было брать съ него. А этотъ, про честность котораго кричали всѣ, вотъ онъ каковъ!.. Какъ видно, Водокеросинниковъ уже успѣлъ подкупить его“, размышлялъ Иванъ Павловъ, идя домой.

IV.

Черезъ два мѣсяца мы опять застаемъ Болтунова у Водокеросинникова.

— Это чортъ знаетъ, что дѣлаетъ вашъ приказчикъ въ Иванковѣ!.. Это возмутительно, и если бы я не далъ вамъ ранѣе слова, то всенепремѣнно составилъ бы протоколъ, говорилъ онъ Водокеросинникову.

¹⁾ Отволока—отлучка.

— А что же тамъ такое случилось? почтительно спросилъ тотъ.

— Помилуйте, тамъ водка имѣетъ только 28^о крѣпости, вмѣсто сорока,—это грабежъ!.. И всѣ ваши заведенія проѣзжалъ мимо, не провѣряя, надѣялся на ваше личное наблюденіе, но тутъ какъ-то ящикъ вечапно привернулъ, я вздумалъ повѣрить, и вотъ какую штуку открылъ... Такой слабой водки во всемъ уѣздѣ нѣтъ, даже у самыхъ отъявленныхъ плутовъ и то не хватаетъ градусовъ двухъ, трехъ, а у васъ—цѣлыхъ двѣнадцати! Непремѣнно прошу васъ рассчитать этого капалью сидѣльца, а то на будущій разъ придется составить протоколъ...

— Ахъ, онъ мерзавецъ! ахъ, онъ мошенникъ!.. негодовалъ Водокеросинниковъ.. — Не даромъ мнѣ сынника то и дѣло говорилъ, что надо рассчитать иванковского приказчика, иначе онъ фирму нашу сконфузитъ... Такъ и вышло.—Благодарю васъ, что не сдѣлали огласки, пожалѣли насъ, а то бѣда: не выйти на улицу со стыда... И его, подлеца, сейчасъ же рассчитаю... Ну, а въ другихъ-то заведеніяхъ все ладно нашло?

— И вамъ уже сказалъ, что не повѣрялъ, надѣялся на вашу совѣсть... Впрочемъ, случайно былъ еще въ одномъ заведеніи (смотреть въ памятную книжку) въ дер. Оплеванной... Тутъ, знаете-ли, прекомичная сцена выпала... ха! ха! ха!.. И до сихъ поръ не могу вспомнить безъ смѣху... Приказчикъ-то вашъ до того перепугался, что, когда я потребовалъ подать мнѣ бутылку съ водкой, онъ полѣзъ, второпяхъ зацѣпился за полку, а она не выдержала—трахъ! и все вдребезги разлетѣлось!.. Мнѣ даже жаль его стало, далъ ему красненькую: на, молъ, да впередъ не пугайся, я не звѣрь!..

— Ахъ, онъ ротозѣй! ахъ, онъ нюня! и напрасно вы дали такому полоротому, говорить Водокеросинниковъ.—А не помните, чѣмъ кончилось дѣло Ивана Павловича за обмѣръ?

— Какъ не помнить! на два мѣсяца въ тюрьму закатали... Очень жестоко, мнѣ даже жаль его стало...

— Ловко! туда ему и дорога, мошеннику! Жалѣть такихъ людей не стоитъ, замѣтилъ Водокеросинниковъ, съ довольной улыбкою.

Пробывъ въ Безголовомъ часа два—три, Болтуновъ направился въ В-къ, таща съ собою цѣлую кипу протоколовъ.

Водокеросинниковъ отъ радости, что все сошло опять благополучно, даже похлопалъ въ ладоши. „Ловко!“ воскликнулъ онъ, вспоминая своего приказчика Захара въ Оплеванной.

— Ну, теперь, Прохоръ, поѣжай въ Оплеванную и получи съ Захара 10 рублей, что акцизный далъ ему, а сколько разбилось водки—прими на мой счетъ. Затѣмъ поѣжай по остальнымъ заведеніямъ и прикажи вездѣ сдѣлать такія полки, что бы еле держались, дабы въ случаѣ надобности сидѣльцы такъ-же поступали, какъ Захаръ. Бѣда не велика, если на 10—15 руб. разобьетъ кто водки, паверстаемъ скоро: все лучше протокола... Потомъ Иванковскому приказчику вели переѣхать въ Коротыгино, а коротыгинскому—въ Иванково, такимъ образомъ мы, значить, и уволили... И волки сыты, и овцы цѣлы... Когда-то еще акцизный пріѣдетъ, да навѣрное и позабудетъ: гдѣ ему каждую рожу въ уѣздѣ упомнить!.. Понялъ?..

— Какже... ха! ха! И обдѣланный же ты у насъ, какъ я посмотрю, и служить-то любо съ такимъ!.. ха! ха!..

— Ну, пошелъ, дуракъ! чего зубы-то скалишь?.. Не забудь, чтобы побольше водицы-то подпускали, особенно передъ праздниками! крикнулъ уже въ догонку Водокеросинниковъ.

V.

По пріѣздѣ своемъ въ В-къ, Болтуновъ немедленно отправился въ акцизное управленіе съ цѣлымъ воро-

хомъ протоколовъ, сіяя отъ удовольствія.

— Чортъ знаетъ, что вы тамъ дѣлаете! воскликнулъ акцизный надзиратель Улитовъ, разсматривая протоколы Болтунова. Вы завалили насъ положительно работою... Лучше брали бы ужъ съ каждаго по средствамъ, не запосились бы, а то разомъ хотите разбогатѣть...

— Я васъ не понимаю, Карпъ Карповичъ? о чемъ вы говорите? не ужели о взяткахъ? такъ Боже меня сохрани богатѣть такимъ образомъ!

— А то о чемъ же?.. Вѣдь на Водокеросинниковато ни разу и ни одного протокола не составили, а толи ужъ не плутъ? Неужели задаромъ ему спускается? ха! ха! ха!.. Конечно, другіе не могутъ давать столько, сколько онъ, но что же дѣлать!.. брали бы ужъ, повторю, съ каждаго по средствамъ... Однако, скажите: сколько же вы съ него схватили?..

— Я не заслуживаю такой обиды, Карпъ Карповичъ! Служу я честно, а тутъ думайте какъ знаете. Можетъ быть, у васъ ранѣе такъ и велось, но я этого не дѣлаю и не буду дѣлать!.. сказалъ онъ и быстро вынелъ.

— Тоже невинность! ха! ха!.. „служу я честно...“ — чортъ чесаль, да и чесалку потерялъ!.. ха! ха!.. смѣлся Улитовъ въ догонку.

Правъ Ширихановъ, думалъ Болтуновъ, идя на квартиру. Дѣйствительно, трудно не охладѣть, когда тебѣ будутъ подносить такіа правственныя пощечины, какъ сейчасъ, а за что? Въ прошлую поѣздку привезъ 20 протоколовъ и вмѣсто благодарности, вмѣсто награды за примѣрное исполненіе служебныхъ обязанностей, получилъ тоже выговоръ, что якобы отбиваю людей отъ торговли и тѣмъ наносю ущербъ казнѣ... И почти всѣ мои протоколы оставлены безъ послѣдствій. Спорить съ Улитовымъ—безполезно: управляющій съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ... О, служба!.. Непремѣнно надо выйти въ отставку.

VI.

Прошло еще три года, и судьба свела двухъ старыхъ пріятелей: проѣздомъ былъ въ В-кѣ Чирихановъ и, конечно, зашелъ къ Болтунову.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Ширихановъ полюбопытствовалъ на счетъ предсказанной имъ когда-то тихой пристани.

— Э, батюшка! да я только-что медовѣй мѣсяцъ проводилъ... А вотъ и жена моя, Софья Александровна! представилъ онъ вышедшую къ нимъ молодую особу. А это мой другъ, Софи, Андрей Петровичъ Ширихановъ!

— Очень, очень радъ познакомиться! говорилъ тотъ—поздравляю тебя и отъ души желаю всѣхъ благъ міра сего!.. А вѣдь я, признаться, и не подозрѣвалъ, что встрѣчу тебя уже семейнымъ... Значитъ, не будучи пророкомъ, я все-таки угадалъ твою судьбу,—помнишь?.. замѣтилъ Ширихановъ, когда они остались одни.

Какъ же, помню все!.. Да, ты былъ правъ. Трудно въ наше время отстоять свои убѣжденія... Я сначала горячо принялся за дѣло, но пошли разныя дрызги, клевета... Хотѣлъ уже въ отставку выходить, да раздумалъ. Преслѣдуя кулаковъ, я вмѣсто благодарности отъ начальства получалъ лишь одни выговоры, а надежды даже чуть не уволили совсѣмъ за неумѣстное якобы и недобросовѣстное стѣсненіе виноторговли, отчего казна получила много недобору, потому что всѣ мелкіе торгаша позакрывали свои лавочки.—Долженъ сознаться: отчасти это была правда. Я, какъ оказалось, губилъ мелкихъ и давалъ просторъ крупнымъ мошенникамъ, самъ того не замѣчая. Особенно долго водилъ меня за носъ пѣкто Водокеросинниковъ—отъявленный плутъ!..

— Это не та-ли честнѣйшая личность, о которой ты мнѣ писалъ въ первое время? язвительно замѣтилъ Ширихановъ.

— Къ сожалѣнію, да. Тогда я не зналъ его такъ, какъ знаю теперь...

Ну, а теперь, когда ты узналъ, что онъ подлець, — что же теперь: преслѣдуешь его?

— Нѣтъ, ни мочи и думать! Ужъ коль скоро съ маленькихъ началъ, да столько непріятностей нажилъ, то что же будетъ, когда начну съ Водокеросипниковыхъ?.. Сотрутъ съ лица земли, а я теперь уже, какъ видишь, женатъ: надо подумать и о себѣ... Ну, ихъ къ шутамъ! плутуйте, мнѣ-то что?.. Правда, совѣстно иногда бываетъ и жалованье-то получать, зная, что не за что бы, да съ другой стороны подумаешь: вѣдь не ты, такъ другой будетъ на твоёмъ мѣстѣ и получитъ же его... Такъ не все-ли равно?.. И хотя не рыскаю теперь по уѣзду, за то и взятокъ не беру, а въ наше время уже и это заслуга.

— Заслуга, положимъ, не особенно важная, — замѣтилъ Ширихановъ. — А помнишь, при отъѣздѣ-то сюда что говорилъ? Грустно, другъ!..

— А мнѣ, думаешь, весело? еще какъ и грустно-то!.. Подчасъ готовъ бѣжать куда глаза глядятъ, да куда цобѣжишь? гдѣ лучше-то?.. Молодо-зелено было, конечно, — и не безъ ошибокъ, но все-таки въ то время жилось лучше и легче дышалось...

— Да, между тобой тогдашнимъ и настоящимъ — дистанція огромнѣйшихъ размѣровъ, какъ говорится!..

— Ну, будетъ вспоминать о старомъ!.. Что прошло, — то не вернется вновь... Пойдемъ-ка лучше чай пить!., Вѣроятно, ты погостишь денегъ-другой у насъ? Мы будемъ очень рады тебѣ. Вечеромъ пойдемъ въ клубъ, тамъ я познакомлю тебя съ нашимъ в-кимъ обществомъ, — преинтересные, братъ, люди, я тебѣ доложу! А какъ мы отлично „завинчиваемъ“, — даже нередъ столичными игроками и то не ударимъ лицомъ въ грязь!.. — И Болтуновъ увлекъ пріятеля въ гостиницу...

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МОЕГО ПРІЯТЕЛЯ.

I.

Бѣдный Гриша.

— Когда я впервые познакомился съ нимъ, — началъ мой пріятель, — это былъ юноша лѣтъ 20-ти, полный цвѣтущаго здоровья и силъ, по имени Григорій Михайловичъ Сѣрковъ, сынъ сельскаго дьячка въ N-ской губерніи. Какъ всѣ дѣти духовныхъ отцовъ, онъ былъ помѣщенъ сначала въ духовное училище, а потомъ въ семинарію, и отецъ его, Михаилъ Михайловичъ, не могъ нарадоваться, что его дитя оказался „смышленикъ“ въ наукахъ и переходилъ изъ класса въ классъ чуть не первымъ ученикомъ, а потому частенько мечталъ уже въ слухъ, какъ будетъ хорошо, когда его Гриша кончитъ семинарію студентомъ перваго разряда, — въ этомъ онъ не сомнѣвался — и займетъ мѣсто священника въ родномъ приходѣ. А что это рано-ли поздно должно случиться, — въ этомъ Михаилъ Михайловичъ также не сомнѣвался. Во-первыхъ, отцу Серафиму, теперешнему настоятелю, уже за 70-тъ перевалило: значить, смерть не за горами; во-вторыхъ, отецъ Серафимъ бездѣтенъ: слѣдовательно конкуренціи на это мѣсто не будетъ, въ третьихъ, накопецъ, просьбу Гриши, какъ перваго ученика, тотчасъ уважать, лишь только откроется ваканція. Однако его мечты не сбылись. Перейдя изъ 4-го въ 5-й классъ семинаріи, Гриша категорически заявилъ

отцу, что онъ учиться больше не будетъ: въ поны онъ никогда не пойдетъ, а будетъ народнымъ учителемъ, слѣдовательно богословскіе классы проходить бесполезно. Сначала отецъ не вѣрилъ своимъ ушамъ, но когда убѣдился, что сынъ не шутитъ, то съ нимъ случился ударъ, едва не кончившійся смертію. Однако все обошлось благополучно, отецъ выздоровѣлъ и не терялъ надежды „уговорить“ сына бросить сумасбродство, но тутъ случилось нѣчто, снова повернувшее вверхъ дномъ всѣ планы и надежды отца.

Въ одно прекрасное утро, когда дьячиха только-что выпила изъ нечи „рогульки“, намѣревалась попотчевать ими отца и сына, подѣхали къ ихъ крыльцу двѣ тройки съ губернскимъ начальствомъ... Михаилъ Михайловичъ глянулъ въ окно и, видя, что гости направляются къ нему въ избу, какъ стоялъ, такъ и застылъ: стоитъ, что статуя... Такъ онъ былъ ошеломленъ неожиданностью.

— Гости пріѣхали! съ ироніей замѣтилъ сынъ.

Не трудно догадаться, что произошелъ обыскъ, одинъ изъ тѣхъ, какими богатъ былъ конецъ семидесятыхъ годовъ. Хотя ничего предосудительнаго у сына не оказалось, но эта исторія надѣлала массу тревогъ семейству дьячка, особенно ему самому... У отца съ сыномъ произошла сцена, кончившаяся тѣмъ, что отецъ сказалъ:

— Ты мнѣ больше не сынъ, а я тебѣ не отецъ: иди куда знаешь!..

— Отрекохся! замѣтилъ сынъ.

И какъ дьячиха не уговаривала, со слезами на глазахъ, отца и сына помириться,—они остались не склонными зъ своихъ рѣшенійхъ. На второй день послѣ этой сцены, Григорій Михайловичъ скрылся... По выходѣ изъ родительскаго дома, первую мыслию его было просить у кого слѣдуетъ мѣста сельскаго учителя, тѣмъ болѣе, что недалеко отъ его родины была свободная учительская ваканція. И вотъ онъ направился въ мѣстную земскую управу и, когда предъявилъ свои документы,

ему было обѣщано желаемое мѣсто и на-завтра велѣно явиться за бумагой объ опредѣленіи учителемъ —ой школы и за билетомъ на проѣздъ туда. Но на-завтра какимъ-то образомъ исторія его обыска и сцена съ отцомъ уже дошла—хромое то ходко!—до свѣдѣнія земскихъ заправиль, и ему вернули его документы. Положеніе становилось критическимъ: денегъ ни копѣйки, знакомыхъ—никого... Тогда вспомнилъ онъ, что въ сосѣднемъ уѣздномъ городѣ живетъ его знакомый, нѣкто Ивановскій,—тоже сынъ дьячка, -- занимающій мѣсто бухгалтера въ земской управѣ, а потому онъ отиравается къ нему, питаясь чуть не Христовымъ именемъ. Ивановскій принялъ въ немъ живое участіе, и благодаря его рекомендаціи, Сѣркову было дано мѣсто учителя, только очень далеко, въ 150-ти верстахъ отъ уѣзднаго города, въ с. Непросвѣтное. Пріѣхавши въ с. Непросвѣтное, онъ былъ крайне удивленъ состояніемъ школы, Это была одна изъ тѣхъ школъ, при видѣ которыхъ говорятъ. „не то школа, не то хлѣвъ?“—учениковъ по списку значилось всего 8 человекъ. Учителя, какъ впоследствии оказалось, жили здѣсь не болѣе года и за тѣмъ удирали куда бы-то ни было, лишь бы представилась возможность удрасть, ибо Непросвѣтное было въ такомъ глухомъ углу, откуда, по выраженію Щедрина „хоть три года скачи,—ни до какого города не доскачешься“, за исключеніемъ уѣзднаго, и то болѣе похожаго на большую деревню, чѣмъ на городъ.

Школа была помѣщена въ избѣ умершей бобылки, изба эта была раздѣлена переборкою на двѣ комнаты: одна для учениковъ, другая—для учителя.

Два года Сѣрковъ проучительствовалъ въ с. Непросвѣтномъ, не мало потратилъ за это время хлопотъ, не мало исписалъ бумаги о нуждахъ школы, пока желаемое было достигнуто хоть отъ части: для школы, по его настоянію, выстроены новый домъ, количество учебныхъ нособій утроилось, а число учениковъ возросло

до 40 человекъ. Но не дешево обошлись ему эти учительскіе два года: онъ постарѣлъ, осунулся... Живя постоянно въ деревнѣ,—носящей, впрочемъ, названіе села,—ему волей-неволей приходилось чуть не ежедневно наткаться на горькую нужду, на вопіющую несправедливость во взаимныхъ отношеніяхъ бѣднаго и богатаго класса населенія. Будучи отъ природы весьма впечатлительнымъ, понятно, онъ всѣмъ этимъ волновался ужасно, въ то же время всякая несправедливость, обида, сдѣланная кому нибудь изъ бѣдняковъ, оскорбляла его до глубины души.

Вскорѣ въ Непросвѣтномъ случилась „исторія“, одно изъ тѣхъ земельно-правовыхъ недоразумѣній, которыя по чиновничей терминологіи посятъ громкое названіе „вооруженнаго сопротивленія властямъ“, и главою этой исторіи молва считала Сѣркова. Мнѣ представился случай побывать въ тѣхъ краяхъ и я зашелъ къ нему.

Разговорились.

— Тяжело, братъ, N N, служить въ деревнѣ учителю, очень тяжело!... Начать съ того, что здѣсь всѣ—тебѣ начальство, отъ становаго до послѣдняго десятскаго включительно. Каждое слово твое толкуютъ вкривъ и вкосъ, во всемъ усматривая какіе-то подвохи да злоумыслие... и раздуваютъ „исторіи“.

— Неужели, говорю ему, — по близости тутъ нѣтъ ни одного порядочнаго человека, который бы „разъяснилъ“ напандающимъ на учителя и заступался-бъ за его?.. Напримѣръ: священникъ?

— Священникъ—мздоимецъ и по старости „тряхнувшись“, надо полагать.

— Старшина?

— Пьяница, и глупъ, какъ пробка.

— Ну, писарь?

— Плутъ,—отвѣчаетъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ: фельдшеръ?

— Тоже пьяница, да и живетъ въ 30 верстахъ.

— Докторъ, наконецъ?

— Онъ еще дальше да и баринъ къ тому же: съ нашимъ братомъ, учительшкомъ, не станетъ водить знакомства.,.

— Полно такъ-ли? спрашиваю его. Не преувеличиваешь-ли?

— Смѣю увѣрить и постараюсь доказать... Однажды я обмолвился собравшейся кучкѣ мужиковъ, что земля вертится, а солнце стоитъ. Дошло это до „батюшки“, въ какомъ видѣ—не знаю, можетъ быть и въ искаженномъ. И что бы вы думали?—донесъ, не справляясь о правдѣ, своему начальству, что я занимаюсь распространеніемъ въ народѣ ереси. Духовное начальство дало знать полиціи и послѣдняя производила дознаніе... Ну, кто по вашему священникъ: умный или честный человекъ?.. Дальше: писарь со всѣхъ и каждого рветъ сколько можетъ, особенно выгодець для него гербовый сборъ: тутъ онъ съ каждого прошенія, заявленія, справочки не говоря уже о роснискахъ, беретъ по 80 коп., увѣряя темный людъ, что иначе нельзя, „потому—новый законъ вышелъ, чтобъ безъ марки ни-ни!“ У кого же и денегъ-то окажется—былъ и такой случай—только 67 коп., то находчивый писарь и тутъ найдется: давай дескать, и столько, для тебя и въ 67 коп. марки прилѣблю—сойдетъ, и мужикъ еще будетъ благодарить за уступку, „добрый писарь, что тамъ не говорятъ“, скажетъ онъ, и при случаѣ на волостномъ сходѣ будетъ первый „горланить“ за прибавку жалованія писарю. Само-собою разумѣется, марки не прилѣбляются, а прилипаютъ лишь пародные гроши къ писарскому карману.

— Чего же смотреть старшина?

— Ровно ничего, да и не понимаетъ въ дѣлахъ ни шиша.

— Это ужасно! воскликнула я.

— Я и не спорю. Если я чего либо и добился относительно улучшенія школы, то спросите—чего это

миѣ стоило? Смотрите: сѣдые волосы стали показываться на головѣ, а, вѣдь, миѣ только еще 23 года!.. Тутъ недавно вышла еще громкая исторія, которая Богъ знаетъ чѣмъ кончится?..

— Ахъ, расскажите пожалуйста, говорю ему,—что тутъ произошло у васъ? васъ-то какъ въ нее вмѣшали?

— Да ни съ чего, пожалуй... Непросвѣтловцы купили когда-то у своего помѣщика всю, оставшуюся за надѣломъ, землю, а купчую на нее, во избѣжаніе лишнѣхъ расходовъ, совершили на имя одного своего односельца, богатаго мужика Барабанова. Землю же они, конечно раздѣлили по числу душъ, за сколько каждый домохозяинъ внесъ деньги, и такъ владѣли 12 лѣтъ. Но вотъ умираетъ старикъ Барабановъ, остается послѣ его сынъ, скупой и жадный, который сразу же сталъ тѣснить непросвѣтловцевъ и грозить, что землю эту имъ не отдастъ: „право-де на неѣ имѣю я одинъ“. Сначала отказалъ одному, потомъ другому, наконецъ и всѣмъ. Взыли мужики, приходятъ ко миѣ (волостное начальство держало сторону Барабанова) и спрашиваютъ: что имъ дѣлать?

И во всю жизнь никакого закона даже въ рукахъ не держалъ и потому, понятно, всталъ втупикъ... Наконецъ вспомнилось миѣ, что десятилѣтняя давность владѣнія даетъ право собственности на землю, и потому сказалъ имъ: пока владѣйте по прежнему, а если Барабановъ подастъ въ судъ, то послѣдній разберетъ ихъ дѣло. Мужики такъ и сдѣлали. Тогда Барабановъ позвалъ урядника для освидѣтельствования самовольной порубки въ его, яко бы, дачѣ. Мужики же не допустили, говоря, что „земля наша и вольны мы дѣлать съ ней что хотимъ, и учитель-де то сказалъ, что Барабанову не отнять ее“. Урядникъ составилъ протоколъ и донесъ становому. Пріѣзжаетъ становой съ урядникомъ и съ сонмомъ сотскихъ и десятскихъ, но непросвѣтловцы и его не стали допускать, взялись за колья. Я, узнавши

это, бѣгу къ мужикамъ и кричу, что такъ дѣлать нельзя, что право на землю, надо искать не коломъ, а судомъ, что беззаконіемъ не восстанавливаютъ законности,—такъ куда тебѣ! и слушать не хотятъ: „вишь, говорятъ, раньше за насъ стоялъ, а теперь Барабановъ видно закупилъ и его, другое запѣлъ...“ Становой составилъ протоколъ и уѣхалъ, и чѣмъ теперь эта исторія кончится—неизвѣстно..

— Однако, какой же подлець этотъ Барабановъ! сказалъ я.

— Такой, какими, къ прискорбію, „переполнена наша земля“, отъ которыхъ тяжело становится народу... Чтобы мало-мальски помочь темному люду,—продолжалъ онъ,—пужно обладать большою ученостью: одновременно надо быть и докторомъ и юристомъ, и педагогомъ, и непремѣнно, какъ я убѣдился, жить съ мужиками тою же почти жизнію, какою живутъ они сами, входить во всѣ ихъ жизненные мелочи и отнюдь не смотрѣть на нихъ съ высока... „Худо проповѣдывать о честности съ украденнымъ гусемъ въ рукавѣ, какъ скажутъ Бокль“.

— Но, вѣдь, согласитесь сами, этого невозможно сдѣлать: культурный человѣкъ не вынесетъ той жизни, какою живетъ человѣкъ не культурный...—замѣтилъ я.

— Знаю, что тяжело, очень тяжело, но это возможно и это необходимо... Не можетъ быть, чтобы намъ суждены только однѣ „благіе порывы“ и больше ничего... Людей общественныхъ нѣтъ—это вѣрно:

Гдѣ же вы люди гражданскаго долга?
Гдѣ вы строители русской земли?..

продекламировалъ онъ стишекъ своего изобрѣтенія.

— Въ такомъ случаѣ попробуйте продолжить свое образованіе и докажите на дѣлѣ, говорю ему.

— Во первыхъ вы забываете, что доступъ изъ нашей семинаріи въ университеты затруднителенъ, во-вторыхъ, денегъ у меня—ни гроша, въ третьихъ—я къ

своему дѣлу уже привыкъ и нахожу его полезнымъ, да и жалъ было бы разстаться съ ребятишками, которые меня любятъ. А хоть малость, да познакомиться со своимъ закономъ и медициной непременно слѣдуетъ, и это я сдѣлаю. Повѣрьте, въ каждый день приходитъ кто нибудь со своимъ горемъ или нуждой, и чтобъ не утѣшить, не помочь по силѣ возможности,—надо имѣть каменное сердце и желѣзные нервы...

Потолковавши еще кое-о-чемъ, больше же всего о народной пуждѣ, чтó было любимую темою его разговора, мы разстались.

Черезъ мѣсяцъ, какъ стало мнѣ извѣстно, Сѣрковъ былъ уволенъ, а „исторія о землѣ обошлась для крестьянъ безъ дурныхъ послѣдствій: Барабановъ, догадавшись, что въ своей жадности зашелъ ужъ слишкомъ далеко, помирился съ крестьянами, за поступокъ же они были оправданы судомъ. Сѣрковъ же по увольнении загрустилъ, запилъ, и въ концѣ концовъ настолько растроилъ свои силы, что попалъ въ захудаловскую больницу. Пробывъ тамъ нѣкоторое время, онъ затѣмъ куда-то скрылся...

Но вотъ въ одинъ ясный сентябрьскій день 189... г., охотясь въ лѣсу, я вышелъ на дорогу и присѣлъ покурить, какъ вдругъ подошелъ ко мнѣ какой-то монахъ и, остановившись, сталъ упорно смотрѣть на меня.

— Послушникъ ...скаго монастыря Сѣрковъ, рекомендую! сказалъ онъ густымъ басомъ.

— Ба! Григорій Михайловичъ! Да вы это что... въ монашескомъ облаченіи? Неужели и вправду монахомъ сдѣлались?

Вмѣсто отвѣта, онъ спросилъ:

— А бутылка водки у тебя дома найдется?

— Найдется, отвѣчаю.

— Ну, такъ пойдемъ къ тебѣ.

— Да развѣ пьешь? вѣдь вредно... говорю ему, перейдя по примѣру его, съ „вы“ на „ты“.

— Знаю, что вредно, но смерти я не боюсь: вѣдь она есть только уничтоженіе страданія, какъ говоритъ Шопенгауэръ.

Отправились ко мнѣ. Дорогою онъ рассказалъ мнѣ, какъ текла его жизнь со времени послѣдней нашей встрѣчи. Выйдя изъ больницы, онъ все свое небольшое имущество роздалъ по бѣднякамъ, а дипломы свои сжегъ и отправился въ ...скій монастырь съ цѣлю удалиться отъ грѣховъ міра сего и поступить въ монахи. Но онъ скоро убѣдился, что быть въ средѣ монашеской братіи не значитъ еще избавиться отъ грѣховъ міра..

— Игуменъ оказался с...: у самого обѣдъ изъ 10-ти блюдъ, а насъ кормитъ одними сушеными ершами. Вотъ однажды, я послѣ обѣдни возьми да и скажи ему, что вамъ, молъ, не игуменомъ быть слѣдовало бы, а интендантомъ и то во время турецкой войны... Меня, друга милаго, сейчасъ въ шею изъ монастыря уволили, значить!

— Ну, а теперь куда же? спрашиваю его.

— На Лоонъ пробираюсь... Заведу тамъ свою келію, да и буду ждать своей смерти...

И усомнился.

— Не лучше-ли, говорю, поближе, да и не въ монахи, ну какой ты монахъ? Опъ задумался и потомъ, какъ бы про себя, промолвилъ: „нѣсть спасенія въ мірѣ, нѣсть!..“

Наконецъ пришли ко мнѣ, и онъ съ жадностью: не раздѣваясь, набросился на выпивку и ѣду.

— А знаешь что? вѣдь я два дня не ѣдалъ!.. Заходилъ въ Непросвѣтное, тамъ, спасибо, мужики наградили меня: кто пироги притащить, кто рубашку, кто что... Только бѣда въ томъ, что по пути много винныхъ лавокъ понастроено—все спустилъ... Теперь на мнѣ и рубашки-то нѣтъ, если снять ряску—какъ есть въ костюмѣ Адама нахожусь...

— А! вотъ причина, — почему не раздѣваешься..

Ну, этому горю можно помочь, — сказалъ я, и снабдилъ его нужнымъ платьемъ.

О многомъ мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ, но онъ вскорѣ же зашьянѣлъ и уснулъ, а на-утро, чуть только стало свѣтать, ушелъ отъ меня, ни кому не сказавшись... Послѣ я узналъ, что въ первой же по пути винной лавкѣ онъ опять все спустилъ и остался снова въ одной ряскѣ.... Теперь, какъ слышно, вмѣсто Аюна Сърковъ попалъ въ Захудаловскъ и живетъ тамъ въ числѣ золоторотцевъ, у которыхъ и сливетъ подъ немемъ „бѣднаго Гриши...“

— Да, вздохнувши сказалъ мой пріятель, заканчивая свой рассказъ,—бѣдный Гриша! и много такихъ, не приспособившихся къ жизни, пропало на нашихъ глазахъ на святой Руси, точно въ силу какого-то фатума, а могли бы вѣдь изъ нихъ выйти весьма полезные люди....

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МОЕГО ПРІЯТЕЛЯ.

II.

Палата пишущихъ и читающихъ.

— К-ая психіатрическая лечебница, куда меня привезли, началъ мой пріятель,—находится на берегу р. Сонной, въ 5-ти верстахъ отъ губернскаго города Энска и состоитъ изъ двухъ громадныхъ каменныхъ домовъ, спеціально построенныхъ для этой цѣли. Дома эти—двухъэтажные, одинъ для мужчинъ, другой для женщинъ, иначе сказать „мужское и женское отдѣленія“, какъ принято тамъ выражаться. Между домами—кухня, тоже каменная, съ высокою башней, для водопровода, отчасти напоминавшей собою пресловутую Эйфелеву, только въ меньшемъ размѣрѣ. По лѣвую сторону мужскаго отдѣленія, на самомъ берегу Сонной, паровая водоканка и тутъ же, почти рядомъ, два деревянные барака для квартиръ фельдшеровъ, служащихъ и рабочихъ изъ числа больныхъ. Еще немножко повыше по теченію Сонной, возлѣ такъ называемой „барской“ роши, просторный помѣщичій домъ, прежняго владѣльца с-ца К-ва, теперь же N-го земства. Въ этомъ домѣ расположены квартиры: завѣдывающаго лечебницею доктора и его помощника. Противъ женскаго отдѣленія находится тоже баракъ для рабочихъ, прибавьте ко всему этому еще баню, пращешную, кучерскую и другія хозяйственные постройки, примите затѣмъ во вниманіе, что всѣ эти постройки

окаймляются съ трехъ сторонъ большимъ сосновымъ лѣсомъ, а съ четвертой—рѣкой, изъ-за которой виднѣется городъ Энскъ, то вы легко поймете, что с-цо К-во выглядитъ довольно красиво, а чистый сосновый воздухъ можетъ весьма благотворно дѣйствовать на несчастныхъ больныхъ, слѣдовательно энское земство сдѣлало очень удачный выборъ мѣста для своей лечебницы.

Меня, какъ и всякаго „новичка“, сейчасъ же привели въ контору—въ нижнемъ этажѣ, въ срединѣ здания, у наряднаго подъѣзда. Контора занимала довольно просторную комнату съ двумя столами для писарей и двумя же книжными шкапами, диваномъ для входящихъ, кресломъ для доктора и нѣсколькими стульями. На стѣнѣ, у дивана, для дежурнаго были прикрѣплены четыре электрическіе звонка, соединившіе контору съ отдѣленіями, тутъ же на стѣнѣ былъ и именная списокъ всѣхъ находящихся въ лечебницѣ больныхъ, каковыхъ значилось въ то время 200 человекъ. По случаю поздняго времени, въ конторѣ находился одинъ лишь дежурный, какой-то высокій и толстый господинъ, въ послѣдствіи оказавшійся надзирателемъ Вотчинскимъ; сдѣлавъ переносъ всего моего имущества, записавъ и самого меня „на-приходъ“, онъ зычно крикнулъ:

— Ивановъ!

— Сейчасъ!—послышалось изъ-за дверей. Что прикажете, Самсонъ Самсоновичъ? спросилъ выскочившій оттуда съ заспанными глазами служитель больницы.

— Отведи вновь прибывшаго въ „буйное“, а имущество его пока сложи гдѣ нибудь, завтра же снесемъ въ цехгаузъ.

— Слушаю-съ! отвѣтилъ тотъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „пожалуйте за мною“, щелкнулъ ключемъ въ замкъ у дверей, и мы оказались въ корридорѣ, слабо освѣщаемомъ небольшою, висящею у самого потолка, лампочкою. Шли мы длиннымъ корридоромъ: Иванъ впереди, а за нимъ, повернули на-право, отперли двери,

прошли еще другимъ корридоромъ, повернули на-лѣво отперли еще двери и оказались въ длинной комнатѣ.

— А вотъ и наше отдѣленіе!—говоритъ Ивановъ,—проходите... До завтра ужъ здѣсь придется переночевать, а тогда, можетъ быть, переведутъ васъ въ другое.

Бросивъ бѣглый взглядъ въ комнату, я увидѣлъ, что она вся наполнена буйными сумасшедшими, одни изъ нихъ уже лежали на соломенныхъ матрацахъ, разложенныхъ прямо на полу, а другіе разгуливали съ гордо поднятыми головами, разговаривая между собою, впрочемъ, не слушая другъ друга и изрѣдка поплеывая въ спланныхъ товарищей, которые по полученіи подобаго орошенія поднимали свои головы, ругались крѣпкимъ словомъ и, уткнувшись носами въ подушки, снова засыпали.

— Голубевъ! тише!.. Смотри у меня: въ „конпрессу“ завяжу живымъ манеромъ!—пригрозилъ Ивановъ одного больнаго, намѣревавашагося привѣтствовать меня своимъ кулачищемъ. Слово „конпрессъ“ магически дѣйствовало какъ я послѣ узналъ, на самыхъ буйныхъ больныхъ, такъ какъ съ нимъ связывалось такое дѣйствіе, которое положительно не гармонировало съ назначеніемъ конпресса, въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Оно заключается въ томъ, что раскручившаго больнаго скручиваютъ крѣпко-накрѣпко грубымъ холстомъ, предварительно смоченнымъ водою. Понятно, что, пробывши нѣсколько часовъ въ такомъ положеніи, больной, какъ бы не былъ онъ раздраженъ, становится тихимъ, ибо совершенно обезсиливается, на тѣлѣ его появляются даже отѣки отъ такого „скручиванія“. Понятно также и то, что къ этой мѣрѣ усмиренія прибѣгаютъ очень рѣдко, только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія средства, болѣе гуманныя, уже испробованы и оказались бесполезными. Чаще всего въ подобномъ случаѣ практикуется: горячая ванна или водвореніе въ „темную“, т. е. комнату безъ окна и безъ всякой мебели, гдѣ расхаживающаго держали иногда по цѣлымъ суткамъ, вы-

пуская только къ обѣду или ужину за общую въ отдѣленіи трапезу, да и то не всегда.

— Теперя пожалуйста въ ванну! сказалъ Ивaповъ, держа въ рукахъ простыню.

Я выразилъ изумленіе.

— У насъ положеніе ужъ такое, что каждаго вновь прибывшаго больного сейчасъ въ ванну садятъ,—пояснилъ онъ.—Да вы не безпокойтесь, ванна хорошая, вотъ увидите сами, а я вымою ее чисто, будьте спокойны!.. Вамъ же, вѣдь, лучше: послѣ ванны крѣпче уснете...

— Да сколько же времени я долженъ сидѣть-то въ ваннѣ?

— Обыкновенно полчаса.

— Хорошо, сказалъ я, и пошелъ за Ивановымъ. Ванна дѣйствительно оказалась хорошею, со всѣми новѣйшими приспособленіями. Пробывши въ ней—при температурѣ воды 30°—опредѣленное время, вышелъ опять въ общую.

— Теперя чаю не хотите-ли, пока кубъ еще не остылъ? спросилъ меня Ивановъ.

Я съ удовольствіемъ согласился бы, но при видѣ непривычной для меня обстановки, при видѣ расхаживающихъ вокругъ меня съ мутными глазами, съ всклокоченными волосами, обитателей комнаты, моихъ будущихъ товарищей, одѣтыхъ въ желтые пиджаки и таковыя же штаны, мнѣ было не до чаю: онъ не лѣзъ въ горло, не смотря на всю мою жажду. Мнѣ становилось страшно...

— Вы пожалуйста не отходите отъ меня, мнѣ страшно... убьютъ... говорю я Иванову, оказавшемуся впоследствии добрымъ малымъ, изъ солдатъ.

— Полноте, ничего... привыкнете по-маленьку, успокаиваетъ онъ. Вотъ я уже два года служу здѣсь, да слава Богу живъ еще, никто не убилъ... Вы откуда и какъ зовутъ-то?.. спросилъ онъ.

И сказался, сказалъ и то, какъ сюда попалъ.

— Эхъ, бѣдняжка! жаль мнѣ васъ, много въ послѣднее время стало поступать сюда людей и хорошихъ изъ-за этой проклятой водки!.. Ну, да не тужите, Богъ дастъ поправитесь скоро, выпустятъ... Вотъ завтра придетъ докторъ, можетъ быть переведетъ васъ въ другое отдѣленіе, болѣе спокойное... Я вамъ сейчасъ простыньку свѣженькую достану, поспите,—сказалъ онъ и пошелъ къ шкафу.

Но на простынѣ не привелось мнѣ поспать въ ту ночь: только-что Ивановъ началъ было расстилать ее по матрацу, какъ одинъ изъ больныхъ быстро выхватилъ ее изъ рукъ, крича во всю глотку своимъ охрипшимъ голосомъ:

— Не тронь, сволочь!.. это моя рубаха-та! и, накинувъ простыню на плечи, въ видѣ пледа, заходилъ быстрыми шагами по комнатѣ, съ полной готовностью свернуть скулы каждому, кто посмѣетъ оспаривать у него это право. Ивановъ бросился было къ нему, чтобы отобрать простыню, но я умолилъ его оставить больного въ покоѣ.

— Да вѣдь онъ изорветъ её вдрызг, а съ меня спросятъ,—возразилъ Ивановъ, однако я успокоилъ его обѣщаніемъ купить новую на свой счетъ, это я дѣлалъ изъ боязни, чтобы больной окончательно не разсвирѣпѣлъ и не убилъ-бы меня. Иванова это немного покорило.

— Знаете что,—сказалъ онъ,—„въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ!“ Я-то ничего, а скажи-ка это комунибудь другому—сейчасъ бы васъ въ темную: строго у насъ на этотъ счетъ, да и нельзя иначе. Судите сами: если каждый больной будетъ дѣлать то, что ему вздумается, то что-же выйдетъ? вѣдь половина перерѣжется въ одинъ день!.. Извѣстно, что люди линились что ни-есть самаго главнаго—ума, такъ чего отъ нихъ ждать?.. Вотъ па-дняхъ не разсмотрѣли,

одинъ больной забрался какъ-то на чердакъ, а оттуда и на крышу, да полѣзъ было въ дымовую трубу, желая спуститься такимъ манерчикомъ въ свою комнату,— вотъ, вѣдь, какая блажь пришла ему въ голову!—и едва только успѣли схватить, еще минутку прозѣвай—отъ него только мокренько стало-бы!... За всякую-же ихъ блажь—мы отвѣчай, потому что на то и приставлены, чтобы смотрѣть, тоже, вѣдь, за денежки служимъ,—обязаны...

— А сколько же вы получаете?—полюбонитствоваль я.

— Старшіе служителя получаютъ 6 руб. въ мѣсяць, а младшіе 5-ть, я же, хотя и младшій, но какъ нахожусь въ „буйномъ“ отдѣленіи, то получаю тоже 6 руб., да доходовъ почти столько-же...

— Какихъ доходовъ?

— Да вотъ, напримѣръ, къ вамъ пріѣзжаютъ родственники или знакомые провѣдать, ну, на прощаньи и дадутъ на-чаекъ, чтобы я не обижалъ васъ, а старался бы услужить, пѣкоторые господа даютъ по рублю за-разъ...

— А! вотъ какіе... Ну, а содержаніе? спрашиваю его.

— Содержаніе всѣмъ готовое, только одежда да табакъ свое. На одежду-то здѣсь много уходитъ, потому—пародь буйный, чуть прозѣвай, такъ царашнуть—только лоскутки убирай отъ рубашки-то! А съ нихъ что возьмешь? еще не смѣешь и сказать доктору или тамъ надзирателю, скажутъ самому: „какой ты послѣ этого надсмотрщикъ, когда позволяешь даже на себѣ рубашки рвать?“ По-неволѣ и молчишь... Да это бы еще ничего, а то на-дняхъ одинъ больной у меня чуть пальцы не откусилъ, вотъ какіе гуси есть между ними!..

— Какъ такъ?—спросилъ я, желая затянуть по-дольше разговоръ, чтобы Ивановъ не ушелъ отъ меня.

— Да очень просто: есть у насъ одинъ такой, по фамиліи Шерстобитовъ, который хочетъ во святые по-

пасть,—на этомъ и помѣшался,—для чего не пьсть и не ѣсть, голодомъ морить себя и постоянно день и ночь стоять на одномъ мѣстѣ—рѣдко и спать—да молится Богу, вотъ тотъ!—указалъ онъ на одного, дѣйствительно стоящаго у стѣнки и молящагося человѣка,—п мы его по приказанію доктора кормимъ насильно: одинъ служитель держитъ его, а другой вливаетъ ему въ ротъ пищу, только успѣвай проглатывать... И-же коего-дня захотѣлъ справиться съ нимъ одинъ, такъ какъ другіе служителя были заняты. Взялъ это я одной рукой его обнялъ, и хочу той-же рукою угораздиться разжать ему ротъ, чтобы другой-то вливать пищу, какъ только сунуль ему пальцы-то въ ротъ, а онъ какъ прижметъ ихъ зубами да и давай грызть, зубы вострые, не могу и выдернуть-то, до кости два пальца перегрызъ, и до сихъ поръ, какъ видите, ношу повязку...

— Сколько васъ всѣхъ-то служителей въ этомъ домѣ?

— Человѣкъ 15-ть будетъ, въ одномъ нашемъ отдѣленіи три.

— А гдѣ-жъ остальные?

— Въ служительской комнатѣ снятъ, потому что у насъ очередь, сейчасъ, т. е. до 6 ч. утра мое дежурство...

— А если разбушуются больные такъ, что одному съ ними не справиться?

— Тогда я крикну товарищей, они обязаны помогать, но не доходить до этого, если знаешь сноровку обходиться съ ними. Самое главное—не надо трусить: хоть и боишься, а показывай видъ, что нѣтъ, тогда все ладно будетъ, а какъ только испугался спервоначалу—бывали у насъ и такіе служителя,—то лучше не служи, уходи,—бѣда!.. Больные очень примѣтны...

— А это что за комнаты возлѣ ванной-то? спрашиваю его, указывая на боковыя двери.

Одна темная, другая одиночная.

— Для чего одиночная-то? спросилъ я, опять съ цѣлію продолжить разговоръ.

— Да хоть бы вы, напримѣръ, не желали вмѣстѣ со всѣми буйными жить, а перевести васъ въ спокойное отдѣленіе нельзя, бываютъ припадки буйства или что ни будь въ родѣ этого—у насъ такихъ припадочныхъ много,—вотъ вы и просите наше начальство или ваши родственники просятъ о томъ, дать отдѣльную комнату—такіи есть во всѣхъ отдѣленіяхъ, поясняетъ онъ,—вамъ и дадутъ, если она свободна. Бываютъ и такіе больные, что ихъ вмѣстѣ съ другими и держать нельзя, ну какъ безъ одиночныхъ комнатъ обойдешься? Въ такой комнатѣ уже все превинчено, даже и постель, дабы больной чего нибудь не сдѣлалъ надъ собой, потому что безъ присмотра будетъ жить, не какъ въ общей.

Я пожелалъ переночевать въ одиночной, благо оказалась не занятаю, и велѣлъ запереть себя покрѣпче дабы какой нибудь сумасшедшій не ворвался ко мнѣ. Ивановъ, пожелавъ спокойной ночи, удалился. Я осмотрѣлъ комнату. Все въ ней дѣйствительно оказалось „привинчено“: и столъ, и стулъ, и диванъ, служившій постелью. и лампочка у потолка, даже вьюшки нечныя и тѣ были заперты. Но сонъ былъ далекъ отъ меня при такой обстановкѣ, при крикѣ больныхъ, такъ-что и на $\frac{1}{4}$ часа не удалось заснуть во всю ночь, не смотря на усталость отъ далекаго путешествія въ лечебницу: голова сдѣлалась тяжелая, будто свинцомъ налита, мысли какъ-то безсвязно копошились въ ней, и думалось, что окончателно уже сойду въ эту ночь съ-ума, не доживши до утра. Боже мой! чего, чего я въ эту ночь не передумалъ?.. Вся моя жизнь приполнилась, но какимъ-то страннымъ образомъ: безъ всякой послѣдовательности, отрывками о болѣе выпуклыхъ ея энизодахъ. Вспомнилъ я, какъ мой отецъ взялъ меня съ собой въ гости къ сосѣду на праздникъ, какъ онъ тамъ пировалъ, какъ, потомъ, поѣхавши со мной вдвоемъ въ лодкѣ, на обратномъ пути домой, онъ задремалъ, упалъ въ рѣку и утонулъ, а я остался какимъ-то чудомъ въ лодкѣ,

какъ меня поднесло къ берегу и съ какимъ трудомъ мнѣ, пятилѣтнему ребенку, стоило выкарабкаться изъ нея по кусточкамъ на берегъ, одному, среди темной ночи и дремучаго лѣса. Вспомнилось, какъ я плакалъ тамъ, сидя на берегу, какъ звалъ отца, выжимая свою промокшую одеженку, и какъ ходилъ промокшій и голодный по лѣсу ночь и весь слѣдующій день, какъ меня потомъ нашли, и то случайно, въ густомъ лѣсу еле живаго и унесли домой, какъ дома все заплакало, узнавши отъ меня страшную вѣсть объ отцѣ... Вспомнилось и то, какъ я любилъ, какъ страстно былъ привязанъ къ одной дѣвушкѣ, подругѣ дѣтства, какъ мы жили съ ней душа въ душу нѣсколько лѣтъ, ходили открыто другъ къ другу и уже рѣшена была наша свадьба, какъ я заболѣлъ продолжительно и тяжело, и медики признали меня безнадежнымъ, какъ ее потомъ выдали замужъ, не дождавшись моего выздоровленія, и какъ тяжело было мнѣ перенести это... Припомнилось п то, какъ я учился одинъ, дома, безъ всякаго учителя, руководясь указаніями каждаго, случайно встрѣтившагося, грамотнаго мужика, какъ мнѣ трудно было, при подобныхъ условіяхъ, учиться, но какъ я страстно все-таки привязался къ нигамъ, и все свои дѣньги употреблялъ на покупку ихъ. Припомнилось и то, какъ я достигъ того, что мои корреспонденціи стали печататься въ газетахъ, какъ мѣстное начальство стало косо смотрѣть на меня и преслѣдовать. . Вспомнилъ и твердое рѣшеніе мое уединиться, не зная, ни вѣдать ничего кромѣ животной жизни, и какъ при такой жизни я запилъ... Доктора говорили мнѣ, что это наслѣдственное пьянство, что я долженъ былъ запитъ по теоріи Дарвана. Пусть такъ! но какой печальный финалъ—въ сумасшедшемъ домѣ сижу... Боже мой!.. и я заплакалъ, какъ ребенокъ, и долго бы проплакалъ отъ наплыва этихъ воспоминаній, камнемъ давившихъ мнѣ грудь, да было уже 6 ч. утра, колоколь прозвенѣлъ и раздался въ общей ком-

натѣ обычный возгласъ дежурнаго: „вставайте, ребяташ-кл!“ „къ молитвѣ!..“

Я попросилъ себѣ чаю. Началась обычная служительская суета: уборка матрацовъ, чистка шваброю половъ и т. п., пошли чаепитія, а въ воздухѣ повисъ также обычный крикъ на больныхъ и ругательства самихъ больныхъ, градомъ сынавшіяся со всѣхъ сторонъ... Прежнямы тяжелымъ думамъ не было ужъ мѣста: я былъ отвлеченъ окружавшею меня суетою. Наконецъ явился докторъ, молодой еще человѣкъ, со своею свитою, т. е. надзирателемъ, фельдшеромъ и служителемъ. Подойдя ко мнѣ, онъ устремилъ свой пронизательный взглядъ на мою особу и такъ стоялъ долго, не говоря ни слова, затѣмъ сталъ распрашивать меня: кто я, чѣмъ занимаюсь? и т. п. и наконецъ сказалъ служителю:

Пусть еще суточка пробудетъ здѣсь, а тамъ видно будетъ! и ушелъ...

Проходятъ сутки, полны моего страданія и ужаса, а въ ночь были видѣнія и я по-минутно, какъ оказывается, соскакивалъ съ матраца, весь въ поту и лихорада... Чудилось мнѣ: ѣду я въ стеклянной каретѣ, насквозь пронитанной мышьякомъ, но каретѣ же бѣгаютъ какія-то птички и бьютъ крыльями о стекла, отъ которыхъ, при каждомъ взмахѣ, отлетаетъ мышьяковая пыль, попадая мнѣ и въ ротъ, и въ носъ, и въ уши, и чувствую я, что отравляюсь... Вдругъ картина быстро мѣняется: вижу я передъ собою на стеклѣ краснаго пѣтушка, который говоритъ: „хочешь, я пропою тебѣ пѣсепку?“ Я ему ничего не отвѣчаю, но думаю: пропой-де. Онъ и занѣлъ, но что же это такое? вмѣсто пѣсни онъ началъ представлять мнѣ всю мою жизнь, со всѣми ея грѣхами, и всѣ лица, съ которыми я когда-либо соприкасался, являются предо мною точно наяву, даже мертвые кажутся живыми. Меня взялъ ужасъ; дрожу весь, а пѣтушекъ продолжаетъ... Наконецъ онъ кончилъ о моей жизни, „а вотъ говоритъ, жизнь твоихъ

близкихъ, напр. такого-то и такой-то и опять вся ихъ жизнь представляется мнѣ ясно, со всѣми погрѣшностями,—даже съ такими, которые въ дѣйствительной жизни были мнѣ не извѣстны.

Пѣтушекъ замолчалъ, наконецъ. На смѣну его является другая картина: лежитъ на берегу рѣки женщина громаднаго роста, представляющая Россію (какъ изображаютъ ее на кредитныхъ билетахъ), на грудь которой съ лѣвой стороны поднимаются люди, сначала кажуціеся маленькими, въ гимназическихъ мундирчикахъ, затѣмъ взрослыми, наконецъ старцами, и также быстро падаютъ, съ праваго уже бока и прямо въ рѣку, какъ и поднимались, при паденіи карабкаются, желая удержаться, но слѣдующіе люди, болѣе молодые, отгѣсняютъ ихъ и губятъ, и сами, въ свою очередь, гибнуть отъ напора молодежи слѣдующаго поколѣнія и т. д. Вдали видѣется ярко-освѣщенная комната или вѣрифе—палата, роскошно убранная цвѣтами, пахнетъ благоуханіемъ и теплотою, откуда-то доносятся звуки бальной музыки... Гляжу я на это да и думаю: а вѣдь это городская жизнь, а рѣка—Мета, о которой нишуть поэты. Вдругъ съ боку женщины встаетъ сѣдовласый старецъ во фракѣ и съ орденомъ въ петлицѣ: „да, говорить, это—жизнь „избранныхъ“. И говорю ему: гдѣ же паша-та деревенская жизнь?

— „А, вотъ смотри направо!“ Взглянулъ я и вижу: среди поля, глубоко покрытаго снѣгомъ, стоитъ мужикъ въ полушубкѣ и рукавицахъ, а вокругъ его, ежась отъ холода, рѣзвится толпа ребятшекъ, вдали видѣется сельскій храмъ.... „Все-таки, думаю, худо тутъ, холодно, тамъ веселѣ“. А старецъ говоритъ: „будь доволенъ и этимъ, есть еще хуже,—смотри налѣво!“ Гляжу, сидитъ въ какой-то юртѣ не то якутъ, не то эскимось и ковыряетъ что-то похожее на лапти, возлѣ стоитъ собака и воетъ отъ холода и голода...

Эта картина моментально смѣняется слѣдующей: лежу

я въ комнатѣ; а съ верху кто-то, какъ-бы въ трубу, говорить: „ты скоро умрешь, покайся въ грѣхахъ, иначе—смерть твоя будетъ тяжела: тебя растерзаютъ крысы“, и дѣйствительно вижу вокругъ стаю отвратительныхъ крысъ, готовыхъ броситься на меня... Отъ страха я жмусь къ стѣнѣ и закрываю глаза... Но вотъ слышу, что тамъ, на-верху, заговорили уже два голоса: басъ и теноръ... первый меня обвиняетъ, другой защищаетъ и въ то же время ласково упрасиваетъ раскаяться въ грѣхахъ, любить и прощать всѣхъ и все... Тогда я начинаю раскаиваться и молиться... Однако басъ продолжаетъ угрожать, и молясь, я начинаю сознавать тамъ на верху присутствіе какого-то аппарата, читающаго въ моихъ мозгахъ... А на потолокъ вдругъ появляется фосфорическій силуэтъ человѣка, который рукою прикасается къ цвѣтку и я слышу, какъ зашумѣлъ этотъ цвѣтокъ, и въ этомъ шумѣ явственно выдѣляются слова: „правда, правда это!..“ прикоснется-ли рукою къ птичкѣ въ клѣткѣ и птичка повторяетъ: „правда, правда“, прикоснется-ли къ бѣгущему по стѣнѣ таракану, и тотъ, расправя крылья, пищитъ: „правда было это!..“ И еще болѣе струсилъ, дрожу, весь въ поту... а басъ все грозитъ и грозитъ, аппаратъ же все переводитъ и переводитъ изъ моихъ мозговъ,—до того, что мнѣ становится больно, и я начинаю роптать... Теноръ говоритъ: „не ронищи, нотомъ стыдно будетъ...“ Я удивился: что это за люди тамъ на верху, и какъ они могутъ читать въ мозгахъ? И вотъ сверху говорятъ мнѣ: „мы изслѣдователи, у насъ есть такой аппаратъ, посредствомъ котораго мы видимъ не только то, что находится на землѣ или въ мозгахъ людей, но и на сто верстъ въ землю, и можемъ въ одинъ мигъ пролетѣть милліоны верстъ стоитъ только нажать кнопку...“ Хорошо бы, говорю, посмотрѣть—что это за штука?“ „Нѣтъ, говорятъ, этого пельзя“, теноръ же дополнилъ: „если хочешь видѣть и слышать то, что дѣлается у тебя

дома, то могу доставить тебѣ это удовольствіе“. Какъ-же я могу видѣть и слышать то, что дѣлается дома, когда нахожусь такъ далеко отъ него? И вотъ, вмѣсто отвѣта, представляется мнѣ громадный круглый залъ, подъ самыми куполами котораго видна большая труба, а на хорахъ какіе-то мальчики и у каждаго изъ нихъ въ рукахъ по маленькой трубчкѣ, соединяющейся съ большею, всѣ они смотрятъ въ разныя стороны и переговариваются межъ собою. Но вотъ одинъ изъ нихъ спускаетъ ко мнѣ кончикъ своей трубки и говоритъ: „гляди по не разсуждай...“ Я взглянулъ—и что же? вижу и слышу, какъ на-яву все, что творится дома... Замѣчая тамъ что-либо неладное, я хочу крикнуть, но въ тотъ же моментъ мальчикъ бросаетъ что-то прямо мнѣ въ ротъ и я, подаваясь, не могу вскрикнуть. Далѣе вижу, что всѣ въ домѣ уснули, а кто-то подкрался къ дому и хочетъ его поджечь, я опять не могу утерпѣть и хочу крикнуть: что ты, мошенникъ, дѣлаешь! но недремлющій мальчикъ опять бросаетъ нѣчто мнѣ въ ротъ, и я не могу вымолвить слова. Видя мое волненіе, мальчикъ успокаиваетъ меня: „мы не дадимъ злодѣю исполнить свое намѣреніе“.—Какимъ образомъ, молъ? „А, вотъ сейчасъ выйдетъ на улицу твой сосѣдъ, чтобы узнать по звѣздамъ о времени, и помѣшаетъ злодѣю“. Гляжу на сосѣда: дѣйствительно, онъ пробудился и выходитъ на улицу, а злодѣй, слышавъ его, поспѣшоо скрывается. Какая, думаю, случайность!—„Нѣтъ, говоритъ мальчикъ, не случайность, а я внушилъ ему это..“

Тутъ я хотѣлъ благодарить мальчика, но вдругъ онъ исчезъ, а съ нимъ исчезло и мое видѣніе... И я проснулся, гляжу—стоитъ предо мной Ивановъ и говоритъ:

— Однако, вы что-то безпокойно спали въ эту ночь: не однажды соскакивали съ постели и молились Богу?... Я ему ничего не отвѣтилъ на это и попросилъ чаю. Вскорѣ пришелъ докторъ, но и въ этотъ день не удалось перейти въ другое отдѣленіе, думаю, вслѣдствіе

бывшаго со мною тревожнаго сна, о чемъ вѣроятно служителемъ было передано доктору. Наконецъ на третій день поступленія моего въ больницу, докторъ, по прежнему осмотрѣвши меня, сказалъ служителю:

— Отведите его въ спокойное, на мѣсто выбывшаго Кошелева! А, обратясь ко мнѣ, прибавилъ: тамъ вамъ лучше будетъ, все народъ съ вами жить будетъ „пишущій и читающій“,—и ушелъ.

Меня повели опять тѣми же корридорами, съ асфальтовыми мрачными полами, на которыхъ валялись какъ придется выношенныя изъ своихъ палатъ больные и громко разговаривали кто во-что гораздъ. Нѣкоторые изъ нихъ пѣли какіе-то бессмысленные стихи, въ большинствѣ случаевъ духовнаго содержанія, нѣкоторые читали книжки изъ больничной библіотечки, конечно, вслухъ и болѣе на раснѣвъ къ тому же, такъ-что въ общемъ стоялъ въ корридорѣ ужасный гвалтъ отъ всей этой массы говорящихъ, поющихъ и читающихъ, сидящихъ и лежащихъ... Духота и вонь стояли при этомъ невообразимыя, не смотря на открытыя форточки...

II.

Спокойное отдѣленіе помѣщалось во второмъ этажѣ, и лѣвое крыло его, куда опредѣлилъ меня докторъ, рѣзко отличалось отъ всѣхъ остальныхъ помѣщеній лечебницы своею чистотою, а „палата пишущихъ и читающихъ“ какъ окрестилъ ее докторъ, въ особенности. Однимъ тѣмъ оно уже рѣзко отличалось отъ другихъ, что полъ здѣсь былъ деревянный, крашеный, а не асфальтовый, что придавало ему болѣе веселый видъ, напоминавшій домашнюю обстановку, а не казарменный или тюремный, какъ съ асфальтовыми полами, только желѣзные рѣшетки въ окнахъ напоминали, въ свою очередь, что вы не дома. Въ этомъ крылѣ были три палаты, или вѣрнѣе—комнаты, изъ коихъ двѣ одиночныя, занятыя

„неизлѣчимыя“: офицеромъ Левшинимъ и чиновникомъ Куницкимъ, психически страдающими около 10-ти лѣтъ. Въ нашей же палатѣ было четверо, слѣдовательно, я являлся пятымъ. Эти четверо, мои будущіе товарищи, были всѣ различныхъ профессій, но всѣ сравнительно молодые люди: бывший студентъ Харьковскаго университета Куриценко, священникъ изъ сѣвернаго края Знаменскій, прикащикъ—сибирякъ Александровъ и непризнанный артистъ Рязанскій. Принять я былъ ими въ свое товарищество радушно и сразу же замѣтилъ, что всѣ они очень преданы чтенію и письму. Не даромъ докторъ и окрестилъ эту комнату такимъ именемъ, это была дѣйствительно палата пишущихъ и читающихъ въ буквальномъ смыслѣ слова: въ ней всѣ читали или писали, даже служитель Федоско заразился этимъ,—и тотъ дни и ночи писалъ все какіе-то любовные стигмы, зачастую забывая свои прямыя обязанности. Можетъ быть, даже вѣроятнѣе всего, что докторъ нарочно и подобралъ сюда такихъ больныхъ. Они отъ всѣхъ мною видѣнныхъ такъ рѣзко отличались, что сначала я принялъ ихъ за совершенно здоровыхъ людей, лишь впоследствии, при совместной жизни, сталъ замѣчать, что у каждаго изъ насъ—я не исключая и себя—имѣется, такъ сказать, извѣстная точка, перейдя которую, мы будемъ дѣлать не то, что должны бы дѣлать, говорить и думать не то, что слѣдовало-бы (не говоря о почныхъ бредяхъ, галлюцинаціяхъ и т. п. болѣзненныхъ явленіяхъ), во всемъ же остальномъ мы ничѣмъ не отличаемся отъ другихъ смертныхъ, развѣ по первнѣе -- и только. Куриценко, какъ южанинъ, сразу закидалъ меня вопросами, въ особенности на счетъ литературы, которую онъ обожалъ до самозабвенія, а отчасти „пописывалъ“ и самъ, и мы сошлись съ нимъ скоро. Отъ него я вскорѣ же узналъ всѣхъ своихъ товарищей по страданію. По рекомендаціи Куриценка, послѣ всецѣло оправдавшейся, оказалось, что Рязанскій болтаетъ и пѣтъ

безъ умолку, расхваливая всѣмъ и каждому свой голосъ и умѣніе владѣть имъ, съ полной готовностью во всякое время „въѣхать въ кусало“ тому, кто бы осмѣлился усомниться въ этомъ и не повѣрилъ бы въ его, Рязанскаго, свѣтлую будущность на попрощѣ нѣвца.

Александровъ считаетъ себя какимъ-то героемъ, который впоследствии затмитъ собою всѣхъ, прежде его жившихъ, но геройство свое пока проявляетъ лишь въ томъ, что во время прогулокъ по рощѣ,—лазаетъ на сосны, да еще въ томъ, что женскаго отдѣленія не страшится ни чуточки, ибо тамъ сидѣлочки „прехорошенькія“. Мечтаетъ между прочимъ поступить въ добровольный флотъ, чтобы сдѣлаться отважнымъ морякомъ и духомъ мужества понабраться, а пока возстановляетъ физическія и духовныя силы: читаетъ, играетъ на гармоникѣ и поетъ пѣсни, его любимая пѣсня: „что за жизнь контрабандиста“, отъ чего и получилъ отъ насъ кличку контрабандиста.

Знаменскій день и ночь пишетъ проповѣди по Прологу, это обратилось у него въ страсть и дошло до того, что и письма къ своей женѣ и дѣтямъ онъ пишетъ тоже изъ Пролога, откуда и беретъ весь текстъ, прибавляя отъ себя лишь имя того, кому письмо адресуется, и свою подпись,—больше ни слова...

Однако въ палатѣ нашей боло одно, весьма, впрочемъ, важное,—неудобство: холодно, о чемъ я и завелъ разговоръ съ таварищами въ первую же бесѣду.

— Вы обратите-ка вниманіе на печь, какъ она устроена,—сказалъ мнѣ на это Куриценко.

Я посмотрѣлъ, вижу—изразцовая большая и холодная до нельзя и, не найдя болѣе ничего въ ней особеннаго, говорю:

— Что-жъ! печь, какъ печь, только холодна очень: вѣроятно, не топили сего дня?

— Въ томъ-то и дѣло, что жарятъ ее напропалую, дровъ держатъ страсть, а она теплѣе этого никогда не

бываетъ: у нее здѣсь нѣтъ топки,—это-то и есть ея особенность... Если бы не были поставлены двѣ желѣзные печи въ корридоръ,—продолжалъ онъ,—день и ночь топяціяся, куда двери изъ своей палаты мы никогда не затворяемъ, то замерзли бы всѣ. Судите сами: и при желѣзныхъ-то печахъ температура бываетъ только 6°, что же было бы при одной этой, можно сказать, ледяной Ѳедорѣ?—указалъ онъ на изразцовую.

— А гдѣ же у ней топка? спрашиваю его.

— Внизу, отвѣтилъ онъ.—Печь эта устроена учеными и по ученому, или вѣрнѣе сказать по водотолченому способу. Видите-ли, батенька мой, мысль-то явилась хорошая у строительной комиссіи, во главѣ которой стоялъ архитекторъ: чтобы дровъ держать немного, устроить печи съ одною топкою внизу на оба этажа, что-то на манеръ амосовскихъ, только не той системы, а иной, и вышла чепуха. Надо полагать, въ размѣрѣ о распредѣленіи тепла ошиблись. Вѣроятно, при устройствѣ жаровой трубы они соображались съ тѣмъ, чтобы весь жаръ не оставался въ нижнемъ этажѣ, а переходилъ бы и вверхъ, согрѣвая и здѣсь воздухъ, а потому трубу сдѣлали почти безъ поворотовъ, и жаръ дѣйствительно не останавливается, а прямехонько пролетаетъ за крышу: выходитъ, что мы топимъ улицу, а не комнаты. И всѣ печи на одинъ фасонъ устроены, такъ-что и погрѣться негдѣ, люди мерзнутъ какъ мухи, а домъ еще больницей называется,—иронизировалъ онъ.—Недаромъ, внизу, кто-то на одной печкѣ начертилъ: „чтобы дровъ держать немного,—печь устроили хитро: сколько не топи, а долго не удержится тепло...“ И дѣйствительно, продолжалъ онъ,—не удержится, да и самыя зданія построены, сказать по правдѣ, очень не прочно и какъ бы шутя, а какая громадная сумма денегъ затрачена казною и земствомъ на постройку—страсть! говорятъ, до 200 тысячъ...

-- Да развѣ казною домъ-то построишь?

— Половину расходовъ приняло на себя министерство, а другую—губернское земство,—пояснилъ онъ.— А замѣтите, какое безобразіе: со всѣхъ этихъ зданій водосточныя трубы проведены прямо въ Сонную, а рядомъ, пониже: усадьбы, деревни и городъ Энский. Кушайте-ка, господа обыватели, такую водичу и притомъ въ то время, когда ждуть холеру... Чего смотрѣли энскіе медики, — вѣдь домъ-то специально строился для больницы,—не знаю, только слышно, что будто бы весною хотятъ передѣлывать какъ печки, такъ и трубы, но что сіе будетъ стоить?..

— Ну, что-жъ дѣлать! ошибка съ кѣмъ не бываетъ—передѣлають, говорю ему.

— Оно такъ-то такъ, да обидно со стороны смотрѣть, какъ много у насъ, русскихъ, тратится денегъ и труда положительно зря, на-вѣтеръ, а кругомъ—нищета. На-дняхъ я, грѣшный человѣкъ, не могъ утерпѣть, передъ приходомъ доктора написалъ на дверяхъ:

По сумасшедшему денежки сорили,
 Для сумасшедшихъ домъ сей построили
 И сумасшедшимъ оный наполнили,
 А сумасшедшіе волка въ немъ вспомнили:
 Бѣдному холодно!
 Бѣдному голодно!

— Ну, и что же? была пробиранція?.. спрашиваю его.

— Нѣтъ, не видѣлъ, а потомъ я стеръ: побоялся, чтобы не посадили въ „темную“.

Въ это время на улицѣ пробили въ колоколь двѣнадцать часовъ дня: наступило время обѣда, такъ какъ, по выраженію Рязанскаго, „кормежка“ происходила въ полдень и въ 6 час. вечера. Раздался по корридорамъ обычный крикъ служителей: „къ молитвѣ!“ Больные потянулись вереницею внизъ, въ общую столовую, я тоже было направился туду, но былъ остановленъ то-варищами:

— Куда вы? закричалъ Александровъ,—вѣдь мы

будемъ здѣсь, въ корридорѣ, обѣдать, намъ подають особо отъ другихъ!

Я остался. Служитель Федось, или какъ по-просту называли его—Федоско, накрылъ столъ, разставилъ стулья по числу участвовавшихъ въ „особомъ обѣдѣ“, взялъ ведро и пошелъ въ кухню за щами. Вотъ принесъ и щи, разлилъ ихъ по деревяннымъ крашенымъ чашкамъ, отъ которыхъ такъ и воняло краскою, попросивъ насъ „кушать“, а не „жрать“, какъ, иногда, примѣнялось къ остальнымъ больнымъ. Щи, или—по больничному жаргону—„гороховый супъ“ показался мнѣ до такой степени противенъ, что я не только не могъ „кушать“, но даже одинъ видъ его вызывалъ тошноту во мнѣ, за то второе блюдо, заключавшееся въ котлетѣ, я съѣлъ съ аншетитомъ, хотя она и напоминала собою подметку отъ сапоговъ, сваренную во щажъ. Однако голодъ взялъ свое, тѣмъ болѣе, что мнѣ, какъ незаписанному еще въ порціонную книгу, не было надежды получить дополнительную молочную порцію, каковую получили мои товарищи. Фельдшеръ принесъ какія-то бутылки и началъ подчивать содержимымъ въ нихъ. На долю мою пока выпало *kali bromati*, другимъ дали тоже или мышьяковый настой съ хинною коркою. Обѣдало насъ 6 человѣкъ, такъ какъ одинъ изъ переплетной мастерской былъ причисленъ къ нашему столу. Пенз-лечимые обѣдали порознь и на свой почему-то счетъ: имъ подавался обѣдъ съ надзирательскаго стола и нерѣдко самой „надзирательшей“. Дополнительную молочную порцію выдавали кому и сколько придется, такъ напр. Куриченко получалъ по двѣ кружки синихъ—2 стакана каждая—молока въ сутки, Александровъ—по 3, между тѣмъ какъ переплетчикъ получалъ только по одной бѣлой—1 стаканъ—молока, а Знаменскій и совсѣмъ не получалъ. Я спросилъ служителя: почему не одинаково выдають?

— Здѣсь выдають по желанію, да и по здоровью

глядя,—отвѣтилъ онъ.—Вы зайвите въ конторѣ и вамъ выпишутъ.

— Э, не правда! воскликнулъ Курищенко. Я вотъ второй день еще только получаю молоко, а сколько времени ужъ живу, и едва добился, чтобы подавали.

— А я только одну бѣлую кружку получаю за порцію, а синюю подаютъ, да за деньги, папа платитъ,—дополнилъ Рязанскій.

Я заявилъ въ конторѣ, чтобы вперёдъ подавали и мнѣ молочную порцію, такъ какъ одной, поданной къ обѣду, нахожу недостаточнымъ для питанія, тѣмъ болѣе находилъ я это необходимымъ, что съ молокомъ подается и бѣлый хлѣбъ, къ которому я привыкъ и безъ котораго не могу жить.

— Да у насъ не для всѣхъ,—сказалъ надзиратель,—это отъ доктора зависитъ, попросите его, а мы не можемъ...

Прошу доктора, уже вечеромъ: приказалъ записать по 2 кружки синихъ, но безъ хлѣба, который я рѣшилъ получать изъ города на свой счетъ.

Въ 6 часовъ опять колоколъ возвѣстилъ время ужинать. За ужиномъ,—состоявшимъ изъ однихъ щей съ чернымъ хлѣбомъ,—слѣдовали ванны, каковыхъ въ распоряженіи нашего отдѣленія было три, помѣщавшіяся внизу. Послѣ ванны—чай, который каждый изъ насъ имѣлъ свой, казенный же, какъ выражались тамъ, выдавался только мастеровымъ изъ больныхъ да еще тѣмъ, для которыхъ онъ служилъ лекарствомъ, напр. при сильномъ ослабленіи организма.

Такъ наша жизнь потекла обычнымъ порядкомъ: въ 6 часовъ утра вставали и пили чай, въ 12 час. обѣдали, а послѣ обѣда или до обѣда ходили гулять на улицу, „провѣтриваться“, а то и дрова подвозили къ больницѣ, въ 6 часовъ вечера ужинали, потомъ отправлялись въ ванну, затѣмъ опять чай и, побесѣдовавъ или почтавъ часъ или два, ложились спать. Когда-же, бы-

вало, засидимся долѣе 10-ти часовъ вечера, увлекшись чтеніемъ или разговоромъ, то дежурный по корридору неукоснительно требовалъ отъ насъ, чтобы ложились спать и убавлялъ свѣтъ въ лампѣ до той степени, чтобы не могли мы другъ друга видѣть, не только читать. Да и читать-то, надо сказать, почти-что нечего было: вся библіотека заключалась въ нѣсколькихъ десяткахъ томовъ разсказовъ и повѣстей изъ легкой литературы, да еще груды, лежавшей на конторскомъ полу разнаго стариннаго печатнаго и рукописнаго хлама, покрытаго толстымъ слоемъ пыли, и требовалась большая любовь къ старинѣ, чтобы рѣшиться извлечь оттуда что-либо. Ни газетъ, ни журналовъ не получалось лечебницею. „Сумасшедшимъ да еще газетъ выписывать, тогда насъ самихъ назовутъ сумасшедшими“, говорили земцы. Книжки, впрочемъ, мои товарищи имѣли свои, такъ напр. у Курищенко были соч. Лейбница, Полеваго, Гоголя и проч., у Александрова соч. Ломброзо, Рязанскій получалъ книги изъ N-ской публичной библіотеки, гдѣ онъ состоялъ подписчикомъ, когда еще жилъ въ мірѣ, какъ было принято у насъ выражаться, Знаменскій имѣлъ Прологъ и часословъ на церковно-славянскомъ языкѣ, что его вполнѣ удовлетворяло, только одинъ я не имѣлъ ни одной книжки, а потому волей-неволей пришлось мнѣ рискнуть поворошить старый хламъ въ конторѣ, который сверхъ ожиданія оказался очень интереснымъ и я съ жадностью накинудся на него, хотя товарищи и посмѣивались надо мной, въ шутку называя архивариусомъ. Разъ Рязанскій даже вспылилъ на меня изъ-за этого старья:

— Какого чорта дались вамъ эти допотопныя книжки,—просто невозможно дышать въ комнатѣ, когда начнете ихъ перелистывать!.. Хоть бы читали-то что-нибудь другое, или ушли въ корридоръ...

— А вамъ какое дѣло!.. Я вамъ не указываю что читать и васъ прошу не вмѣшиваться въ мое чтеніе! рѣзко сказалъ я.

— Положимъ, такъ... но я совѣтовалъ бы...

— Представьте себѣ, что я даже не нуждаюсь въ вашихъ совѣтахъ..

Онъ замолчалъ, а также и я, оба почувствовали себя какъ-то неловко. Курищепко замѣтилъ это и, чтобъ разсѣять промелькнувшую между нами тѣнь, сталъ звать на прогулку, на что я согласился съ большимъ удовольствіемъ, благо и день былъ прекрасный. Рязанскій хотя изъявилъ тоже свое желаніе идти съ нами, но такъ какъ слугителя были заняты, то ему пришлось остаться, ибо безъ слугителя, даже и съ Курищепкомъ, отпускать на прогулку его не дозволялось. Когда мы вышли на улицу, я спросилъ Курищепку, почему къ одному Рязанскому примѣняется такая мѣра охраны. тогда какъ вся наша палата пользуется относительной свободой?

— Да онъ самъ виноватъ: какъ только его привезли сюда, онъ въ тотъ-же день и вздумалъ было удрать отсюда, да схватили, а потомъ, когда привели его обратно, то началъ ругать доктора сико возможно, называя мошенникомъ, подлецомъ и т. п., что яко бы докторъ обманомъ, подъ предлогомъ совмѣстнаго пѣнія, заманилъ его сюда... И чего-чего не предѣлывалъ онъ въ то время! Похвалялся даже, что все это „разбойничье гнѣздо“ пустить на воздухъ, т. е. сожжетъ. Понятно, за нимъ усилили надзоръ: ни спичекъ, ни ножей, ни вилокъ и проч. изъ-за него и намъ-то не стали давать; чтобы закурить напроску, изволь найти слугителя, который отыщетъ спички, черкнетъ, дастъ закурить и уберетъ, за обѣдомъ—изволь руками, гдѣ пужно, орудовать, вмѣсто вилки или ножа. Ужасно неудобно! Теперь и Рязанскій гораздо тише сталъ, видить, должно быть, что въ крѣпкія руки попалъ—не увернешься, да и родители-то, пріѣзжая сюда, научаютъ его изъ послушанія доктору не выходить. если желаетъ вернуть утраченное здоровье.

— А родители-то часто развѣ посѣщаютъ его?

— Чуть не въ каждый день, вѣдь близко—въ самомъ городѣ Эпскѣ живутъ, не тотъ, такъ другой изъ семейства-то все придетъ или пріѣдетъ, бывало. Теперь что-то рѣже стали посѣщать, по сего дня общались къ нему пріѣхать мать да сестра; сестра, какъ увидите, тоже любительница попѣть, вся въ братца въ этомъ отношеніи... Эхъ, ему просто жить-то, когда видится съ родными чуть не въ каждый день, къ тому же и холостой... а вотъ мое дѣло.. промолвилъ Курищепко и попикъ головой.

— Что-же ваше... Правда, вы уже говорили, что семья ваша за тысячу верстъ отсюда, но, вѣдь, на родинѣ, такъ что горевать-то?..

— Что горевать-то,—нашли что сказать!.. обиженно промолвилъ онъ,—это легко только выговорить, а попробуйте-ка,—чего Боже сохрани, впрочемъ,—испытать, пережить на самомъ дѣлѣ то, что я испытываю и переживаю, тогда и мнѣ повѣрите.. Жена, мать и шестеро дѣтей и.. ни гроша денегъ!.. Что горевать-то—пронизировалъ онъ,—пѣтъ, батенька, горя по самое горло!.. Жена, правда, акушерка, да гдѣ и скоро-ли найдешь мѣсто: ихъ, акушеровъ-то, у насъ, тамъ на родинѣ, хоть прудъ пруди, а кусать-то надо каждый день. Другое дѣло, если-бъ я былъ здоровъ и на свободѣ жплъ, все-жъ, какъ мужчина, скорѣе нашель бы мѣсто себѣ и ей, и какъ ни какъ устроились бы, ее-жъ дѣло женское, тѣмъ болѣе съ грудною ребятишекъ малъ мала меньше, да еще старушка-мать...

— Но, вѣдь, есть же знакомые у васъ тамъ, а можетъ быть и родственники, напишите и помогутъ, совѣтуютъ я.

— Какъ не быть—есть, я къ одному родственнику и направилъ было ихъ, да толку ничего не вышло. У родственника своя семья, и самъ еле перебивается, да и это бы ничего: онъ принялъ ихъ радушно и прокормилъ бы, падѣюсь, до моего воавращенія, такъ опять

таки скажу—дѣло женское... Какъ-то разъ его ребяташки съ моими повздорили,—у маленькихъ не въ рѣдкость это,—жены,—моя и его—сдѣпились ругаться изъ-за такого пустяка, и моя послѣ того уѣхала отъ нихъ, не смотри на просьбу родственника остаться. Теперь пишетъ, что живетъ въ Курскѣ и прискиваетъ мѣсто; деньги, какія были съ ней, до одной копѣйки уже издержала, и все, что только можно было продать,—продала, и проситъ меня какъ пибудь раздобыться деньгами и прислать ихъ. Ну, а гдѣ-жъ я возьму ихъ, живя въ больницѣ?... Просто, бѣда, хоть ложись и умирай, и то впору!.. О, дѣти, дѣти!.., воскликнулъ онъ.—Разсказецъ послалъ было въ редакцію одного журнала, — продолжаетъ Курищенко, — думалъ: тутъ не выгоритъ-ли?, но получилъ отвѣтъ, что рассказъ хотя „написанъ живымъ и бойкимъ языкомъ, но по обилію накопившагося въ редакціи этого рода матеріала, въ данное время напечатанъ быть не можетъ, а потому возвращается вамъ обратно“. Значитъ, не выгорѣло и тутъ. Показывалъ его доктору, — ничего, похвалилъ, и совѣтуетъ послать еще разъ въ одну знакомую ему редакцію, и я хочу рискнуть... Впрочемъ что-жъ! — поправился онъ — и риску никакого нѣтъ: напечатаютъ — ладно, а нѣтъ — возвратятъ, расходу же никакого, потому что бумага и почтовые марки здѣсь выдаются бесплатно всѣмъ больнымъ.

— Вотъ какъ! изумился я.—На чей же счетъ?

— На счетъ губернскаго земства, конечно. Это отнесено къ „духовнымъ потребностямъ“ по бухгалтеріи больничной, на что ассигнуется земствомъ ежегодно по 300 руб.

— Любопытно бы знать: что вы въ этомъ рассказѣ описываете?

— Да какъ вамъ сказать? — переходное время, можно такъ выразиться. Я беру типъ стараго помѣщика — крѣпостника, недовольнаго повѣствіями, повѣявшими съ

60-хъ годовъ, и новатора, въ лицѣ его сына. Описываю ихъ совмѣстную жизнь — почти съ ежедневными ссорами въ продолженіи дѣлныхъ двадцати лѣтъ, кончившуюся тѣмъ, что при введеніи земскихъ начальниковъ отецъ, отъ радости и въ назиданіе друзьямъ своего сына, дѣлаетъ на него ложный доносъ. На этомъ и кончилъ свой рассказъ, предоставляя читателю самому сдѣлать выводъ, что случилось съ молодымъ героемъ?..

— Но, вѣдь, это противоестественно выйдетъ, говорю ему, чтобъ отецъ сдѣлалъ доносъ, да еще ложный, на своего родного сына, котораго онъ долженъ бы любить и, вѣроятно, любилъ?

— Во-первыхъ, я долженъ сказать, возражаетъ Курищенко, что въ природѣ ничего нѣтъ противоестественнаго. Противонравственно, противозаконно, противобщественно — такъ можно выразиться, а ужъ никакъ не противоестественно. Развѣ не случалось вамъ читать, если не видѣть, судебные процессы объ убійствѣ сыномъ или дочерью своихъ родителей и на-оборотъ? А Стенька Разинъ, страстно влюбленный въ свою подругу, бросаетъ ее въ Волгу? а самоожженіе раскольниковъ? это не факты? А разъ фактъ существуетъ, онъ въ естествѣ природы, слѣдовательно онъ естествененъ, ибо мы, маленькіе атомы природы, не можемъ совершить ничего того, чего не существуетъ въ ней. Точно такъ и мой герой — отецъ хотѣлъ такимъ поступкомъ выказать геройство, преданность своей идеѣ, дошедшей у него до сумасбродства, но въ нравотѣ которой онъ былъ такъ же твердо убѣжденъ, какъ Разинъ и раскольники въ своихъ...

Я не возражалъ болѣе, и мы, нагулявшись, вернулись назадъ. У дома стояли два извозчика, помахивавшіе отъ холода руками, въ ожиданіи своихъ сѣдоковъ, очевидно посѣтителей больныхъ. Предположеніе Курищенко сбилось: къ Рязанскому пріѣхали мать и сестра и еще какой-то молодой человѣкъ, очевидно его товарищъ. На столѣ стоялъ пребольшущій самоваръ, облада-

вавший комнату паромъ, а вокругъ размѣстилась вся эта компанія, которая при нашемъ входѣ весело поздравалась съ Курищенкомъ, прося и его присаживаться къ нимъ, на что тотъ съ удовольствіемъ согласился. По рекомендаціи Рязанскаго и меня тоже просили „присаживаться“, но я послѣ прогулки предпочелъ побаловаться закуской: взялъ изъ стола купленную въ Эпскѣ булку и икру, и съ апетитомъ началъ „уплетать“ ее, поглядывая на гостей. Компанія мнѣ вистовала въ ѣдѣ: она съ неменьшимъ апетитомъ тоже ноѣдала привезенные пироги, пирожки и разное другое печенье домашняго притотворенія Рязанскихъ, съ особеннымъ рвеніемъ напустился на нихъ Курищенко, которому болничная пища уснѣла уже набить оскомину. Поутоливъ жажду, Рязанскій затынулъ „Коль славенъ Господь въ Сионѣ“, Курищенко намѣревался было поддержать его, но, не обладая голосомъ, ничего не могъ подѣлать.

— Я пасъ, господа! не могу нѣтъ, сказалъ онъ.

— И не надо бы начитать, коли нѣтъ голоса, сказалъ ему Рязанскій и обратился къ сестрѣ: А мы споемъ, Манша? что бы только?.. развѣ „вѣютъ витры“, хочешь?

— Пожалуй, давайте, только голосъ-то плохъ сталъ, немножко попростудилась, кашляю... жеманно проговорила она.

— Не бѣда, говоритъ Курищенко,—здѣсь некого стѣсняться.

Барышня встала изъ-за стола, подошла къ печкѣ, выпрямилась въ струнку и запѣла: слабо, тоскливо, по прочувствованно, Рязанскій вторилъ ей, но кричалъ во всю глотку, перебѣгая изъ тона въ тонъ, подлаживаясь и поминутно жестикулируя, какъ истый актеръ или капельмейстеръ, чтобы выходило стройно, но стройность была такова, какъ вой собаки и мяуканье кошки, и вышло что-то французско-астраханско-чухонское. Наконецъ кончили къ моему удовольствію, барышня тяжело

дыша и отмахиваясь носовымъ платкомъ, сѣла опять за столъ. Посмотрѣлъ я на нее: небольшая ростомъ, жиденькая и еще затянутая въ корсетъ... Такъ невольно и думается: долго-ли такой сломаться при какомънибудь нечаянномъ случаѣ? до того она показалась мнѣ хрупкою, а ей ужъ было за 20 лѣтъ, значитъ „великовозрастная“, по выраженію семинаристовъ. Вотъ до чего доводитъ городское-то воспитаніе, промелькнуло у меня въ головѣ, а у насъ, въ деревнѣ, въ эти лѣта дѣвцу не обхватишь, — „кровь съ молокомъ“, какъ говорится. За то мать ея являлась прямой противоположностью: такъ она была толста и, не смотря на свои 45 лѣтъ, сохранилась удивительно,—ей на видъ можно дать не болѣе 30 лѣтъ. Рязанскій пытался еще нѣсколько разъ вовлечь свою сестру въ пѣніе, но та, не получая ни отъ кого слова одобренія, очевидно, огорчилась этимъ и ни за что не хотѣла пѣть, ссылаясь на простуду. Послѣ этого онъ подошелъ къ моей койкѣ и началъ рассказывать, какъ онъ, передъ самымъ поступленіемъ сюда, былъ въ Москвѣ только съ 10 коп., и какъ онъ ловко вывернулся изъ такого критическаго положенія, ни мало не стѣсняясь въ своихъ выраженіяхъ присутствіемъ матери и сестры.

— Геніальная мысль мнѣ пришла тогда въ голову... О! голова моя когда нибудь докажетъ всѣмъ этимъ прохвостамъ докторамъ, какъ они ничтожны предомною...

— Тс!.. Полно, Вася! вѣдь Федосъ можетъ услышать тебя и передастъ все доктору... опять ненріятности одни... Развѣ нельзя помягче выражаться... оставалвала его мать.

— А мнѣ наплевать, что какой-то тамъ Федоско какому-то тамъ докторишку что-то про меня скажетъ!.. очень я испугался... Напрасно ты безпокоишься: эта голова,—указалъ онъ на свой лобъ,—никогда и нигдѣ не пропадетъ, и обратясь ко мнѣ продолжалъ:

— Десять копѣекъ только было за душой, когда я

приѣхалъ въ Москву, и то отъ продажи всего своего имущества, а надо пить и ѣсть, знакомыхъ же—ни одного человѣка... Что бы сдѣлали тутъ въ моемъ положеніи напр., вы?.. Вѣдь и домой-то вернуться нельзя безъ денегъ... Но я нашелся... я сейчасъ къ содержателю одной опереточной труппы: такъ, молъ, и такъ, обтерлся... Онъ... впрочемъ нѣтъ.. швейцаръ не допустилъ меня къ нему сначала-то, при видѣ моего костюма... —поправился онъ,—тогда я сейчасъ въ одинъ трактиръ захожу и требую чаю на эти несчастныя 10 коп., но сказалъ слугѣ, чтобъ чаю положили поменьше, а сахару дали побольше, такъ какъ я „въ привкуску“ не пью. Это я сдѣлалъ съ тою цѣлью, чтобъ подали тогда и ложку, вѣроятно, думалъ, серебряную, такъ какъ трактиръ былъ не изъ грязныхъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Я выпилъ, помнится, одинъ только стаканъ чаю и, замѣтя, что половой встрѣчаетъ какую-то компанію купцовъ, торопливо снимая съ ихъ тучныхъ фигуръ пальта, сунулъ ему 10 коп. и поспѣшно вышелъ, прихватя съ собою и ложку. Вотъ эта-то ложка меня и выручила. Продавъ я ее у Сухаревки какому-то жиду за рубль и маршь опять туда т. е. къ содержателю группы, швейцару сейчасъ полтину въ зубы,—„пожалуйте“ говорить. Содержатель труппы оказался добрымъ малымъ, принялъ меня радушно и попросилъ чтонибудь пропѣть. Я спѣлъ ему арію изъ оперы „Жизнь за Царя“, похвалилъ и приказалъ своему писарю, что-ли, записать меня въ число пѣвцовъ, жалованье на первое время назначилъ 35 руб. въ мѣсяцъ, а тамъ, говорить, видно будетъ, смотря по вашему старанію... Получилъ я отъ него четвертную бумажку въ задатокъ, нанялъ себѣ квартиру и отлично зажилъ. За ложку я, конечно, заплатилъ сейчасъ же въ тридорога..., очень благодарилъ... Хотя я и не долго, всего двѣ недѣли, жилъ, но много пережилъ... О, какъ я пѣлъ, если-бъ вы знали!.. Публика просто съ ума сходила отъ моего

голоса, ообенно барышни... „душка, Рязанскій, здравствуйте!“ слышишь, бывало, при встрѣчѣ съ какойнибудь почитательницей моего таланта: другого и имени мнѣ не было, кромѣ „душка..“ О, какъ я тамъ жилъ!..

— Что же васъ понудило вернуться опять на родину, когда, судя по вашимъ словамъ, вы такъ хорошо устроились въ Москвѣ?.. Госка по родинѣ?..—спрашиваю его.

— Такъ, знаете... домашнія обстоятельства... Вотъ онѣ,—указалъ онъ на мать,—вызвали телеграммой, навравъ, что отецъ при смерти...

— Какъ тебѣ охота врать, Вася? вдругъ выпалилъ какъ изъ пушки молодой человѣкъ, какъ оказалось—его собутыльникъ Петрусь.— Ни въ какой хоръ ты не поступалъ, а какъ нечѣмъ стало жить, все спустилъ, затѣмъ укралъ ложку, продалъ ее да на эти деньги далъ телеграмму отцу, что тебѣ нечѣмъ жить и выѣхать не на что, отецъ и послалъ денегъ, вотъ ты и вернулся, а какъ вернулся—освидѣтельствовали тебя и доктора признали ненормальнымъ, отецъ и привезъ сюда лечить—только и всего!..

Рязанскій вскочилъ, какъ ужаленный и схватилъ своего гостя за воротъ... поднялся пискъ женщинъ, крикъ враждующихъ, съ дополненіемъ голоса Курищенко, просившаго не доводить до скандала, однимъ словомъ поднялся такой гвалтъ, что сбѣжались всѣ служителя изъ корридоровъ и еле удалось общими силами усмирить расходившагося опернаго пѣвца, такъ круто обличеннаго своимъ товарищемъ. Но бесѣда послѣ такого инцидента уже разстроилась: гости поѣхали домой, Рязанскій, даже не простившись со своими, убѣжалъ куда-то. Курищенко подошелъ ко мнѣ и говоритъ:

— Однако, хорошъ же гусь живетъ съ нами, нечего сказать!.. Какъ ловко обличилъ его этотъ, все время молчавшій, молодой человѣкъ, ха! ха! ха!..

— Это бываетъ, сказалъ я, улыбаясь.

Рязанскій вернулся въ свою палату уже передъ самымъ ужиномъ и молча легъ на койку. Мы тоже всё молчали, не находя темы для разговора въ его присутствіи послѣ такого казуса. Настало мучительное молчаніе. Вдругъ Знаменскій громко запылъ: „Нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ...“ Рязанскій почему-то принялъ это на свой счетъ, счелъ за насмѣшку надъ собою по поводу происшедшей исторіи, соскочилъ съ койки и давай ругать елико возможно несчастнаго священника, называя его пастухомъ; а не пономъ. Тотъ и глаза вынылилъ отъ недоумѣнія: съ чего это на него накинулся Рязанскій? такъ какъ въ то время, когда происходила перепалка между пріятелями, его не было, и онъ ничего не зналъ. Намъ съ Куриценко было не втернежь смѣшно. Наконецъ и Знаменскій перешелъ въ негодованіе.

— Какъ ты смѣешь, мальчишко, называть меня пастухомъ!.. Я священникъ и будь у меня съ собою сейчасъ ряса, такъ я бы... ахъ, ты, молокососъ!.. я-бы!.. закричалъ онъ безсвязно, сжимая кулаки, тряся борою, и не знаю чѣмъ бы ихъ ссора кончилась: да по счастью на улицѣ зазвонили къ ужину, и противники принуждены были усмириться.

Но въ этотъ день видно суждено было всѣмъ ссориться: и Куриценко съ Федоскомъ во время ужина поссорились такъ, что чуть дѣло не дошло до драки. Дѣло вышло изъ за пустяковъ: когда послѣ щей подали молоко, то оно всѣмъ розлито было въ фарфоровыя миски, кромѣ Куриценка, который нечаянно миску разбилъ, а потому Федосъ подаль ему въ деревянной крашеной чашкѣ, къ тому же грязной, только что освобожденной изъ-подъ суну. Куриценко вспылилъ:

— Что я, свинья; что-ли?—вскричалъ онъ,—да и свинья другая изъ такой чашки не будетъ ѣсть. Посмотри!—тыкалъ онъ пальцемъ въ чашку,—чего ты подаешь—одну грязь да вонь отъ краски... Чтoby сейчасъ же была миска, а изъ этой не буду ѣсть!..

— Не горячись,—простынешь!, отвѣтилъ тотъ. Не будешь ѣсть, такъ я и назадъ унесу, сиди голодный, не великъ баринъ!.. Гдѣ мнѣ взять миску-то, коли разбилъ? покупать для тебя на свои деньги, что-ли?..

Взявъ молоко и понесъ обратно. Куриценко схватилъ его, вырвалъ чашку съ молокомъ и побѣжалъ въ служительскую комнату, гдѣ отыскалъ миску, перелилъ молоко и только что хотѣлъ пить, какъ опять Федоско прибѣжалъ къ нему и схватилъ у его миску, крича, что это его собственная, которой онъ ни за что не дастъ. Куриценко тоже не отдавалъ, оба держатся за миску, а молоко льется, наконецъ Куриценку удалось вырвать ее изъ рукъ Федоска и вытолкнуть его самого за двери. Федосъ погрозилъ кулакомъ и удалился, чѣмъ эта исторія и кончилась на этотъ разъ.

III.

Зная, что каждое наше дѣйствіе, почти каждое слово немедленно передается служителями надзирателю, а послѣднимъ доктору, еще съ прибавочкою для картины отъ себя кое-чего, зная это, мы естественно ожидали грозы со стороны доктора по поводу случившихся вчера „исторій“. Такъ въ дѣйствительности и вышло. Докторъ, войдя въ комнату, сверхъ обыкновенія на этотъ разъ ни съ кѣмъ изъ насъ не поздоровался, а какъ-то, ни на кого не гляди въ отдѣльности, сѣлъ на койку и началъ задавать намъ обычные вопросы о состояніи здоровья: какъ спали въ эту ночь?, не было-ли бреда?, въ порядкѣ-ли пищевареніе? и т. п. Разспросивъ всѣхъ и получивъ отъ насъ надлежащія отвѣты, всталъ и обратился къ Куриценко, сверкнулъ глазами и сказалъ:

— Вы, кажется, вчера дѣлый бунтъ учинили здѣсь?.. Вы забылись, милостивый государь,—продолжаетъ онъ,—гдѣ находитесь, такъ я принужденъ напомнить вамъ:

вы въ психіатрической лечебницѣ, гдѣ обязаны безпрекословно исполнять все то, что по нашему уставу положено, а не выдумывать своихъ какихъ-то правъ, въ которыхъ мы не нуждаемся... За всякое насиліе, въ чемъ бы оно не проявилось, я буду подвергать васъ наказанію, какое мнѣ предоставлено закономъ,—не забывайте этого!..

— Помилуйте, господинъ докторъ! взмолился Куриченко,—я ничего не сдѣлалъ, за что вы осердились на меня?.. Вся исторія была въ томъ, что Федось не хотѣлъ дать мнѣ миски, а я взялъ... Вѣдь въ деревянной чашкѣ, еще недавно выкрашенной, положительно нельзя держать молоко: оно воняетъ краскою и нельзя пить...

— Въ чемъ бы и чего бы вамъ не подали,—прервалъ его докторъ,—должны кушать, я докторъ, и самъ не позволю служителямъ давать то, что служило бы во вредъ больнымъ, а также не позволю и больнымъ дѣлать выборъ въ кушаньяхъ и посудѣ по своему вкусу: у насъ не гостинница, а больница, и прежде всего должна быть простота во всемъ, а не комфортъ, къ этому побуждаетъ наша обязанность: мы лечимъ призваны, а не пѣжить...

У Куриченка на глазахъ появились слезы отъ обиды, что не ускользнуло отъ глазъ доктора.

— Вы плачете?.. это еще разъ доказываетъ крайнее разстройство вашихъ нервовъ... Будьте мужчиною, обдумайте свое положеніе и тогда сами сознаетесь, что я правъ,—говоритъ докторъ, ужъ тономъ ниже.—Вѣдь въ самомъ дѣлѣ? не худа же я вамъ желаю, когда со-вѣтую подчиненіе установившимся у насъ порядкамъ... Думается, что лучше будетъ и для васъ: когда вы выкинете не выходить изъ границъ въ маленькомъ дѣлѣ, тогда и въ большемъ, въ чемъ бы оно не заключалось, не выйдете... А вамъ, Александровъ,—обратился онъ совсѣмъ неожиданно къ нему,—я тоже долженъ сказать,

что ведете себя въ послѣднее время изъ рукъ вонъ плохо, такъ плохо, что вынужденъ буду перевести васъ въ буйное отдѣленіе подъ строгій контроль, если только не измѣните своего поведенія... Что это за геройство вы хотите показать тѣмъ, что лазаете по крышамъ домовъ да по соснамъ и прыгаете съ нихъ?.. долго-ли руку или ногу сломать, а на насъ ляжетъ тѣнь, что не досмотрѣли... Относительно посѣщенія женскаго отдѣленія—безусловно запрещаю вамъ входъ туда подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, довольно... такъ больные не дѣлаютъ...

Александровъ такъ сконфузился, что слова не могъ сказать въ свое оправданіе, да, впрочемъ, что было и говорить противъ очевидности?—Докторъ послѣ того подошелъ къ Рязанскому, посмотрѣлъ на него упорно и, не говоря ему ни слова, сказалъ фельдшеру: „давайте Рязанскому вмѣсто одной по двѣ ванны въ сутки, утромъ и вечеромъ, въ 30“ и ушелъ, поклонившись, впрочемъ, намъ.

— Что, братцы, всѣмъ попало? говорю товарищамъ послѣ того, какъ докторъ вышелъ.

— А наплевать,—храбрился Александровъ. И добровольно пришелъ сюда лечиться, а не силой привезли,—могу и выписаться... Что они очень храбрились?.. какое ему дѣло, что лазаю по соснамъ?.. Нужно мнѣ для практики, вотъ и лазаю и его не запрещаю,—лазь!..

— Для какой-же это практики?—спрашиваю его.

— Когда поступлю въ морскую службу, то придется, вѣдь, лазать по мачтамъ, такъ вотъ и практикуюсь пока на соснахъ... сказалъ онъ и вышелъ.

На томъ ожидаемая „пробиранція“ и кончилась, какъ и слѣдовало ожидать, такъ какъ докторъ, въ сущности, былъ очень доброй души человѣкъ.

Надзиратель Вотчинскій и Федось, все время слушавшіе пробиранцію доктора, сіяли отъ удовольствія, такъ

какъ насъ почему-то очень не долюбливали, особенно Курищевка, котораго называли „кориспонтентомъ“ и отчасти побанвались, чтобъ тотъ „не пропечаталъ“ ихъ въ газетахъ. Но напрасно они опасались: пропечатать не представлялось возможности, если бы кто и пожелалъ это сдѣлать, такъ какъ всѣ письма, какъ отсылаемыя, такъ и получаемыя шли больнымъ чрезъ просмотръ доктора, чрезъ его, такъ сказать, цензуру, секретно же послать что-либо не съ кѣмъ, развѣ съ гостями Рязанскаго, да и то еще вопросъ: согласились-ли бы они на это? А матеріала, сказать по правдѣ, было бы достаточно. Обворовываніе служителями несчастныхъ большихъ—дѣло заурядное у нихъ, и тѣ не только не жаловались доктору, отъ котораго все это покрывается непроницаемой тайной,—но будучи сумасшедшими и сами-то, конечно, не знали что у нихъ есть, чего нѣтъ, или что свое, что казенное? Просторъ для обирания полнѣйшій! Благо еще, что во время пріема больныхъ отбираются отъ нихъ какъ вещи, такъ и деньги и дѣлается всему опись, такъ что служителямъ тутъ ничего не перенадетъ на руку, имъ остается просторъ въ тѣхъ вещахъ и деньгахъ, какія поступаютъ больнымъ послѣ описи, во время посѣщеній ихъ родственниками или знакомыми, оставляющими для больного служителю разпыл вещи и деньги прямо на руки, помимо конторы и вѣдома доктора, а такихъ приношеній много. Не удивительно, что служителя ходятъ всегда чисто одѣтыми, въ модныхъ пиджакахъ, сапоги носятъ „со скрипомъ“ и штаны, что называется, „на улиду“ и обязательно въ резиновыхъ калошахъ, расхаживая по корридорамъ съ важностью англійскаго лорда, то и дѣло покуривая папироски изъ асмоловскаго—въ 25 коп. четверка—табаку, кромѣ того у каждаго имѣются часы съ серебрянными цѣпочками, однимъ словомъ—джентльмены хоть куда! На все это нужны средства, далеко не связывающіяся съ понятіемъ о 5—6 рублевомъ жалованьи,

какое получаютъ они. О надзиратель же и говорить нечего: это въ буквальномъ смыслѣ *comme il faut*, какъ выражаются французы. Вотчинскій былъ высокаго роста, тучный, но не той купеческой тучностію, какая у полсѣднихъ бываетъ отъ пьянства или обжорства, а вполне здоровый и крѣпкій, наружность имѣлъ довольно красивую и одѣтъ всегда до того чисто, что „муха не усидитъ“. Массивная золотая цѣпочка тоже свидѣтельствуетъ, что живетъ ему не дурно.

— Да и какъ ему не жить? говорить однажды Александровъ,—семья-то у него 200 человекъ, хоть по копѣйкѣ въ день съэкономничать отъ каждаго въ пищѣ, и то составитъ 60 руб. въ мѣсяцъ кромѣ получаемаго жалованія, вѣдь вся хозяйственная часть лежитъ на немъ, мало-ли въ чемъ можно „поурѣзать“ или „повыторговать?“

— Но, кажется, онъ не изъ такихъ людей, чтобы согласился на „урѣзки“ отъ несчастныхъ больныхъ, говорю ему.—Вѣроятно, онъ имѣлъ свои хорошія средства до поступленія сюда, вотъ почему и живетъ хорошо...

— Держи карманъ,—возражаетъ Александровъ,—если-бъ имѣлъ деньги, такъ сталь-ли бы онъ служить здѣсь, битый день и ночь съ сумасшедшими?.. Замѣйте: какой сего дня супъ-то подали?—вѣдь помои чистыя, или хлѣбъ? и вполонину не дали положеннаго! Отчего это?—продолжаетъ онъ,—оттого, что докторъ уѣхалъ, онъ же остался полныхъ хозяиномъ...

— Развѣ докторъ уѣхалъ? спросилъ я.

— Да, взялъ отпускъ и укатилъ въ Питеръ... Что ему! денегъ много—знай погуливай тамъ, а здѣсь фельдшера и безъ его справятся.

— Ну, наврядъ-ли справятся, да и по уставу, кажется, безъ доктора нельзя, когонибудь да пришлютъ изъ Энска завѣдывать больницею...

На другой день, дѣйствительно, пріѣхалъ новый

докторъ *) не то еврей, не то полякъ или нѣмецъ, и до того трусливый, что и со свитой-то своей не осмѣливается войти въ палату больныхъ, а спрашиваетъ изъ корридора. Я той ночью положительно не могъ заснуть ни на одну минуту: болѣла голова и были опять разныя видѣнія, какъ послѣдствія пьянства, на канунѣ же былъ со мною обморокъ въ ваннѣ, поэтому я хотѣлъ попросить его объ отмѣнѣ пока ваннъ и вообще посовѣтоваться съ нимъ, подхожу къ нему... такъ что бы вы думали?—бросился отъ меня какъ стрѣла, крича во всю глотку:

— Ви не подходите!.. я не лубу это... Ви можете каварить оттуда!..

Всѣ, понятно, засмѣялись втихомолку, догадавшись въ чемъ дѣло... Обмѣнявшись со мною двумя-тремя словами, докторъ обратился къ Знаменскому и спросилъ его.

— Ви почему таки длинни волосъ имѣить?

— М—священникъ, отвѣтилъ тотъ.

— Цопъ? переспросилъ докторъ; Знаменскій утвердительно кивнулъ головой.

— Ви женать?

— Конечно.

— Да ви не помощникъ попъ, а настоящи?

— Настоящій, отвѣчаетъ Знаменскій.

— Скажите пжалуста „настоящи?“ удивлялся докторъ.—Ви въ монастырь служилъ?..

— Нѣтъ, въ приходской церкви.

— Та-акъ!... А головв вашъ не болитъ?..

— Нѣтъ.

— Та-акъ!.. Прощайтъ, господинъ попъ!..—раскла- нялся онъ.

Мы безъ смѣху не могли слушать ихъ разговоръ и съ тѣхъ поръ Знаменскаго стали звать не иначе,

какъ „господинъ попъ“, на что тотъ только улыбался, но не сердился на насъ.

IV.

Такъ мало по малу я началъ привыкать къ своему положенію и не боялся уже самыхъ буйныхъ изъ больныхъ, напротивъ, они начали сторониться меня, при видѣ моего внушительнаго роста—что дѣйствовало на нихъ магически—и смѣлости, съ какою я проходилъ мимо ихъ. Завелись у насъ и свои пріятели изъ больныхъ, которые отчасти развлекали насъ, и отчасти и надоѣдали, посѣщая нашу палату. Такъ у Рязанскаго былъ нѣкто Черпоусовъ, съ которымъ онъ всегда вмѣстѣ пилъ чай и нюхалъ табакъ. Черноусовъ былъ оригинальный молодой парень. Разъ, еще маленькаго, дома вздумали было учить его и онъ всѣ буквы уже вытвердилъ до буквы „О“, на этой и застрялъ. Учитель, указывая на „О“, спрашиваетъ: какая это буква? Отвѣчаетъ: „крышка отъ табакерки!..“ Учитель прикалываетъ произнести „О“, а онъ все свое твердитъ: „крышка отъ табакерки“ да и баста!.. На этомъ и кончилъ свое ученіе. Попалъ онъ сюда потому, что ничего не сталъ переносить, что ему почему-либо не нравилось, такъ, передъ самымъ поступленіемъ сюда онъ сжегъ у своего отца мельницу, исключительно потому, что спать ему мѣшаетъ своимъ стукомъ. Послѣ этого онъ тотчасъ отправленъ сюда, такъ какъ дальше держать дома стало опасно, а чтобы онъ дорогою не бушевалъ, сказали ему при отправленіи, что сvezутъ въ городъ, гдѣ онъ будетъ только чай пить, до котораго былъ большой любитель, поэтому онъ до сихъ поръ убѣжденъ, что не лечить его привезли, а пить чай, и когда ему не давали его, то ревѣлъ какъ бѣлуга, на лекарства же и ванны смотрѣлъ съ омерзениемъ. Впрочемъ, онъ не различалъ, что было заварено въ чайникѣ: чай или сѣно, для

*) Назначенный Н-мъ земствомъ въ помощники старшему доктору.

него все равно, лишь было бы горячо да сахару побольше. Другіе неизмѣнные посѣтители наши были: ученикъ—по болѣзни исключенный—3-го класса фельдшерской школы Кожевниковъ, бывшій студентъ 1-го класса духовной семинаріи Казанскій и ремесленникъ Силаевъ или солнценоклонникъ, какъ мы называли его. Этотъ послѣдній былъ весьма оригиналенъ. Будучи отъ природы весьма впечатлительнымъ и любознательнымъ, побывавши въ разныхъ городахъ, посмотрѣвши на своемъ вѣку—ему было около 50 л.—разныхъ людей и, нахватавшись отъ нихъ разныхъ мыслей о мірозданіи, онъ, при своемъ недостаточномъ образованіи, всѣ эти мысли сбилъ въ одну кучу, создалъ такимъ образомъ какое-то свое міровоззрѣніе на все окружающее, и на этомъ помѣшался. Надо было видѣть, съ какимъ глубокимъ сосредоточіемъ мысли расхаживаетъ онъ цѣлые дни по корридору и на-распѣвъ излагаетъ свою теорію мірозданія респредѣляя безъ всякой связи слова и мысли, чтобы понять, какъ глубоко затрогиваютъ его подобные вопросы. Изъ его отрывочныхъ словъ только и можно было заключить, что все существующее живетъ солнцемъ и и отъ солнца, и никакого другаго божества, кромѣ солнца, нѣтъ въ мірѣ. Изъ этого міровоззрѣнія слѣдуетъ дальше, что никто ему, Силаеву, какъ и всякому другому, кто живетъ въ дружбѣ съ солнцемъ, сдѣлать ни дурнаго, ни хорошаго не можетъ, если солнце того не позволитъ, а онъ, Силаевъ, все можетъ сдѣлать надъ кѣмъ угодно, если захочетъ, стоитъ только попросить солнце, которое кого угодно, даже цѣлую сторону, застудитъ или сожжетъ. Для поклоненія солнцу и для совѣта съ нимъ, онъ всгааетъ въ 2 часа ночи обязательно каждый день, отворяетъ въ отхожемъ мѣстѣ форточку, просовываетъ туда голову и, что то шенча, стоитъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не увидитъ восходъ солнца, и ни что въ мірѣ, кажется, не заставило бы его покинуть свое положеніе добровольно. Въ кото-

рое же утро солнце бываетъ покрыто тучами, то и онъ весь тотъ день ходитъ хмурый. На вопросъ нашъ въ подобномъ случаѣ, почему онъ сегодня не веселъ, отвѣчаетъ: потому, что солнце осердилось сегодня на людей, что въ мірѣ пошло одно зло, что люди подлецы и солнце не хочетъ имъ больше свѣтить... „Какъ я буду веселъ, когда и солнце не весело, а я что?.. тварь... тварь небеснаго солнца“, только, бывало, скажетъ и опять запагаетъ по корридору хмурый, какъ осенняя ночь.

Кожевниковъ воображаетъ себя больнымъ и больнымъ неизлечимо, выдумалъ въ себѣ какую-то не существующую болѣзнь, да на этомъ и помѣшался. Вотъ дословная фраза его о своей болѣзни: „фистула-діафрагма, а въ переводѣ на русскій языкъ — сѣрая корова на желѣзномъ суку“. И что бы вы ни говорили—ничто не поможетъ: онъ убѣжденъ, что такая болѣзнь существуетъ—вѣдь, онъ почти фельднеръ!—и именно въ немъ, и что переводъ на русскій языкъ сдѣланъ правильно. Кромѣ того Кожевниковъ еще отличается тѣмъ, что разъ въ головѣ его создается какая нибудь фраза, то онъ и твердитъ ее на распѣвъ день и ночь, педѣлю и двѣ, пока не найдетъ другой. Вотъ ужъ именно: „что разъ въ башку втемяшится—не выбьешь и коломъ“, какъ сказалъ Некрасовъ. Помню, съ одной фразою Кожевниковъ возился цѣлыхъ три педѣли, чѣмъ успѣлъ надоѣсть всѣмъ до тошноты, эта фраза была: „слово врача: кнутъ въ руки!“

Казанскій, убоавшійся семинарской премудрости, мнитъ себя очень умнымъ и держитъ себя высоко: говоритъ только съ лицами духовнаго происхожденія или съ интеллигентами. По его мнѣнію, всѣ профессора семинаріи недостойны быть и дьячками, а „пастухами—вотъ это по нимъ занятіе“. Къ древнимъ греческимъ философамъ хотя относится не такъ пренебрежительно, но все-жъ отводитъ мѣсто имъ не выше какъ въ дьякона.

Каждую фразу Казанскій любитъ сопровождать громкимъ хохотомъ, озираясь вокругъ: есть-ли слушатели его, въ каковыхъ недостатка не было, и онъ всегда бывалъ окруженъ толпою стоявшихъ въ корридорѣ съ разинутыми ртами и гоготавшихъ вслѣдъ за нимъ больныхъ. Тяжелую картину представляла тогда эта безумная толпа... Какъ страшно за человѣка, какъ тяжело становится на сердцѣ при видѣ этой толпы, и какую, думается, тогда разницу представляетъ собою человѣкъ, лишенный искры Божіей—разсудка, съ не лишившимся ея!.. Первый является какимъ то животнымъ, и такимъ же стаднымъ, какъ овцы, коровы и т. п., а второй—это вѣнецъ созданія Божія.

Какъ жалъ становится тогда несчастныхъ... Вотъ чиновникъ Куницкій; я зналъ его еще тогда, когда онъ былъ „въ здоровомъ умѣ и твердой памяти“, какъ пишутъ нотаріусы,—тому уже десять лѣтъ назадъ,—какой это былъ прекрасный, общительный и развитой человѣкъ!.. Первый въ томъ городѣ, гдѣ онъ служилъ, и что теперь съ несчастнымъ стало?—лишь одна фамилія отъ прежняго человѣка осталась, до того онъ измѣнился: пожелтѣлъ, скулы выдались впередъ, глаза мутные, дикіе, сгорбленный, ни съ кѣмъ ничего не говоритъ, а ходитъ по своей комнатѣ и все кого-то ругаетъ: „св....!, негодяй! прохвостъ!“ доносятся слова, обыкновенно заканчивающіяся дикимъ стономъ: „о-о!п-н!“ Только и сохранились въ памяти его эти слова изъ всего русскаго лексикона. Или взять его-же сосѣда, тоже неизлечимаго, офицера Левшина; тотъ уже положительно на животнаго смахнулъ, а именно—на зайца: такъ же проворно и скачетъ, такъ же и ушки поджимаетъ и такъ же доволенъ бываетъ всѣмъ и благодумствуетъ, когда сытъ. Ходитъ онъ, или вѣрнѣе скачетъ, всегда въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и въ грязи, если его не вымоютъ и ничто на себѣ не привлекаетъ его взора. кромѣ бѣды. Только одно въ немъ и указываетъ на присутствіе

разсудка, да и то можно отнести къ природному инстинкту,—это, когда онъ захочетъ ѣсть да не догадается служитель въ это время—а гдѣ догадаться?—подать ему, то начнетъ бить въ рамѣ стекла, чтобы вызвать къ себѣ служителя съ ѣдой, но и служителю никогда не скажетъ, что хочетъ ѣсть, и такъ ужъ, догадывайся самъ. На вопросъ: почему онъ это сдѣлалъ? скажетъ только „такъ“ и больше ни слова, а когда наѣстся, то ляжетъ на койку и давай хохотать отъ удовольствія. Про его сложился у насъ слѣдующій стишекъ:

Какъ зайчикъ проворно онъ скачетъ,
Доволенъ тюрьмою своею;
Взглянуть на его, такъ заплачешь
Надъ горькой судьбою людей..

Звали мы его въ глаза зайчикомъ, но онъ или не понималъ, или не обращалъ вниманія на это, не сердился, да, кажется, не умѣетъ и сердиться-то. Женщинъ-же онъ ужасно боялся: когда, бывало, поведутъ его въ баню и повстрѣчается ему на пути женщина, то, увидѣвъ ее, онъ прыгнетъ съ дороги въ сугробъ снѣга, хотя бы въ сажень толщиной и заскачетъ восторону совершенно какъ заяцъ; только снѣгъ норинтъ, какъ, бывало, начнетъ удирать! Что бы это значило—остается загадкою, но, вѣроятно, причиною-то его психическаго разстройства была какая нибудь женщина.

Ходилъ въ нашу палату еще одинъ больной, замѣчательный тѣмъ, что не имѣлъ ни на іоту своей собственнo воли: онъ точно изъ какого нибудь металла былъ устроенъ, что бы его ни заставили сдѣлать, и даже кто бы ни заставлялъ—безразлично, онъ то и дѣлалъ въ ту же минуту, хотя бы взять въ руки раскаленное желѣзо, для него было все равно. Или онъ не чувствовалъ никакой боли, или не понималъ ничего; послѣднее, впрочемъ, менѣе вѣроятно, такъ какъ онъ исполнялъ именно то, что было ему приказано, а не другое.

Понятно, не обходилось без злоупотреблений со стороны служителей...

V.

Со дня поступления моего в больницу, наконец, прошло уже четыре мѣсяца; здоровье мое почти совершенно поправилось, по крайней мѣрѣ прежнихъ видѣній уже не было, сонъ сталъ спокойнѣе, и я съ часу на часъ ждалъ прїѣзда доктора, чтобы затѣмъ выписаться, по надлежащемъ освидѣтельствованіи, изъ числа больныхъ и уѣхать домой, въ семью; но доктора все еще не было. Вотъ настала уже и масляница, припомнилось домашнее препровожденіе этого времени.. и сердце невольно сжалось отъ боли. Да и какъ не сжиматься ему?.. сидишь за рѣшеткой, словно арестантъ, выйти-ли куда захочется,—прежде нужно найти служителя, чтобы онъ отперъ и заперъ двери за тобой, да еще не один, а трои или четверы, да еще хорошо, если повѣритъ на-слово, что скоро вернешься и не уйдешь далеко, а то и такъ усидеешься—и это бывало;—вотъ и сиди да черезъ рѣшетку поглядывай на міръ Божій.

Да и куда пойдешь гулять?—выйдешь на улицу, походишь вокругъ дому, покрасишь морозцемъ свои поблекшія щеки, да опять въ свою берлогу. Солнце-жъ, между тѣмъ, какъ на зло, столь-ли радостно смотритъ на міръ Божій да свѣтитъ ярко-преярко... Тѣмъ тяжелѣе еще становилось жить, когда я почувствовалъ себя здоровымъ и не видѣлъ другихъ причинъ къ удержанію меня далѣе въ больницѣ, кромѣ одной—отсутствія старшаго доктора. И я затосковалъ.. затосковалъ страшно по домѣ, по дѣтямъ, по волѣ, тою страшною тоскою, когда не хочется никого ни видѣть, ни говорить; когда весь міръ для тебя какъ бы не существуетъ... Я всецѣло былъ поглощенъ мечтою какъ можно скорѣе выбраться на свободу изъ этихъ, опротивѣвшихъ мнѣ,

каменныхъ стѣнъ и не видѣть искаженныхъ лицъ обитателей дома. Въ одну недѣлю,—насъ обязательно въ-силу разъ въ недѣлю—я вѣсу даже потерялъ въ своемъ тѣлѣ 5 фун., и Богъ-вѣсть до чего довела бы меня эта тоска, если-бъ не Курищенко, всѣ свои силы употребившій на то, чтобы меня развлечь,—и нашелъ средство. На маслянной недѣлѣ администраціею больницы была устроена горка, спускавшаяся въ р. Сонную, гдѣ каждый день происходило катаніе больныхъ, служащихъ и постороннихъ лицъ. Горка была обставлена по обѣ стороны елками, увѣшанными фонарями, и сдѣлана вообще не дурно. На горку отпускали больныхъ тотчасъ послѣ обѣда, слѣдовательно въ часъ или два дня; служащіе же каталась большею частью подъ вечерокъ, послѣ своихъ дневныхъ занятій. Сначала приводили на горку больныхъ женщинъ и когда тѣ уйдутъ, тогда уже мужчинъ; тѣхъ и другихъ, конечно, сопровождали надсмотрщики служителя или сидѣлки. Буйные и слабые больные не отпускались. Намъ же, какъ пользовавшимся относительной свободой, позволялось кататься во всякое время дня, до 8 час. вечера, по обыкновенно уходили мы на горку послѣ утренняго чая, передъ обѣдомъ и передъ ужинкомъ. Сдѣлаешь на горѣ хорошей моціонъ, надышешься чистымъ воздухомъ и, придя въ палату, примешься за ѣду съ утроеннымъ аппетитомъ, и такимъ образомъ избавишься и отъ грустныхъ думъ, что для меня было всего важнѣе. Катались большею частью на салазкахъ и дощечкахъ, снизу облитыхъ водою, хотя были смѣльчаки, катавшіеся съ горы и на конькахъ; женщины катались только на рогожкѣ. Нашъ Александровъ оказался, какъ и слѣдовало ожидать, самымъ отчаяннымъ копыткобѣацемъ: онъ готовъ былъ кататься день и ночь безъ отдыха. И какія только позы онъ не принималъ, катаясь съ горы,—надо сказать, весьма высокой и крутой,—то на одной ногѣ помчится, то бокомъ, то задомъ!.. Такъ какъ на горѣ ежедневно катались сотни человекъ,

то какъ ее ни поправляли, а ямочки и выбоины всегда были, поэтому нашъ конькобѣжецъ частенько таки падаетъ; такъ, бывало, треснется головою о ледъ, что думаешь убится, а ему хоть бы что!—еще съ удвоенною скоростью взбѣжить на гору, чтобы поскорѣй снова спуститься съ нея и загладить неудачу удачей, и дѣйствительно ухитрялся на этотъ разъ спуститься подъ гору благополучно. Больныхъ мужчинъ садили по 3—4 человекъ на одни салазки, управляемые опытнымъ служителемъ, чтобы не разбить имъ головы; однихъ же ни подъ какимъ видомъ не отпускали. Женщинъ сажали на рогожку по 4—5 чел. за разъ; должностовавшія же смотрѣть за ними сидѣлки по большей части занимались въ это время со своими возлюбленными и ворковали любовный вздоръ, а потому несчастныхъ отпускали безъ нихъ; и надо было видѣть, какъ спущенныя съ высокой горы больныя, безъ рукавицъ, въ однихъ сарафанишкахъ или рваныхъ пальтишкахъ, кувыркались по горѣ, давя другъ друга, и возвращались оттуда изцарапанными до крови; надо было видѣть,—повторяемъ еще разъ,—чтобы понять всю гнустность поступка сидѣлокъ и ихъ безсердечіе. Нерѣдко больныя отъ холода и боли плачутъ, но сидѣлкамъ не хочется разстаться со своими возлюбленными,—въ большинствѣ случаевъ служащими изъ мужскаго отдѣленія,—и онѣ насильно сажаютъ ихъ на рогожки и съ хохотомъ и хлопаньемъ въ ладоши спускаютъ несчастныхъ снова подъ гору. Никакія увѣщанія, что такъ не хорошо дѣлать, что однѣ больныя могутъ убится, не дѣйствуютъ на сидѣлокъ; и разъ, за такую увѣщательную попытку, Курищенка чуть не избилъ служителя, заступившіеся за сидѣлокъ. Лишь тогда только это безобразное катаніе прекращается, или принимаетъ благообразный видъ, когда сидѣлки завидятъ когонибудь изъ администраціи больницы...—Женщины, какъ видите, оказались на этотъ разъ безжалостнѣе мужчинъ, хотя у

насъ и принято называть ихъ мягкосердыми, въ pendant мужчинамъ, жестокосерднымъ, по вышло на-оборотъ... да и въ одномъ-ли этомъ случаѣ?..

Въ послѣдніе дни масляной недѣли устраивались вечерки, съ участіемъ обоого пола какъ больныхъ, такъ и служащихъ, а равно и постороннихъ лицъ, пріѣзжавшихъ изъ города (посѣтителей больныхъ); вечера были съ музыкой и танцами. Мѣстомъ для нечеровъ служила общая столовая мужскаго отдѣленія, а музыкой—гармоника. На такихъ вечеркахъ всѣхъ больныхъ угощали чаемъ, сладями и проч., покупаемыми администраціей на счетъ тѣхъ-же „духовныхъ потребностей“. Нѣкоторые изъ больныхъ на такихъ вечеркахъ неожиданно оказались отличными пѣвцами, передъ которыми и нашъ „дулика“ Рязанскій пассовалъ, по за то равнаго себѣ танцора не могъ найти...

Но вотъ, наконецъ, наступилъ и Великій постъ; изъ города Эиска до насъ доносились унылые великопостные звуки колоколовъ; жить становилось еще тоскливѣе, а доктора все нѣтъ и нѣтъ. Отъ нечего дѣлать, я принялся было опять за разборку стараго книжнаго хлама, въ надеждѣ извлечь оттуда чтонибудь интересное. Мнѣ попались „Московскія Вѣдомости“ конца прошлаго столѣтія, состоявшія тогда почти изъ однихъ объявленій о продажѣ земель, вещей и главнымъ образомъ людей, что еще болѣе удручающимъ образомъ дѣйствовало на мою душу. Да и не удивительно. Объявленія въ родѣ, напр., слѣдующаго: „на Самотекѣ, въ домѣ священника, у Офицера продаются двѣ дѣвки, по 20 лѣтъ. Тутъ-же продаются Холмогорскія коровы“, едва-ли могутъ быть отнесены къ успокоительному чтенію, тѣмъ болѣе, что изъ этихъ-же объявленій видно было, что люди цѣнились въ то „доброе старое время“ гораздо дешевлѣе какогонибудь „жеребца отмынной чало-нѣгой масти, грива самородная до земли“. Пришлось бросить чтеніе и проводить все время на улицѣ, или въ водокачкѣ,

гдѣ, познакомившись съ машинистомъ, мы частенько носиживали, любуясь людскою изобрѣтательностію въ эксплуатаціи пара. На второй педѣлѣ поста пріѣхалъ и докторъ, что меня очень обрадовало, да и не напрасно: черезъ нѣсколько дней я былъ выписанъ изъ больницы. Нечего уже говорить о томъ, съ какою поспѣшностію собрался я покинуть это, во всѣхъ отношеніяхъ, прекрасное мѣсто, но все-жъ успѣвшее надоѣсть мнѣ. Помнится, при расчетѣ съ конторою вкралась ошибка: молоко, которое я пилъ, не было записано въ порціонную книгу, но мнѣ не до того было, чтобъ ждать исправленія ея, — заплатилъ деньги — и рубашку-то послѣднюю отдалъ бы, лишь только бы поскорѣй уѣхать домой, къ дѣтямъ... Съ товарищами своими наскоро попилъ чайку и, пожелавъ имъ тоже скорѣйшей выписки изъ больницы, я пошелъ къ доктору, поблагодарить за исцѣленіе отъ недуга и за его доброе ко мнѣ расположеніе; распростившись со всѣми, сѣлъ на извозчика и помчался, провожаемый Курищенкомъ, чуть не со слезами на глазахъ. О, какъ радостно ѣхалъ я домой, обуреваемый мыслями, которыя можно формулировать слѣдующими стихами, сложившимися въ головѣ моей на пути:

„Свобода, свобода моя дорогая,
Ты вновь посѣтила меня..<“
Невольно воскликнулъ, домой уѣзжая
Прощай же несчастныхъ семья!
Противны мнѣ стали безумныя лица,
Ихъ вопли и стонъ ихъ больной;
Противна мнѣ стала сама та больница
Съ сосною пощею своею...
Хоть братья они по страданью
И жалко мнѣ ихъ всей душой,
Но жить и внимать ихъ стenanью —
Нѣтъ силъ, надо ѣхать домой...
О, край родной, страна мнѣ любая,
Въ объятія страдальца прими!
Довольно страдать, востомился, стораю
Желаньемъ поля арѣть твою...

— И вотъ я дома... Однако долго, во всю жизнь, будетъ памятна мнѣ палата „пишущихъ и читающихъ“, — закончилъ мой пріятель свой рассказъ, или вѣрнѣе — эпизодъ изъ его жизни.

— Что дѣлать! Жизнь прожить — не поле перейти, — скажемъ мы и тоже закончимъ.

УЧЕТЪ СТАРШИНЫ.

(Картины народной жизни).

Давно уже шла молва по к-му уѣзду, что въ общественномъ сундукѣ бараповскаго волостного правленія творится неладное, будто-бы растрчено болѣе тысячи рублей общественныхъ денегъ, и виновникомъ этой растраты молва называла мѣстнаго старшину Силкова. Но на видъ все состояло, какъ нельзя болѣе, благополучно: сельскіе старосты за невзность числящейся за обществами недоимки высиживали опредѣленное количество дней въ казamatкѣ, т. е. арестантской, а старшина благодумствовалъ. Наловить, бывало, въ лѣтнее время рыбки и, поджаривъ, поѣдаетъ ее съ аппетитомъ, поглаживая брюшко и запивая для пищеваренія винцомъ, потому— „рыба по суху не ходитъ“, какъ совершенно справедливо говорилъ онъ. Когда же нужно было „отвести душу“, то трещали мужицкія скулы и ребра отъ его тяжеловѣснаго кулака, и никто ему, старшинѣ, перечить не смѣлъ и жаловаться не думалъ.

Но вотъ, наконецъ, такое положеніе вещей „прискучило“ должно быть старостамъ, и двое изъ нихъ, сидя въ городской арестантской, возми да и скажи кой кому, что у нихъ въ правленіи не совсѣмъ „чисто“, что, пожалуй, и они-то зря сидятъ здѣсь и т. п.

Вѣсти эти дошли и до высшаго въ уѣздѣ начальства, и волости предложено произвести тщательный учетъ общественныхъ суммъ, находящихся въ распоряженіи воинственнаго старшины.

И вотъ, въ одинъ сентябрьскій день 189... года въ барановскомъ волостномъ правленіи собирается волостная сходка специально для учета старшины. Прихожая въ правленіи, хотя большая комната, но въ тотъ день буквально переполнена народомъ — учетчиками, съ сельскими старостами во главѣ. Старосты и трое специалистовъ изъ бывшихъ волостныхъ старшинъ приглашены старшиною въ „залю“, а прочіе усѣлись въ прихожей. Бывшіе старшины приглашены на сходку по той причинѣ, что они на опытѣ знаютъ, „гдѣ раки зимуютъ“, и скорѣе прочихъ могутъ сыскать „прорѣхи“ въ общественномъ бумажникѣ.

Шла оживленная бесѣда между находившимися въ прихожей, но говорили всѣ тихо, дабы не помѣшать счетчикамъ — старостамъ и специалистамъ изъ старшинъ, — нровѣряющимъ въ „залѣ“ приходо-расходныя книги.

— Что тутъ толковать: — пьетъ-ѣсть чего душа изволить, катается на парѣ, одѣвается такъ чисто, что муха не усидитъ на одеждѣ-то, — ну какъ тутъ не быть растратѣ? Вѣдь жалованье-то ему (старшинѣ) не тысяча, а полтора ста рублей только.. говоритъ Гришуха Краснобаевъ, молодой крестьянинъ изъ дер. Задрихи.

— Это и каждый, Гришуха, знаетъ, да вотъ какъ уличить-то его — хитеръ больно, вывернется опять, тогда бѣда будетъ тому, кто, примѣрно, насупротивъ его скажетъ теперь... Ты языкъ-то позадержи, парень! унимаетъ Гришуху дядя Петръ, крестьянинъ лѣтъ 60, изъ с. Барановскаго.

— А мнѣ наплевать! Что онъ можетъ со мной сдѣлать? подать у меня заплачена, да и не драчунъ я..

— Такъ то оно такъ, да коли вздумаетъ, такъ и безъ вины будешь виноватой, вотъ, что, парень! Хотя начальство-то и приказываетъ сдѣлать учетъ, а кто его знаетъ, что у него на умѣ-то!.. Я и коево-дни видѣлъ, какъ урядникъ у того же старшины пьетъ чай, да и становой и прочіе къ нему ласковы...

— Да что урядникъ, или становой, найдемъ и выше. лишь счетчики наши бы растрату видимую, а я первый закричу, что подь судъ надо отдать!.. Ты развѣ забылъ, какъ онъ съ насъ гроши-то выколачиваетъ? Скажи-ко ему, что денегъ нѣтъ, обожди, такъ сейчасъ въ ухо дасть; „брюхо, скажетъ, распорю, да найду: зыщю!“ Последнюю коровенку уведетъ за рога, последнее зерно хлѣба своими руками, бывало, выгребетъ изъ твоего сусѣка, хоть съ голоду со всей семьей помирай, ему наплевать, еще посмѣется надъ тобой, скажетъ: „папекы завтра шанегъ (алашегъ), въ гости придутъ!“ Денька передохнуть не дасть, а тутъ на-ко: растратилъ, пропили да прогулять наши-то кровныя!.. А каково они намъ достаются-то?..

— Конечно, не легко достается нашему брату кажинная копѣйка, а отъ его, старшины, пощады ужъ не жди, да слышно, что однѣ и тѣ-же деньги получаютъ по нѣскольку разъ, и это сказываютъ, но только надо до всего добратъся токомъ, чтобъ законно было, и всѣмъ, примѣрно, подписаться, не робѣть, а вѣдь у насъ самъ знаешь, кто куда, пу одинъ-то выскочишь, сдѣлается не по твоему, вотъ и пропалъ!.. продолжаетъ урезонивать дядя Петръ.

Но вотъ говоръ становится шумнѣе и наши собесѣдники замолчали, стали прислушиваться.

— А гдѣ же у тебя, Василій Александровичъ (такъ звали Силкова), тѣ деньги, что были собраны въ прошломъ году на пожарную трубу? Помнится, сто рублей было собрано, а труба не куплена, и въ книгахъ объ этихъ деньгахъ нигдѣ не упомянуто... — доносится слова бывшего старшины Ерофѣева.

— Пожарныя деньги?... Ахъ, да, они при мнѣ... Нѣтъ, впрочемъ, я издержалъ.. залепеталъ Силковъ, неожиданно уличенный счетчикомъ.

— Какъ издержалъ? на что?.. вѣдь деньги были собраны на трубу и тебѣ переданы съ тѣмъ, чтобы ты

немедленно отослалъ ихъ въ земство, которое отъ себя обѣщало дать 200 р. на это дѣло...

— Деньги эти я перерасходовалъ на постройку дома подъ правленіе: на конопатку да на тесь,—возражаетъ старшина, оправившись отъ неожиданности.

— На то дѣло особо собраны были 300 р., какіе тутъ перерасходы? Докажи, коли перерасходовалъ! заговорили и старосты.

— Что-жь, нужно, такъ и докажу завтра, а сегоднѣ не бѣжать-же мнѣ домой за счетами.

— Ну, хорошо, это пока оставимъ, говоритъ Ерофѣевъ.—Теперь вотъ объясни намъ, куда дѣлся общественный капиталъ, 500 руб.,—тоже перерасходованы куда нибудь?

— Объ этихъ деньгахъ надо помолчать; тихо отвѣчаетъ ему старшина,—завтра я скажу и объ нихъ... Чайку-то пожалуйста выкушать, дѣло не волкъ,—въ лѣсъ не убѣжить; я не шаромыжникъ какой нибудь, всѣ деньги найдутся, не безпокойтесь,—говоритъ Силковъ, суетясь около самовара, шумѣвшаго и свистѣвшаго на всѣ лады. Эй, сторожъ! сходи ко за кренделями въ лавочку, да прихвати бутылочку сливочекъ отъ бѣшеной коровы, понимаешь?..

— Сію минуту! отвѣчаетъ сторожъ, особенно живо вскакнвая съ печки.

Въ толпѣ учетчиковъ, что находились въ прихожей, заговорили, и говоръ сталъ все сильнѣе и сильнѣе. Начали подозрѣвать и своихъ грамотѣевъ, какъ бы они не вошли въ сдѣлку со старшиною, види, что послѣдній собирается угощать ихъ. Когда-же сторожъ вернулся съ кренделями и водкой, то Гришуха Краснобаевъ пришелъ въ негодованіе.

— Что тамъ сегодня за праздникъ? Мы сидимъ цѣлый день голодны, а тамъ водочку попиваютъ, іуды!, Аиъ міръ хотите продать, такъ мы пойдемъ судъ и выше, тогда и самимъ достанется... Кто растратилъ

наши кровныя, отъ того стыдно и грѣшно принимать угощеніе, а подъ судъ, въ Сибирь того надо! крикнулъ онъ.

Вдругъ дверь отворилась и входитъ старшина, побагровѣвшій отъ злости.

— Это кто кричитъ здѣсь? грозно спросилъ онъ.

Всѣ стали въ тупикъ, не зная, что дѣлать: выдавать или нѣтъ товарища.

— Говорите: кто меня въ Сибирь назначилъ? чтобъ сейчасъ было сказано, иначе всѣхъ пересажу въ казamatку, мерзавцевъ!

— Гришуха Краснобаевъ! сказалъ сторожъ.

— Ахъ, ты, мерзавецъ! накинулся онъ на Гришуху.—Такъ ты меня ужъ въ Сибирь назначилъ безъ суда и слѣдствія?.. Сибирь-то, подлець, далеко, а у насъ есть поближе мѣстечко... Сторожъ! отведи-ка его въ казamatку, сказалъ онъ и ушелъ опять въ „зало“, сильно хлопнувши дверью.

Арестомъ Гришухи толпа была ошеломлена. Въ прихожей водворилась гробовая тишина, одна изъ тѣхъ зловѣщихъ, какія бывають передъ бурей.

Учетчики мало по малу стали перешалтываться межъ собою о несправедливости ареста Гришухи, наконецъ и вслухъ начали говорить: „выпустимъ, ребята, Гришуху!“ Вотъ одинъ изъ нихъ, заглянувши въ „зало“, прямо заявилъ:

— Выпусти, старшина, Петруху, не то сами силой выпустимъ,—всѣ рѣшили такъ!..

— Ахъ, вы мерзавцы! да какъ вы смѣете вмѣшиваться въ мое дѣло, да и васъ всѣхъ туда запрячу! закричалъ тотъ, выскочивши изъ „зала“.

— Стой, старшина! останавливаетъ его дядя Петръ, выпрямившись во весь ростъ,—всѣхъ не запрячешь—не влеземъ.

— Мы мерзавцами-то еще не бывали, да и тебѣ не дай Богъ оказаться таковымъ... А ты не противься міру;

рѣшили выпустить, такъ и выпусти Краснобаева, послѣ схода дѣлай съ нимъ, что хочешь, на то законъ есть, коли виновенъ онъ, то осудить, а теперь... Хуже будетъ, коли силой выпустимъ, дойдетъ до начальства, найдутъ спросы да разспросы...

— Може ты самъ виноватѣ насъ окажешься, потому мерзавцами-то не слѣдъ и тебѣ называть насъ...

Силковъ стоялъ блѣдный, что полотно, не зная, что дѣлать. На шумъ вышли изъ „зала“ и счетчики со старостами и, будучи подъ хмѣлькомъ, смѣло начали говорить міру, т. е. остальнымъ выборнымъ учетчикамъ, что старшина дѣйствительно учинилъ растрату.

— Это ужъ известно, что 700 руб. значить не хватаетъ у него, а можетъ быть и больше окажется!.. сказали Ерофѣевъ.

Въ прихожей раздается крикъ: „прините приговоръ о растратѣ къ суду его!.. Старшина видитъ, что дѣло дрянъ, чего добраго побьютъ еще учетчики, озлобленные съ одной стороны арестомъ Гришухи, а съ другой — растратою ихъ кровныхъ денегъ, понявъ, что угрожаю тутъ ничего не подѣлаешь, а потому сказали:

— Ну, пусть будетъ по вашему... Сторожъ! выпусти Краснобаева... А теперь и вы сдѣлайте по-моему, обратися онъ къ сходу: идите до завтра по домамъ, завтра же я дамъ вамъ полный во всемъ отчетъ... Я не шаромыжникъ какой нибудь, прости Господи!.. Мнѣ вашей копѣйки не надо...

— Ну, хорошо, коли такъ... До завтра одна почъ — подождемъ, да и проголодались къ тому-же, пора и закусить, — сказали дядя Петръ, съ чѣмъ согласился и остальные, и разошлись по „фатерамъ“.

II.

Эту безноконную ночь Силковъ не спалъ, да и какъ было уснуть ему, когда неотвязчивая мысль о преданіи суду, какъ камень, давила его.

Въ продолженіи ночи онъ то къ одному учетчику сбѣгаетъ, то къ другому изъ болѣе вліятельныхъ и, разбудивши, потолкуеть съ ними, умоляя, чуть не со слезами на глазахъ (благо, никто такого униженія не видитъ!), не подписывать приговора о растратѣ и обѣщая се покрыть въ недалекомъ будущемъ; въ то-же время обѣщаетъ и лично упраниваемому сдѣлать всякое добро и милости.

— Ты ужъ молчи завтра, дядя Петръ, а остальныхъ-то я уговорю, тебя же за это я вѣкъ не забуду!.. Правда, я когда-то обидѣлъ тебя... Помнишь, на счетъ крутицкой-то пожни?.. Кабы я тогда грѣха на душу не взялъ, и все еще была бы твоя...

— Да, что подѣлаешь: кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ?.. Ты прости меня, ради Бога! умолялъ — онъ Петруху, вызвавши за сарай „на пару словъ“.

— Я зла не помню, Богъ съ тобой, и сердиться на тебя за то не сержусь и не буду, но и грѣшить противъ присяги и совѣсти тоже не буду, Василій Александровичъ! отвѣчаетъ категорически Петръ и отправляется въ избу.

— Коли такъ, то знай же, старый хрѣнь, что и ты попадешься когда нибудь ко мнѣ въ руки, тогда пощады ужъ не жди! крикнулъ ему старшина и пошелъ домой, „не солоно хлѣбавши“.

Но не все учетчики отнесли къ просьбѣ старшины такъ, какъ дядя Петръ; многіе обѣщали ему, въ надеждѣ получить на будущее время разныя милости, свое содѣйствіе или въ крайнемъ случаѣ молчаніе при вторичномъ учетѣ.

На утро, чуть только показался свѣтъ, учетчики опять собрались въ волостное правленіе и начали „считать...“ Но считать, оказалось, нечего: — все было вчера еще сосчитано и итоги были вѣрны. Теперь вопросъ являлся лишь о томъ, принимать-ли во вниманіе заявленіе старшины, что собранныя имъ деньги на пожар-

ную трубу израсходованы на постройку зданія подъ правленіе? Поднялся общій говоръ, скоро перешедшій въ крикъ. Одни кричали, что надо принять перерасходъ (это тѣ, на которыхъ ночное посѣщеніе старшины подѣйствовало), другіе же утверждали, что не слѣдуетъ, и въ числѣ послѣднихъ находились очевидцы расчета старшины съ конопатчикомъ, которые увѣрили, что старшина выдалъ ему именно столько, сколько и было ассигновано на этотъ предметъ, а не больше, въ удостовѣреніе своихъ словъ требовали позвать конопатчика на-лицо.

Долго спорили межъ собой наши учетчики, вплоть до вечера, а дѣло не подвинулось ни на одинъ шагъ; не было единогласія, а безъ того старшина не позволялъ писать приговора и самую книгу приговоровъ заперъ въ шкафъ.

— Что, братцы, снуста намъ ругать другъ друга, позовемъ конопатчика, тогда и узнаемъ, а пока ходить за нимъ—оставимъ этотъ вопросъ. А вотъ теперь скажи, Василій Александрычъ, на счетъ 500 руб. общественнаго капитала, куда, значить, они ухнули? рѣшаетъ Петръ.

— Проѣлъ да пропилъ, брюхатой! крикнулъ Краснобаевъ.— „И простого-ста не пью, хересу...“ говорить, бывало,—иронизируетъ, не унимаясь, Гришуха.

Но Силковъ теперь какъ-бы и не слышитъ оскорблений, смылющихся на его голову, а отвѣчаетъ Петру.

— Тѣ деньги у меня въ недоимкѣ..

— Тогда покажи за кѣмъ именно? здѣсь всѣ старосты на-лицо и каждый про себя и про своихъ общественныхъ знаетъ.

— Да вотъ федоровскій староста первый и не заплатилъ 50-ти руб. на содержаніе волостного правленія.

— А почему я не заплатилъ? развѣ не потому, что ты у меня взялъ 100 р. податей еще въ мартѣ, но и до сихъ поръ не ввезъ ихъ въ казначейство? ты

растратилъ ихъ, а за мною числится недоимка и начальство требуетъ денегъ, а съ кого я теперь буду взыскивать, коли недоимщиковъ-то вовсе и нѣтъ?.. Внеси сначала самъ тѣ деньги въ казначейство, тогда у меня тебѣ 50 р. давно готовы,—говоритъ староста Федоровскаго общества, а въ доказательство словъ показываетъ сходу подлинную росписку старшины.

Поднялся еще большій крикъ, всѣ убѣдились воочию, что Силковъ растратилъ не только общественный капиталъ, но даже и податями не брезгуетъ.

— По твоему, федоровскій староста долженъ тебѣ 50 р., да и то неправдой оказывается; ну, а еще-то кто недоимщяки? спрашиваетъ старосту Ерофѣевъ.

Силковъ молчитъ, какъ бы не слыша вопроса.

Видятъ Силковцы, что дѣло ихъ патрона дрянъ, перестали защищать, замолчали, а нѣкоторые перешли въ обвинителей и прямо вмѣстѣ съ прочими стали настойчиво требовать книгу приговоровъ.

— Надо писать приговоръ, что зря и время тянуть,—ясно, что деньги растрочены! говоритъ кто-то громко въ толпѣ.—Барановцамъ еще туда-сюда, продолждаетъ тотъ же голосъ, а намъ хоть съ голоду помрай: домой идти далеко, а денегъ съ собой не взяли... Хорошо, у кого родня есть здѣсь—покормятъ, а я вчера всю ночь не спалъ, потому—голодень, „кишка кишкѣ кукишъ сулитъ“, тутъ не до сна!..

— Книгу, книгу подавай сюда, старшина!.. закричали и остальные, вошедши въ залю.

Видитъ Силковъ, что ему не устоять, придется уступить требованію схода, а иначе, пожалуй, побьютъ и самого, вытащилъ изъ кармана ключъ отъ шкафа и подалъ одному изъ старостъ, сказавши: „берите хоть все!..“

Приговоръ былъ написанъ и подписанъ старостами, и слово „растрата“ какъ пожемъ кольнуло старшинское сердце, когда приговоръ прочли вслухъ остальнымъ участникамъ схода. Однако, подписаться къ приговору

всѣмъ не удалось; произошло пѣчто необычное. Въ то время, когда какой-то „десятидворный“ только-что хотѣлъ было расчеркнуться въ приговорѣ, подходитъ къ старшинѣ сторожъ и что-то шепчетъ ему на ухо. Старшина вскакиваетъ со стула, схватываетъ изъ рукъ десятидворнаго книгу и убѣгаетъ съ ней.

Учетчики всѣ поражены неожиданностью... встали, не зная, что и дѣлать...

— Что-же это такое!.. Куда его лѣпшій понесъ съ книгой-то? говоритъ, какъ-бы пробудившись отъ сна, Гришуха Краснобаевъ, но ему никто не отвѣчаетъ, ибо и всѣ стояли съ такимъ же вопросомъ на устахъ...

Спрашиваютъ сторожа: что онъ такое сказалъ старшинѣ, но тотъ молчитъ, наконецъ сказалъ, что на станцію пріѣхалъ „земскій“ и старшина навѣрно къ нему убѣжалъ.

— Эво! губа-то задрожала, побѣтъ, должно, ябедничать! воскликнулъ Гришуха.

— А что, братцы, и намъ теперь дѣлать здѣсь нечего, пойдемте и мы за нимъ, узнаемъ, примѣрно, что онъ будетъ говорить земскому, да и мы все дѣло обскажемъ... сказалъ дядя Петръ.

— Что-жъ, пойдемте!—сказали другіе, и отправились на станцію, благо она была черезъ два дома отъ правленія.

Содержатель станціи, однако, не допустилъ ихъ, сказавши, что земскій спитъ, съ дороги „устамши“, завтра ужъ приходите...

Дѣлать было нечего, опять разошлись члены барановскаго муниципалитета, кто домой, кто на „фатеру“.

На слѣдующее утро, собравшись въ волостномъ правленіи, горемычные учетчики прежде всего послали за старшиной, но сторожъ, вернувшись, сказалъ имъ, что старшины нѣтъ дома. Какъ молнія блеснула у всѣхъ мысль, что онъ опять у земскаго начальника.

— Видно, не все вчера успѣлъ пересказать, а може за ночь-то новую ябеду придумалъ! сказалъ кто-то.

Отправляются снова на станцію и застаютъ тамъ старшину въ прихожей, очевидно онъ уже „выпалилъ“ все, „разрядился“ отъ ябедъ, и теперь ждалъ не будетъ ли какихъ нибудь „приказаній“.

III.

Земскій начальникъ встрѣтилъ учетчиковъ довольно холодно, и тѣ поняли, что старшина успѣлъ наговорить про нихъ, Богъ знаетъ что,—струсили, а когда онъ сталъ упрекать ихъ въ неблаговидности поступка относительно освобожденія Гришухи изъ подъ ареста, да еще съ угрозою „свернуть старшинѣ шею“, то и всѣмъ пали духомъ и ни слова не могли сказать въ свое оправданіе. Много и долго говорилъ земскій начальникъ и въ заключеніе сказалъ еще:

— Затѣмъ, вотъ старшина говорилъ мнѣ, что некоторые изъ васъ позволяютъ себѣ говорить и даже кричать, что старшина подкупилъ все начальство, въ томъ числѣ и меня.. А за подобную клевету, знаете, что васъ можетъ ожидать?..

— Не вѣрьте ему, старшинѣ-то, вамеблагородіе, вретъ все! говоритъ дядя Петръ.

— Какъ можно про начальство говорить намъ такіе пустяки, вѣдь мы не о двухъ головахъ...

— Какъ вру?—прерываетъ его старшина,—не ты ли во все горло кричалъ, что „кто его знаетъ начальство-то“ или: „може старшина вмѣстѣ съ начальствомъ растратилъ деньги-то, а въ взаимѣ отдалъ безъ отдачи...“ Это ты не говорилъ, что-ли?—говоритъ Силковъ съ такой нахальной самоувѣренностью, какъ будто онъ и заправду слышалъ эти слова.

— Побойся Бога-то, Василій Александрычъ, вѣдь врать грѣшно! Аль и помирать не думаешь?..—началь было оправдываться дядя Петръ, но въ толпѣ опять поднялся крикъ: „не вѣрьте ваше благородіе, старшина“

нѣ-то, дядѣ Петру вѣрьте!.. старшина вретъ все!“ Но такъ какъ кричали всѣ вдругъ, никто никого не слушалъ, и толковъ не выяснялъ дѣла, то, понятно, земскому начальнику надобно все это слушать: онъ поспѣшно сѣлъ на приготовленную тройку и уѣхалъ, но обѣщавъ векорѣ пріѣхать вновь и разобрать ихъ дѣла, а до этого приказавъ приготовить учетный приговоръ, да „толковѣе...“

Почесали свои затылки наши учетчики и поплелись опять въ волостное правленіе, теперь уже вмѣстѣ со старшиною, которому, по словамъ содержателя станціи, земскій начальникъ строго запретилъ дѣлать подобныя „безобразія“, какъ насильственное отобраніе изъ рукъ учетчиковъ книги.

Но хотя это было до очевидности странно, дико, даже просто необъяснимо, однако чѣмъ болѣе думали учетчики, идя въ правленіе, о словахъ земскаго начальника, тѣмъ болѣе укрѣплялась въ головахъ ихъ мысль: и на самомъ дѣлѣ не далъ-ли старшина ему взаимы часть нашихъ-то денегъ, а теперь, не получивши съ него, поневолѣ оказалась растрата?..

Мало помалу они и заговорили потихоньку объ этомъ межъ собою, что не ускользнуло отъ опытныхъ глазъ и ушей Силкова и, само собою разумѣется, чрезвычайно его обрадовало.

Наконецъ онъ самъ, идя дорогою, началъ кой-кому закидывать „двухсмысленныя“ словечки, дабы еще больше укрѣпить учетчиковъ въ этомъ убѣжденіи. Онъ зналъ, что разъ увѣрится въ этомъ, то изъ нихъ тогда „хоть веревки вей“, потому что съ одной стороны будутъ бояться, что съ нимъ, Силковымъ, ничего не подѣлаешь, ибо начальство, подумавъ, за него „горой стоитъ“, что тутъ „дѣло не чисто“ и т. п., а съ другой стороны, одолаваемые голодомъ, должны будутъ спѣшнѣе окончателемъ дѣла. Понявши это, у Силкова отлегло, что называется, отъ сердца... И онъ не ошибся.

IV.

По приходѣ въ волостное правленіе старшина сталъ уже требовать отъ учетчиковъ, чтобы пожарныя деньги были записаны въ счетъ перерасхода по постройкѣ дома для правленія, а если они по прежнему желаютъ пріобрѣсти пожарную трубу, то деньги слѣдуетъ собрать вновь.

— Да и па какой чортъ вамъ эта труба далась? По моему, такъ и не нужно совсѣмъ ея! говорить онъ. Пока Богъ хранитъ, а ужъ когда случится пожаръ, то все равно и трубою не потушишь его: дома у насъ большіе, деревянные, ну, что тутъ подѣлаешь трубочкой? и не подступишься...

— Оно такъ то такъ, па все воля Божья, да все же и труба лишней не была-бы? И то сказать: и денегъ жалко, потому—вспомни, Василій Александровичъ, съ какимъ трудомъ тогда, во время сѣнокоса, собирали эти деньги? говоритъ одинъ изъ старостъ. Вѣдь ты же тогда съ начальствомъ и выдумалъ это...

— Какъ хотите... Желаете имѣть трубу—собирайте деньги вновь, а эти, что были собраны, я издержалъ на конопатку, и должны это признать, а не то—еще три дня продержу здѣсь; не выпущу изъ правленія, вотъ вамъ и весь свазъ! отрѣзалъ старшина и пошелъ въ „зало“, гдѣ ждалъ его пыхтѣвнѣй самоваръ, обдавая комнату паромъ.

— Какъ продержишь три дня? на какомъ основаніи? Что намъ съ голоду околѣвать здѣсь, что-ли? кричитъ вдогонку ему Гришуха Краснобаевъ.

— Ты опять кричать? сказалъ старшина, выглянувши изъ дверей,—аль забылъ, что говорилъ вамъ земскій?.. Сторожъ! Запри его въ казamatку... Посмотримъ теперь, кто осмѣлится мнѣ препятствовать?.. Пусть попробуютъ выпустить... ха! ха! притворно захохоталъ онъ.

На толпу учетчиковъ неволью напала робость, и онъ, не зная, что дѣлать, притихли, сжались...

Съ одной стороны учетчикамъ ужасно не хотѣлось принять эти 100 руб. на счетъ перерасхода, котораго не было въ дѣйствительности, съ другой—перспектива сидѣть здѣсь еще цѣлыхъ три дня, какъ грозилъ старшина, была тоже не изъ привлекательныхъ. „Развѣ уйти такъ, ничего не сдѣлавши?.. думаютъ они и выражаютъ, наконецъ, вслухъ это.

— А начальство что скажетъ тогда намъ за это? говоритъ дядя Петръ.

Опять не ладно. Всѣ знали, что начальствомъ было приказано произвести учетъ „по возможности въ скорѣйшемъ времени“, и не исполнить этого было бы сочтено съ ихъ стороны, пожалуй, за укрывательство.

Долго сидѣли учетчики въ нерѣшительности, а старшина знай пониваетъ чаекъ, подливая въ него свои любимыя „сливочки“. Наконецъ согласились принять и 100 руб. на счетъ волости, записавъ ихъ въ перерасходъ.

— Такъ ужъ и быть, принимаемъ, значить, пожарныя деньги,—говорятъ старосты,—только пожалуйста, отпуская, Василий Александрычъ, насъ скорѣй домой, не помирать же здѣсь съ голоду, въ сам-дѣлѣ!..

— Ну, вотъ, давно бы такъ! весело проговорилъ старшина, вытаскивалъ изъ шкафа книгу приговоровъ...— Миркомъ да ладкомъ куда сподручнѣе, а то ужъ прямо— „въ Сибирь...“ Эхъ, вы! Сибирь-то далеко, а я то тутъ и есть,—смѣется старшина. Пишите приговоръ, продолжаетъ онъ, да ни слова не упоминайте о растратѣ, такъ я сейчасъ ведерко винца поставлю, ну, а на закуску кренделей пудишко... Вамъ все равно вѣдь: деньги за мною не пропадутъ, и не шаромыжникъ какой-нибудь, прости Господи!.. Помаленьку все заплачу... Такъ, что ли?

— Нѣтъ, Василий Александрычъ, отвѣчаетъ ему дядя Петръ,—такъ дѣлать не годится—грѣшно и стыдно!.. Мы тоже присягу принимали, самъ знаешь...

Конечно, лучше миркомъ да ладкомъ покончить дѣло, да сдѣлать-то это падо толково. Ты вотъ внеси въ общественную кассу 500 руб., тогда мы и подпишемъ приговоръ, а продать свою душу за водку, за крендели, примѣрно, мы на то не согласны!..

— Не согласны? тогда и книги не дамъ, вотъ вамъ и все, жалуйтесь! сказалъ Силковъ, бросая книгу въ шкафъ.

Учетчики снова заспорили и раздѣлились на двѣ партіи, одни—силковцы требовали, чтобы въ приговорѣ слово „растрата“, какъ неблагозвучное, не упоминать, „къ тому же, говорили они, старшина общается со временемъ заплатить деньги“. Другіе-же—петрухинцы—напротивъ того, непремѣнно настаивали на томъ, чтобы „не фальшивить“, дѣлать по совѣсти; „коли копѣйки нѣтъ, говорили они, то нечего морочить *) и миръ, что деньги оказались ва-лицо, а прямо и писать надо, что растрочены...“

— Все равно, говоритъ дядя Петръ, послѣ да окажется эта растрата, потому—не уплатить ему такую сумму, если прожилъ. Може послѣ-то вдвое больше этого еще растратить, тогда что скажутъ намъ сосѣд-ди-то, да и начальство не похвалить!..

Къ сожалѣнію, партія петрухинцевъ все болѣе и болѣе рѣдѣла, большинство оказывалось теперь уже за Силкова, благо тотъ общается и водочкой угостить.

— Три дня и безъ того уже сидимъ здѣсь, да еще три дня голодать? нѣтъ, ужъ лучше сдѣлать по старшину! говоритъ теперь и староста федоровскаго общества, забывши обиду.

— Такъ! вѣрно! раздается чей-то голосъ.

— Да и то сказать: зачѣмъ обижать человѣка, може и вправду заплатить со временемъ?

Такимъ образомъ сходъ порѣшилъ старый при-

*) Морочить—обманывать.

говоръ „зачеркнуть“, написать новый, не упомяная слова „растрата“.

Подписавши новый приговоръ, учетчики стали расходиться по домамъ съ тяжелымъ чувствомъ виноватаго чловѣка, и даже выпитая водочка не могла развеселить ихъ... Изъ всего схода только два чловѣка—дядя Петръ и Гришуха Краснобаевъ—не подписали приговора, за то и совѣсть не беспокоила ихъ. Одно только могло ихъ беспокоить, это мечь Силкова, но твердо вѣря народной своей пословицѣ: „Богъ не выдастъ,—свинья не съѣстъ“, и мести не страшились они . . .

— А чуть-чуть не попалъ я! сказалъ старшина своему писарю, проводивши учетчиковъ.—Еще съ полчаса времени прошло бы, не прїѣзжай земскій начальникъ, всѣ подписались-бы къ старому приговору, тогда бѣда мнѣ... Спасибо, во время прїѣхаль... Я сказалъ ему, что „бунтуютъ“, выломали двери въ арестантской и силой выпустили заключеннаго, и чего только я не наговорилъ!.. Онъ повѣрилъ и осерчалъ на ихъ, а когда пришли, какъ началъ „сердито“ ихъ спрашивать, они оробѣли, думая, что онъ за меня горой стоитъ, ничего путнаго-то и не рассказали... ха! ха! ха! радовался Силковъ, чокаясь съ писаремъ.—А ловко же я провелъ ихъ... Завтра надо дѣлать „разрубъ“ податей, а тамъ собирать: денегъ, значить, у насъ много будетъ... Милости просимъ тогда и начальство повѣрять кассу—вложимъ акуратнѣйшимъ манеромъ въ сундучекъ изъ податей эти пятьсотъ, а подати исправникъ будетъ повѣрять—изъ сундука возьмемъ... Излови-ко насъ! ха! ха!..

— А что, Михѣичъ!.. занесъ было Силковъ, по остановился, понявъ, что слишкомъ далеко зашелъ въ своей откровенности. А хотѣлъ онъ сказать вотъ что: новый-то домъ подъ правленіе готовъ, стоитъ на отставѣ отъ села, перебраться развѣ туда, да запаснись

тысячкой или двумя податныхъ денегъ, нельзя-ли пѣтуха подпустить?.. Но не сказалъ ничего, а набожно перекрестился, устращась и самъ своей мысли...

РАЗСКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ЛУКА СЪ СЫНОМЪ СТАЛИ ДЕГТЕКУРАМИ.

„Въ потѣ лица твоего снеси хлѣбъ
твой...“

Быт. III, 19.

— Ну, Пашутка, завтра мы съ тобой да съ Парашей ийдемъ драть бересту, всѣ сосѣди сегодня ходили въ Бабинъ починокъ и говорить, что береста дерется хорошо, сказалъ своему двѣнадцатилѣтнему сыну Лука Максимовъ, мужикъ лѣтъ 40, жившій въ деревнѣ Хмѣльной, одной изъ сѣверныхъ губерній.—Мать да Клаша останутся дома, а тамъ видно будетъ: може и ихъ возьмемъ, коли дѣръ будетъ хорошій, да безрзничкомъ гдѣ-ни-есть раздобудемся...

— Ладно, пойдёмъ! у меня и топоръ вострой, ко-его-дня дядя Митрій выточилъ... Я два пуда надеру... хвалился Пашутка.

-- Посмотримъ, надерешь-ли? Оводы чтобы носъ не расклевали тебѣ?... Это, пожалуй, скорѣе сбудется...

— Не расклюютъ! Я не больно-то боюсь ихъ: покусають да перестанутъ—эка бѣда!

Такъ разсуждали отецъ съ сыномъ, сидя заужиномъ. Четырехлѣтній Вася, прислушивавшійся къ ихъ разговору, сталъ просить, чтобы и его взяли съ собою, а когда ему сказали, что малъ еще, не дойти до починка, то расплакался; однако скоро утѣшился обѣщаніемъ Пашутки принести ему пловую свистульку.

На-утро, чуть свѣтъ, Лука разбудилъ дѣтей, и, по-завтракавши, отправился съ ними въ Бабинъ починокъ, версть за пять отъ деревни.

Было это въ началѣ іюня. Утро выдалось ясное, тихое и теплое. Когда наши путники прошли поле и вышли въ покотину (скотскій выгонъ), то на небо склонъ стало показываться солнце и птички весело прилѣтывали, его своимъ пѣніемъ, перелетывая съ одного деревца на другое, и весь міръ въ то мгновеніе какъ бы ожилъ, зашевелился... Весело и бодро шелъ Пашутка за отцомъ, не чувствуя ни малѣйшей усталости, Параша же, напротивъ, жаловалась, что замозолила ноги. Самъ же Лука Максимовичъ, какъ иногда въ шутку величалъ его Пашутка, шелъ задумчиво: опъ думалъ все о томъ, какъ бы ему не работать на чужихъ людей, а завести свой заводикъ и курить изъ своей бересты деготь самому, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изъ его сосѣдей, напр. дядя Дмитрій... „Лѣсу у меня хватитъ на постройку, только вотъ какъ-бы раздобыться деньжонками?.. Положимъ, не много, но все таки десятка полтора рублишекъ надо... Развѣ корову продать? Когда дѣло пойдетъ лучше, можно и купить...“ Такъ думалъ Лука и наконецъ высказалъ это вслухъ:

— А что, Пашутка, выстроимъ и мы съ тобой заводъ?.. Я буду жить на заводѣ, а ты будешь подвозить мнѣ дрова изъ лѣсу... Осенью корову продадимъ, денегъ, значить, дадутъ, вотъ и выстроимъ... Дегтемъ выгоднѣе продавать, чѣмъ берестой, да и работа во всю зиму домашняя будетъ: не надо ѣхать на вывозку бревень. А въ этомъ году дѣръ обѣщаютъ хорошей, бересты будетъ много; у кого нибудь на выкупку возьмемъ еще... Какъ думаешь, Пашутка: ладно твой отецъ говоритъ, или нѣтъ?..

— А ты умѣешь курить деготь-то? спросилъ Пашутка прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ отца.

— Эво! я три года жилъ въ работникахъ у дектера,

богатаго мужика, и еще бы не знать? Не хитрая штука, братъ, вотъ увидишь и самъ научишься...

— Такъ что, станемъ строить; и дровъ тебѣ навожу на сивкѣ; въ новинѣ изъ-подо-ржи много ихъ, сухія...

— А меня картошку печи станете пускать? спросила Параша.—Мы съ Васей часто будемъ ходить къ вамъ...

— Пеки, сколько хошь... А тебѣ, Пашутка, придется часто быть въ заводѣ, потому что эта работа одному не сподручна...—А вотъ и Бабинъ починокъ! сказалъ Лука.

II.

Бабинъ починокъ, имѣвшій около двухъ верстъ въ длину и съ версту въ ширину, весь поросъ густымъ березовымъ лѣсомъ и принадлежалъ всей деревнѣ Хмѣльной. Мужики купили его за дешевую, сравнительно, цѣну съ публичныхъ торговъ послѣ своего промотавшагося помѣщика и, раздѣливши межъ-собою по полосно, сберегли его до днесь.

Отыскавши свою полосу и немного отдохнувши, семейка наша принялась за дѣло. Вотъ Лука всталъ, раздѣлся и попробовалъ топоромъ одну березу: дерется-ли? и, узнавъ, что хорошо дерется, сталъ срубать ее, такъ какъ береза была высокая и гладкая снизу, а потому ободрать ее всю, не срубая, было невозможно, да и дрова для дому все равно пужно же.

Пашутка началъ тоже рубить березу, но отецъ остановилъ его.

— Эту срубать не слѣдуетъ, пусть растетъ, потому—суковата, можно влѣзть на нее и ободрать всю, не срубая; вотъ такъ: сначала съ корня сдѣлай пасѣкъ коры на аршинъ въ длину ствола, и облупи ее руками, а потомъ все выше и выше обдирай, покамѣсть можно. затѣмъ слазай на березу и обдери до верхины.—Кото-

рая же не дерется—ту оставь пока, потому—не отпрѣла еще...

А ты, Параша, сдирай только съ однихъ комельковъ; да еще когда срубимъ березу, то съ вершины ея, а не лазай: гдѣ тебѣ лазать, — убьешься!..

Пашутка такъ и сдѣлать, какъ велѣлъ ему отецъ. Онъ сначала ободралъ березу съ комелька, гдѣ былъ уже двоедѣрь, ¹⁾ потомъ все выше и выше и, наконецъ, залѣзъ на березу и обчистилъ ее всю до вершины, спуская бересту на землю, а окончивши, спустился и уложилъ ее въ кучку. Къ нему подошелъ отецъ и замѣтилъ, что Пашутка содралъ кору вмѣстѣ съ лубомъ.

— Ты дѣлай на деревѣ надѣжъ-то не глубоко, лишь одну бересту прорѣжь, тогда она легко отстанетъ, а лубъ то намъ не нуженъ...

Пашутка вторую березу такъ и обдѣлать и самъ понять, что отецъ говорилъ правду: береста, что блинъ со сковороды снялась и была совершенно чиста, какъ листъ бумаги ..

Такъ и пошла у нихъ работа: которая береза суковата—ту, не срубая, обдеруть всю, а гладкую—срубать и; снявши бересту, изрубать ее на дрова и лучину.—Въ той мѣстности, надо сказать, керосиновыхъ лампъ еще мало и освѣщеніемъ по прежнему служить лучина; она же идетъ и на растопку печей.

За работою, наши труженики и не замѣтили, какъ время подошло къ обѣду. Пошли они къ ключу, сдѣлали себѣ изъ той же бересты по пиличку ²⁾ и стали хлѣбушко съ солью ѣсть, прихлебывая изъ пиличковъ ключевую водицу. Послѣ трудовъ и такая ѣда показалась дѣтямъ вкусной, не хуже каши съ масломъ... Одно только было худо: сильно дожимали оводы и приходилось поминутно отъ нихъ отмахиваться, а то такъ укусаютъ, что кровь закаплетъ изъ раны...

¹⁾ Двоедѣрь—вторично выросшая береста.

²⁾ Пиличекъ—вѣчто въ родѣ кухонной ложки.

Пашутка и Параша послѣ обѣда сдѣлали для Васи по свистулькѣ и положили ихъ въ воду, чтобъ не задохли до вечера, и снова принялись за работу и продолжали ее, не покладая рукъ, до паужины. ³⁾

Послѣ паужины Лукъ съ дѣтьми уже недолго пришлось работать: надо было идти цѣлыхъ пять верстъ до дому, а потому онъ, нѣспѣшно собравъ всю надранную бересту, уложилъ ее въ стогъ, какъ сѣно. А надрали они для перваго дня не мало: около 6-ти пудовъ; если продать сырьемъ, то по мѣстнымъ цѣнамъ—15 в. за пудъ—заработокъ ихъ равнялся 90 копѣйкамъ.

Весело было на душѣ у Луки, когда онъ возвращался домой послѣ хорошаго заработка со своими дѣтьми. Весело встрѣтила ихъ мать, спѣшно накрывавшая столъ, чтобы поскорѣе накормить тружениковъ горячими щами; веселѣе всѣхъ встрѣтилъ ихъ Вася, весь день дожидавшійся „свистульки“; теперь, дождавшись, онъ безпрестанно свисталъ, чѣмъ подконецъ и надоѣлъ всѣмъ.

Такъ кончился первый день работы по сдиркѣ бересты, и вся семья улеглась спать. Ночью Лука общилъ женѣ окончательное рѣшеніе свое во-что бы то ни стало завести свой заводъ, и та вполне раздѣляла его, только ни за что не соглашалась на продажу коровы; она такъ любила свою „буренушку“, что одна мысль лишиться ея приводила въ ужасъ бѣдную женщину. Она, какъ умная хозяйка, знала, что тогда и молока для семьи будетъ недостаточно, да и масла мало: вѣдь и всего-то у нихъ были двѣ коровы!..

— Ты лучше бы заложилъ чтонибудь, чѣмъ буренку-то продавать... Вотъ хоть бы тулупъ?.. Скарденниковъ навѣрно красныхъ полторы далъ бы подъ него, а самъ ходишь пока и въ армякѣ, дѣлать-то нечего... совѣтуетъ она.

³⁾ Паужина—время закуски между обѣдомъ и ужиномъ, около 3—4 ч. д.

— Да вѣдь это отцовское благословеніе, тулупъ-то!.. Покойный може осердится на меня за это? возразилъ Лука.

— Почто осердится, коли на доброе дѣло? Вотъ если бы ты на пропой въ кабакъ снесъ, тогда другое дѣло, тутъ и сердиться есть за что... Да ты заложись, вѣдь, только, потомъ и выкупишь...

— Оно такъ... Ладно, сдѣлаю по твоему; сказалъ Лука, и дополнилъ: только вотъ бѣда—Скаредниковъ отдастъ ли потомъ?.. онъ ужъ давно заглядывается на тулупъ, потому—у него хотя и дороже, а теплотой не противно нашего: овчина у насъ домашняя, теплая, и сукно-то изъ дорогихъ, покойничекъ въ Нижнемъ купилъ, когда, значить, на судахъ ходилъ, да и купилъ-то по случаю, нынѣ и суконъ-то такпхъ не скоро сыщешь, это мнѣ не разъ говаривалъ и Скаредниковъ...

— Ну, какъ не отдастъ, коли согласится взакладъ только взять, а не на все... Чай, крестъ-то есть на вороту?... Да коли что, такъ я ему всё глаза выцарапаю!..

На томъ и порѣшили, что заложить тулупъ, а если денегъ не достанетъ, то продать часть овецъ.

— Будетъ ужъ, поработали на чужихъ-то людей! говорилъ Лука.—И въ прошлый годъ около 140 пуд. надралъ бересты, а выручилъ какихъ нибудь 20 руб., а если бы самому искурить ее на деготь, то выручилъ бы 40 р., потому—изъ 140 пудовъ бересты накурилось бы 40 пудовъ дегтя, а цѣна ему была 1 р. за пудъ, а случается, что и рубль съ четвертью платять... Къ тому же, можно взять у кого нибудь бересты и на выкурку, тогда на всю зиму работы хватить, не надо будетъ ѣздить на вывозку бревенъ, мучить себя и лошадей...

— Оно такъ... только дадутъ-ли чужіе-то курить тебѣ? Вѣдь они, богачи-то наши, тоже не всякому дадутъ работу, агу...

— Это зависить отъ того, какъ пойдетъ заводъ, или вѣрнѣе сказать—отъ умѣнья курить деготь. Всякому препоручать это дѣло нельзя: иной на одинъ пудъ дегтя истратитъ этой самой бересты пудовъ пять, а другой только три, да и деготь лучше накурить, потому—не пережжетъ... А это развѣ не расчетъ? Вѣдь береста-то не даромъ дается и богачу, чай, копѣекъ 15 тоже заплатить надо кому ни-есть...

— Знамо дѣ-ѣло... проговорила жена, засыпая.

III.

На слѣдующій день Лука отправился на работу уже самъ пятый: съ женою и тремя дѣтьми, такъ какъ и Клашу, восьмилѣтнюю дѣвочку, взяли съ собой. Вася и Груня остались дома на попеченіи сосѣдки-бобылки. Понятно, и работа въ этотъ день у Луки шла гораздо успѣшнѣе: не успѣютъ они съ женою срубить березу, какъ дѣти и оближутъ вокругъ ея, что мухи вокругъ меду. Особенной прилежностью къ работѣ отличался Пашутка, то и дѣло лазавшій съ березы на березу, обдирая ихъ до самыхъ вершинъ. Мать, впервые видѣвшая, съ какою ловкостью и проворствомъ кошки взбирался Пашутка на высочайшія березы, притомъ видимо безъ всякаго страха, не могла нарадоваться на сына и въ то же время сердце ея сжималось отъ страха, чтобъ онъ не упалъ. И опасенія ея не были напрасны. Такъ, Пашутка, ободравши одну березу и видя, что тутъ же рядомъ стоитъ другая, вздумалъ перенрыгнуть на нее: захватилъ за вѣтку и—маршъ!.. Вѣтка не выдержала, сорвалась, и онъ полетѣлъ съ высоты двухъ сажень. Однако по счастливой случайности не расшибся, такъ какъ упалъ на мягкую землю—безъ пенька и камня, а то увѣче было бы неминуемо, а пожалуй и смерть.

Послѣ такой оказіи Пашутка лазалъ на березы съ осторожностью: сначала ипробуетъ вѣтку, можетъ-ли

она сдержать, и тогда уже становится или держится за нее.

За-день надрали бересты около 10-ти пудовъ, и сложили ее опять въ тотъ же стогъ.

Такимъ образомъ Лука съ семьею работалъ на своей полосѣ дѣлю недѣлю и наложилъ въ стогъ бересты около 50-ти пудовъ; затѣмъ покрылъ этотъ стогъ еловою корою—наклонно въ одну сторону, чтобы стекала съ него дождевая вода, и завалилъ его камнями, чтобы не свалило вѣтромъ.

Лукѣ жаль было истреблять много лѣсу въ своей полосѣ и онъ рассчитывалъ взять „березничку“ гдѣнибудь на сторонѣ, въ аренду, какъ дѣлали и его сосѣди.

Время до сѣнокоса оставалось еще недѣли три, а дѣлать Лукѣ было совершенно нечего, безъ дѣла же онъ жить не могъ: „вида тоска возьметъ“, говаривалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ, а потому немедленно, по приходѣ домой, началъ прискипать березничекъ.

Сначала сходилъ онъ для этого къ сосѣду-барину. Тотъ согласился и плату назначилъ необременительную: всего 5 кон. съ нуда бересты, но, придя въ дачу, Лука увидѣлъ, что дѣлать ему тутъ нечего. Баринъ этотъ давно уже практиковалъ отдачу бересты за аренду, но за дѣломъ самъ не слѣдилъ и березникъ у него былъ почти весь вырубленъ, лежалъ и гнилъ безъ всякой пользы для владѣльца.

Отъ барина Лука пошелъ къ купцу Хамову, имѣвшему лѣсную дачу, который позволилъ ему брать бересту за ту же цѣну, что и баринъ, только ставилъ непременнымъ условіемъ во 1-хъ, сдирать бересту съ худой и хорошей березы вподрядъ, во 2-хъ, каждую срубленную березу не оставлять „зря“, а перерубать на саженные чурбаки и укладывать ихъ въ костры. Такое условіе было не выгодно для Луки, но иначе купецъ Хамовъ не соглашался.

— Самъ суди, говорилъ онъ,—съ чего я зря буду

губить лѣсъ? Вѣдь если я десятокъ васъ пушчу въ дачу, то вы, сдирая бересту, все же нарубите кубиковъ 50 дровъ, а подвезти ихъ зимою къ рѣкѣ и сплавить весною въ городъ не ахти какъ дорого мнѣ обойдется, а тамъ за нихъ можно выручить сколько денегъ-то?.. Вѣдь зря то губить дачу какъ можно? Намъ она не даромъ досталась, чай деньги плачены, а они, эти денежки-то, не легко достаются и нашему брату, купцу!..

— Оно такъ, знамо дѣло, Иванъ Николаевичъ, вамъ не подарятъ и десятины задаромъ, да мнѣ-то какъ будто несподручна будетъ работа, потому—у меня малолѣтки дѣти-то, ну и не поднять намъ толстыхъ чурбашей, ⁴⁾ не сносить ихъ въ одинъ или тамъ два костра...

— Экой ты, братецъ мой! воскликнулъ Хамовъ: не можешь которую чурку унести—переруби ее, вотъ и легче будетъ, да и мнѣ лучше, меньше пилить придется...

— Тогда опять работисто очень будетъ... Но, дѣлать видно нечего,—согласенъ! подумавши сказалъ Лука. Черезъ нѣсколько минутъ купецъ подалъ ему „пропускную“ въ дачу, говоря:

— На, вотъ, подай тамъ лѣснику моему, чтобы тебѣ отвелъ мѣсто—и съ Богомъ!

Придя домой, Лука сообщилъ женѣ объ условіяхъ купца.

— Ну, что дѣлать, тяжеленько достанется ребятишкамъ, да коли иначе не пушаетъ, жохъ!.. изругалась она.

На утро нанекла жена пироговъ, да хлѣба наложила двѣ пестерки, крупы овсяной кошель и нѣсколько кусковъ говядины.

— Неси самъ... ребятишкамъ и безъ ноши тяжело будетъ; чай, верстъ пятнадцать будетъ до дачи-то купца? сказала она.

⁴⁾ Чурбашъ—отрубъ отъ дерева.

Лука попробовалъ было забрать въ свои руки всю провизию, но вещи оказались громоздкими и, волею-неволею корзины съ пирогами пришлось нести дѣтямъ; затѣмъ, помолясь Богу, отправились они въ „островъ“ — т. е. лѣсную дачу, жена же осталась на этотъ разъ дома.

Трудно было дѣтямъ идти лѣсною узкою и грязною дорогою цѣлыхъ, 15 верстъ, да еще и съ „пошею“, частенько останавливались они отдыхать, сѣвши на какуюнибудь колодинку, но къ вечеру все же доплелись до мѣста.

Лука прежде всего по приходѣ въ дачу отправился посмотреть березничекъ, а дѣти остались у истопки, о которой будетъ рѣчь впереди. Вернувшись, онъ сообщилъ дѣтямъ, что березникъ „въ небо ввился“, т. е. хорошій и высокій. Послѣ того затопилъ онъ въ истопкѣ печку и сталъ готовить ужинъ.

Истопка—это родъ шалаша изъ тонкаго лѣса, преимущественно „вершиннику“, размѣромъ около одной квадратной сажени; печка сложена изъ камней; вмѣсто окна на стѣнѣ была прорублена дыра, такая же дыра была и вмѣсто дверей; полу не было; на землѣ когда-то было настлана сѣно, но отъ времени и сырости оно успѣло превратиться въ навозъ, каковой сейчасъ же былъ выброшенъ Лукою и замѣненъ нарванною имъ свѣжей травою.

Вотъ въ такой то истопкѣ и привелось жить нашимъ труженикамъ! Дымъ при топкѣ печки, при немѣннѣи въ ней дымовой трубы, вѣлъ бѣднымъ дѣтямъ глаза, а выйти въ это время изъ истопки, особенно вечеромъ, было положительно нельзя: комары да мелкая мошка „поѣдомъ ѣдятъ“.

Тяжело было работать при такихъ условіяхъ, особенно Пашутѣ и Парашѣ, впервые испытавшимъ подобное житье. Цѣлые дни работали они, не покладая рукъ, терпя уколы осъ, оводовъ, комаровъ и т. и.

твари, и уставшіе, а иногда и промокшіе до костей, приходили они вечеромъ въ истопку, гдѣ затопить отецъ печку и сварить кашницу изъ овсяной крупы; поужинаютъ и ложатся спать, развѣсивъ свою промокшую одѣжку на какойнибудь налѣ, воткнутой въ стѣну. Тяжело, повторяемъ, было малюткамъ работать и жить въ такихъ условіяхъ, но они знали отъ отца, что трудъ—святое дѣло; что безъ этого жить нельзя человѣку, особенно мужику. Зная это, они терпѣливо переносили лишения...

Вотъ прошла наконецъ цѣлая недѣля, какъ они работаютъ въ дачѣ Хамова; много надрапо бересты, много дровъ нарублено купцу, но идти домой Лука не собирается: по его расчету бересты было еще недостаточно на бочку дегтя, а ему непременно хотѣлось накурить цѣлую бочку.

Настало воскресенье, и жена Луки, видя, что онъ и дѣти не пришли домой на праздникъ, догадалась, что хотятъ они оставаться на работѣ еще недѣлю, наелѣла пироговъ, взяла овсяной крупы, хлѣба и отправилась въ дачу сама—„провѣдать“ ихъ.

О, какъ обрадовались дѣти, когда неожиданно раздалось по лѣсу ауканье, и по голосу они узнали, что это мать идетъ!... Весело бросились они на встрѣчу ей, ежеминутно аукая сами. Доволенъ былъ и Лука, что жена его смекнула, узнала его мысли, и припла провѣдать да и провизию прихватила.

Разспросивъ у жены деревенскія новости и самъ сообщивъ ей результаты своихъ трудовъ, Лука прилежнѣе прежняго принялся за работу; но дѣти работали уже не съ тою веселостію и живостію, какъ въ первую недѣлю; они начинали скучать по домѣ, да и жизнь въ истопкѣ становилась невыносимою, но по прежнему онъ не роптали на отца.

Такъ прошла и третья недѣля работы. Настала суббота; поработавъ до обѣда, Лука не пошелъ на работу,

а начал укладывать свещи, собиравсь домой. По его расчету они надрали здѣсь около 100 пудовъ бересты да 50 пуд. на своей полосѣ, слѣдовательно бочка дегтя накурится вполне.

Пашутка сдѣлалъ себѣ и Парашѣ изъ бересты корбочки подъ ягоды, чтобъ запопутьѣ набрать земляники и принести Васѣ и Грунѣ.

Лука же шель позади дѣтей, дорогою то и дѣло показавшая деревья и, какъ практическій человекъ, распредѣлялъ ихъ по своему, которое и на какую потребу было бы годно?

— Эхъ! славный тесъ вышелъ бы изъ этой сосны, потому—гладкая и прямая, говорить онъ, колонувши сосну.

— А вотъ изъ этой елки отличный руль на судно можно бы сдѣлать, потому—корень длинный и здоровый, нарѣдкость... Вотъ береза—изъ той раскоху бы сдѣлать—чудесная!.. Смотри ка, Пашутка! крикнулъ онъ,—вотъ изъ этой елки пряслицу бы сдѣлать матери, лень прясъ, то-то хороша выйдетъ: корень прямой и широкой... Остановись я срублю!..

— Ну, ее! и дома найдешь такую елку-то, чѣмъ за такую даль нести, отвѣчаетъ Пашутка и прибавляетъ шагу. Ему было не до того, чтобы разглядывать, какое дерево и на что годилось; онъ, соскучившись по домѣ, чуть не бѣжалъ туда...

Лѣсъ начиналъ все болѣе рѣдѣть, вотъ, наконецъ, показалась вдали сквозь туманъ бѣлая полоса, это и было ихъ поле съ рожью, начинавшею уже колоситься. Пашутка съ сестрой, завидя родное поле, побѣжали въ припрыжку, куда вся и усталость дѣвалась!

Вотъ они и дома. Лука послалъ жену за самоваромъ къ дядѣ Дмитрію, чтобы съ устатка да послѣ такихъ трудовъ чайку попить, „кишки пополоскать“, а въ другое время они не пили чаю: не по капиталу былъ имъ этотъ напитокъ.

На-утро Лука не безъ самодовольства рассказалъ сосѣдямъ о своемъ заработкѣ, а тѣ похвастались своими.

— А мы, братъ, спуста провели время, сказалъ Васѣка Рыжій,—одного двоедера подрали въ барской-то дачѣ, да и то самую малость, пудовъ по 20-ти на пай, а дѣсу-то истребили—страсть!..

— Вы на дрона хотъ просили бы дѣсть, чѣмъ такъ ему пропадать, замѣтилъ Лука, вспоминая слова купца.

— А думаешь и не просили? да еще какъ и просили-то: по 20 копѣекъ за возъ аренды давали, потому—близко къ рѣкѣ, весною можно сплавить въ городъ, а ѣнь, со словъ своего управителя, какого-то поляка, по рублю просить, меньше не отдаетъ и самъ не рубить на дрова... „Пусть, говорить, гніють, а дешевлѣе не отдамъ; убирайтесь къ чорту!“ крикнулъ да только и видали его... Вотъ и толкуй съ нимъ!

IV.

Наконецъ настала и сѣнокось,—самое трудное для крестьянина время года, недаромъ слывущее подъ именемъ „страды“. Но Лука при такихъ помощникахъ, какъ жена и дѣти, скоро справился съ сѣнокосомъ. Правда, по временамъ ему трудненько доставалось, и не одну рубашку смочилъ онъ на себѣ потомъ... Ну, да когда же безъ этого бываетъ сѣнокось?

Справился онъ также успѣшно и съ другими работами, какъ-то: жатвою, уборкой и молотьбою хлѣба: оставалось лишь исполнить то, что давно уже задумано—построить заводъ. Дѣлать нечего, понесъ онъ Скаредникову отцовскій тулупъ „подъ-закладъ“.

Скаредниковъ—богатый мужикъ сосѣдняго села, мужикъ чрезвычайно жадный къ наживѣ, къ деньгамъ, которыя были для него все; по-мимо ихъ, все остальное—ничто. И онъ такъ пристрастился къ деньгамъ,

что чуть не голодомъ моришь себя и семью, дабы какъ можно болѣе скопить ихъ.

Къ такому-то человѣку и пришлось обратиться Лукѣ... Скаредниковъ не скоро согласился дать денегъ подъ залогъ тулупа: все настаивалъ на томъ, чтобъ Лука продалъ ему вовсе, на что тотъ не соглашался. Наконецъ, послѣ долгаго „упрашиванія“, и чуть не клятвеннаго обѣщанія заплатить проценты по 10 коп. въ мѣсяць съ каждаго рубля, согласился Скаредниковъ дать ему 12 руб. Процентъ, какъ видите, чудовищный, прямо безбожный. Но Лука все-таки былъ доволенъ, что удалось найти денегъ, а иначе все дѣло пришлось бы бросить. Онъ зналъ, что деревня не городъ, „лежачихъ“ капиталовъ нѣтъ, каждому за себя лишь заплатить бы повинности—и то слава [Богу]!

Приди домой съ деньгами, Лука еще разъ пересчиталъ ихъ и отдалъ женѣ „покамѣсть“, а самъ отправился новѣрять бревна, что заготовлены были на перестройку двора. Эти бревна онъ назначилъ теперь на постройку завода, а „дворъ пока постоитъ и старый“, думалъ онъ. Бревенъ оказалось 70 шт., 3—4-хъ вершковой толщины въ отрубѣ, на возведеніе стѣнъ было достаточно, „только вотъ на крышу штукъ 30 надо прибавить, да и то 5-тивершковаго лѣса, а у меня его и въ нососѣ-то нѣтъ...“ „Какъ быть?“ думалъ онъ, и рѣшилъ обратиться съ просьбой къ сосѣдямъ, не привезутъ-ли по бревешку?

Потому, говорилъ онъ сосѣдямъ, покупать эти бревна—дорого, капиталу не хватитъ; лѣсопильные заводы подбираютъ ихъ, проклятые!.. а вы ужъ помогите, братцы!..

— Ладно, такъ и быть, — поможемъ: свой братъ! пригоднись когданибудь и намъ! сказали въ одинъ голосъ сосѣди и привезли Лукѣ кто бревно, а кто и два.

Такимъ образомъ и на крышу лѣсъ былъ найденъ, оставалось только распилить, и когда это было сдѣлано,

Лука взялъ двухъ плотниковъ и приступилъ къ постройкѣ.

Сколько радости было въ семьѣ Луки, когда сдѣлали закладку завода! Его давнишняя мечта начала осуществляться... Особенно радовался Пашутка, неотлучно находившійся при постройкѣ и самъ отчасти помогавшій въ работѣ. Сначала онъ съ матерью и сестренками рвалъ мохъ въ лѣсу и подвозилъ его къ заводу на своемъ любимомъ сивкѣ, а потомъ, когда срубъ сталъ уже довольно высокъ, помогалъ втягивать туда бревна на веревкѣ.

Наконецъ, срубъ былъ готовъ и покрытъ тесомъ— „жолобомъ:“—теперь нужно было сдѣлать самое главное въ заводѣ—печку съ принадлежностями. Денегъ-же у Луки, послѣ расчета плотниковъ и пильщиковъ, оказалось только 2 руб. Какъ быть? Одно остается: опять просить міръ о помощи.

— Міръ—дѣло великое, замѣтилъ онъ женѣ, надо попросить; своего брата не оставлять, собьютъ и печку...

— Складутъ, поправилъ Пашутка отца.

— Нѣтъ, собьютъ! вѣдь дегтярныя печки прямо изъ глины сбиваются, а не изъ кирпича кладутся...

— Какъ такъ? недоумѣваетъ Пашутка.

— Да такъ: вотъ позовемъ сосѣдей, навозимъ глины, сдѣлаемъ себѣ по ковалю ⁵⁾ и будемъ прибивать ее къ тому мѣсту, гдѣ слѣдуетъ ей быть, вотъ и все! А что-бы глина не распадалась на куски, станемъ ее поливать водой... Надо дядю Дмитрія позвать въ „улавщики;“ безъ этого нельзя: потому—не всякій знаетъ, что и какъ надо дѣлать: высоко-ли дѣлать сзоды и все такое...

Пашутка внимательно слушалъ отца и, какъ будущій деткекуръ, старался все понять и запомнить, зналъ, что все это пригодится со временемъ.

Въ одинъ октябрьскій день Лука сдѣлалъ помочь: бить печь. Всѣхъ помочанъ собралось человѣкъ 30-ть,

⁵⁾ Коваль—деревянный молотъ, въ видѣ топора.

съ 10-ю лошадьми для возки глины. Взрослые копали въ полѣ глину, малолѣтки подвозили ея къ заводу; старики же, какъ болѣе опытные, сбивали печку. Работа кипѣла въ рукахъ крестьянъ. Особенно усердствовалъ самъ Лука, поминутно подбѣгая то къ одному, то къ другому изъ „помочанъ“, указывая что нужно дѣлать, и въ то же время успѣвалъ сваливать съ возовъ глину.

Пашутка же возилъ на своемъ сивкѣ глину и тоже, въ свою очередь, слѣдилъ за остальными изъ своихъ сверстниковъ, чтобы тѣ „не отлынивали“, ⁶⁾ а возили глину поскорѣе, дабы не сдѣлать задержки въ работѣ большимъ.

— Ванька! поѣзжай скорѣе, чего ты на порожней лошади да ѣдешь словно съ горшками... говоритъ онъ встрѣтившемуся мальчугану.

— Поспѣю! крикнулъ тотъ, ударилъ лошадь и поѣхалъ рысцой...

Къ вечеру нечь была сбита. Лука угостилъ помочанъ водкою и тѣ, поблагодаривъ хозяина за угощеніе и пожелавъ ему счастья въ новомъ предпріятіи, разошлись по домамъ.

Печь была сдѣлана во всю длину завода, оставленъ лишь небольшой проходъ возлѣ стѣны къ задней части печи т. е. къ трубамъ, по которымъ стекаетъ деготь; печь имѣла двѣ топки и надъ каждой изъ нихъ оставлены 4 пустыя мѣста для кубовъ, слѣдовательно, заводъ долженъ имѣть 8 кубовъ.

Теперь оставалось Лукѣ купить эти кубы, которые дѣлаются—изъ глины же—крестьянами сосѣдней волости и продаются по 50 коп. за штуку; кромѣ того нужно еще было купить въ лавочкѣ листового желѣза на трубы и заслонки, да заготовить деревянной посуды: чановъ для охлажденія дегтярныхъ паровъ, ушатовъ и ведеръ подъ деготь, да бочку, куда впоследствии сли-

вается деготь,—и заводъ готовъ. Денегъ, между тѣмъ, осталось у него всего только 50 коп., но Лука былъ изъ числа такихъ людей, которые разъ что задумають сдѣлать, то не остановятся на полдорогѣ, а доведутъ до конца... Не долго думая, продалъ онъ двухъ овецъ и на вырученные 6 руб. купилъ и желѣза, и деревянную посуду, и кубы, бочку же заказалъ сдѣлать бондарю съ „обожданіемъ“ до выручки денегъ.

И когда все это было готово, Лука позвалъ дядю Дмитрія и началъ устанавливать и прилаживать что и куда слѣдовало: кубы положили горизонтально на-верхъ печи въ приготовленные для нихъ мѣста; изъ желѣза нагнули трубъ, одни концы которыхъ вложили въ куры (для чего кубы и дѣлаются съ отверстиями), которыхъ было два. Во время выкурки дегтя, чаны эти наполняются спѣгомъ или льдомъ и, охлаживая трубы, превращаютъ дегтярные пары въ жидкость, стекающую по трубамъ въ ушаты. Такой холодильникъ очень простъ и практиченъ.

V.

Въ половинѣ ноября заводъ у Луки былъ готовъ, оставалось пристроить къ нему шалашъ, чтобъ не заносило бересту спѣгомъ, но это было уже не трудно: вкопали въ землю 4 столба, скрѣпили ихъ вверху жердями, навалили на жерди хвоя т. е. еловыхъ прутьевъ—и крыша готова; сбоку наставили вертикально елокъ, какъ, напр., обставляютъ на масляной горку, и вотъ шалашъ готовъ. Послѣ того навозили въ шалашъ бересты, и вогъ перваго декабря 189 .. года Лука затопилъ въ немъ печь...

Пашутка съ Парашей пришли положительно въ воскресенье, когда въ первый разъ увидели они въ своемъ заводѣ ярко-горѣвшее пламя. Они почти не отходили отъ топокъ и, сидя возлѣ нихъ, несли картофель.

Два дня Лука топилъ порожнюю печь для обсушки и лишь на 3-й день рѣшился набить кубы берестой.

⁶⁾ Отлынивать—избѣгать труда.

Набивка кубовъ берестою—работа трудная, требующая много физической силы, такъ какъ береста, сохнувшись и скрючившись, для укладки весьма не удобна, и приходится это дѣлать не за одинъ разъ, а въ три или четыре приема. Сначала наполняютъ первый кубъ сухою берестою, и пока наполняются остальные 7 кубовъ, береста въ первомъ кубѣ уже разопрѣветъ и тогда, обжавши руками въ устье куба разопрѣвшую бересту, образовавшееся пустое мѣсто заполняютъ опять берестою. Продолжаютъ это „обжиманіе“ и заполненіе каждаго куба до тѣхъ поръ, пока они не накладываются вплотную: тогда ихъ герметически закупориваютъ.

Это закупориваніе дѣлается такъ: сначала къ устью ихъ примазываютъ глиной желѣзную заслонку, затѣмъ, отступя вершка 3, ставится параллельно другая заслонка, просто деревянная доска, и пустое пространство между ними наполняется пескомъ и золою...

Когда Лука началъ засыпать заслонки пескомъ, то сидѣвшій не-подалеку Пашутка зачихалъ и вскочилъ съ мѣста.

— У, какая пыль!.. Почто, батюшко, пескомъ-то засыпаешь? вѣдь заслонка примазана крѣпко...

— Такъ нужно... Видишь-ли, когда глина будетъ сохнуть, то можетъ дать трещину, и тогда въ нее деготь уйдетъ на волю, въ видѣ пара, а вотъ какъ и засыпку пескомъ поверхъ заслонки, то трещина хоть и сдѣлается, но сама собой засыплется пескомъ.

— Ловко! сказалъ Пашутка и, видя, что кубы всѣ уже засыпаны отцомъ, пошелъ было за печь узнать, не течетъ-ли деготь?

— Ты что: не деготь-ли пошелъ смотрѣть? сказалъ Лука и дополнилъ: нечего еще ходить туда, деготь раньше вечера не побѣжитъ... Иди-ка лучше домой, позавтракай, да и мѣбъ принеси, потому—уйти мнѣ нельзя, надо все осмотрѣть, направить...

— А я думалъ, что какъ растаетъ береста, такъ и побѣжитъ деготь?..

— Какъ бы не такъ, прытокъ ⁷⁾ больно!.. Да береста вовсе и не таетъ; это не сахаръ въ водѣ, а превращается она въ паръ. Сначала, значить, когда кубы нагрѣются, побѣжитъ по трубамъ вода и бѣжитъ она долго, потому—на берестѣ бываетъ снѣгъ и ледъ, да и въ самой-то ей много воды... Вотъ, когда вся вода сбѣжитъ, тогда кислота пойдетъ изъ трубъ ѣдимъ паромъ, потому—она нашими холодильниками не охлаждается; и когда эта самая кислота идетъ, въ заводѣ бываетъ горько и съ огнемъ подходитъ тогда къ трубамъ опасно, потому—газъ, чуть что, лопнетъ, какъ порохъ, и заводъ сгоритъ. Оттого часто заводы и горятъ... Послѣ кислоты въ кубѣ начнутъ выдѣляться пары дегтя и пойдутъ кверху, потому—теплый воздухъ всегда легче холоднаго, отчего и трубы вставляются вверху куба; вотъ этотъ паръ-то и пойдетъ, значить, въ трубу и когда дойдетъ до чана со снѣгомъ, тутъ и охолодится, и начнетъ сперва на-перво каплями стекать, а потомъ струею такъ и попереть въ ушаты, успѣвай лишь убирать... Вотъ, какъ это бываетъ! говоритъ Лука...

Позавтракавъ, Пашутка принесъ ѣжи отцу и принялся за рубку и колку дровъ, а затѣмъ усѣлся подлѣ отца въ заводѣ.

— А что, батюшко, много-ли у насъ сегодня набѣжитъ дегтя?

— Да вотъ, считай: въ каждый кубъ пошло бересты около 2-хъ пудовъ,—это я слабо едс набилъ на первый разъ, потомъ по 3 пуда буду впахивать—войдетъ, кубы большіе;—ну, въ 8-ми кубахъ, значить, 16 пудовъ; если класть ея 3 пуда на пудъ дегти, то получится болѣе 5-ти пудовъ, но думаю, что „на-треть“ не выйти сегодня, потому на первый разъ пи-

⁷⁾ Прытокъ—скорь, прытко—скоро.

халь бересту похуже, двоедерь, но все же пуда 4 набѣжить...

— Четыре пуда, хогь по рублю, это будетъ 4 руб. въ день,—вотъ денегъ-то!.. весело сказала Пашутка.

— Денегъ-то много, да много-ли дней-то такихъ будетъ у насъ съ тобой?—8 или 10 только, въ это время всю бересту свою выкуримъ и тогда надо брать чужой па-выкурку, а за ту платятъ по 12 коп. за пудъ дегтя, вотъ и сосчитай!.. Если 5 или 6 пудовъ накуримъ за сутки-то,—получимъ лишь 60—72 к. только...

Черезъ нѣсколько минутъ Лука попробовалъ воду въ холодильникѣ и, видя, что—тепловата, сталъ носить въ чаны снѣгъ, вмѣстѣ съ Пашуткой, а затѣмъ они снова усѣлись около топокъ, ежеминутно поневеливая горѣвшія дрова и прибавляя ихъ вновь.

— Вотъ на будущій годъ полегче намъ будетъ, потому—заводъ строить ужь не надо, говоритъ сыну Лука.—Начнемъ драть бересту пораньше, не можемъ-ли бочки на двѣ наготовить?.. Накуримъ дегтя, продадимъ, тогда можно будетъ еще купить бересты или на выкурку взять.

— Развѣ купить ее да выкурить на деготь выгодно? просилъ Пашутка.

— Еще бы! если бы не было выгоды, то зачѣмъ бы наши богачи стали скупать бересту?.. Что имъ зря-то деньги тратить да хлопотать, отдавая па-выкурку?.. Я думаю, что копѣекъ 15 или 20 съ пуда остается имъ на хлопоты, а коли мы сами-то будемъ покупать да курить, такъ деньги эти будутъ наши...

— Только не надо такъ покупать, какъ они; не надо обижать другъ-друга,—чтобы и тому, кто привезетъ бересту, приходилось на труды, да и намъ также... Дядя Дмитрій всегда такъ дѣлаетъ и наваживаютъ ему бересты ежегодно столько, что отказывается: не выкурить...

— Это вѣрно, сказала Пашутка.—Ну, а отчего бо-

гачи, примѣрно, сами-то не выстроятъ заводовъ?.. Что это имъ стоитъ—плевокъ!..

— Знамо дѣло, имъ ничего не стоитъ это сдѣлать, да не выгодно, а такъ, какъ теперь: купить „задарма“ гдѣнибудь бересту и отдать ее по условію па-выкурку способѣе... Примѣрно, самимъ жить на заводѣ имъ не захочется, работа эта грязная, такъ въ тебя за зиму-то дегтярные да кислотные пары вмѣстѣ съ сажею вопьются, что всю весну не можешь отмытъ: ходишь какъ арапъ, одиѣ зубы бѣлѣютъ... Ну, гдѣ имъ жить на заводѣ? Надо брать работниковъ, а вѣдь хорошіи домовитый мужикъ не найнется въ работники,—развѣ изъ за крайней нужды, какъ я, бывало,—а какогонибудь шатуна взять нельзя на это дѣло, потому—онъ вмѣсто трехъ-то пудовъ бересты на пудъ дегтя сожжетъ все пять, вотъ барыши-то и улетятъ на воздухъ... Да и то сказать: досади иному работнику,—онъ черкнетъ спичку да только и увидишь заводъ, когда вспыхнетъ! А что съ него возьмешь? да и не доказать никогда, что поджегъ—скажетъ, что въ трубахъ лопнулъ этотъ самый газъ, да и только...

— Вѣрно говоришь, батюшко! съ чувствомъ отозвался Пашутка.

Время было уже обѣденное, и Лукѣ захотѣлось похлебать щей, которыхъ онъ давно уже не ѣдалъ; видя, что въ заводѣ все обстоитъ благополучно, онъ рѣшилъ сходить домой, а присмотрѣть за заводомъ хотѣлъ попросить дядю Дмитрія, заводъ котораго почти былъ рядомъ, но Пашутка сказалъ, что ѣсть не хочетъ и останется въ заводѣ до его прихода и посмотритъ, а коли-что, то сбѣгаетъ эм дядей Дмитриемъ.

— Ладно, оставайся, только будь осторожнѣе съ огнемъ, да и печь не остуди! сказала онъ.

— Не остужу; я подложу еще дровъ, коли эти прогорятъ.

Проводивши отда, Пашутка усѣлся около топки, и

сердце его не могло нарадоваться, что наконец-то онъ сидитъ въ своемъ заводѣ—за нолнаго хозяина. „Вотъ и я дегтекуръ“, мечтаетъ онъ. Только одно было плохо: съ непривычки дымъ ужасно ѣстъ ему глаза, и онъ по-минутно вытиралъ рукавомъ слезы на глазахъ; желая прекратить этотъ дымъ, онъ то и дѣло прибавлялъ въ печку дровъ, чтобы яснѣе и сильнѣе было пламя. Но удивительное дѣло! Чѣмъ болѣе онъ клалъ въ печку дровъ, чѣмъ сильнѣе и свѣтлѣе было пламя, тѣмъ горчѣе становился воздухъ въ заводѣ; наконецъ около трубъ появился такой густой, желтый и ѣдкій дымъ, что дышать было невозможно. Видитъ Пашутка, что дѣло не ладно, испугался и стрѣлой полетѣлъ къ дядѣ Дмитрію, крича еще на ходу:

— Дядя Митрій!.. Дмитрій! бѣги къ намъ въ заводъ, посмотри тамъ... что-то не ладно... Погорчало такъ, ажъ вздохнуть не можно!..

Дмитрій поспѣшилъ за Пашуткой.

— А гдѣ же отецъ то у тебя? спросилъ онъ до-рогою.

— Пошелъ обѣдать, я одинъ остался.

Придя въ заводъ, Дмитрій какъ взглянулъ на печь, такъ и понялъ въ чемъ дѣло.

— Эво! паворотилъ дровъ-то, глушій! крикнулъ онъ, взявъ лопату и началъ бросать въ топку снѣгъ, чтобы убавить жаръ. Послѣ того онъ взялъ кочергу и раскрылъ ею одну тесину въ крышѣ, которая для того и не прибавается къ стропиламъ, чтобы могла служить вентиляторомъ завода. Черезъ нѣсколько минутъ воздухъ въ заводѣ сталъ, какъ и быть слѣдуетъ; тогда дядя Дмитрій добродушно потрепалъ Пашутку по плечу:

— Плохой еще ты дегтекуръ!.. Ну, да научишься, Богъ дастъ... А знаешь, вѣдь ты чуть не спалилъ заводъ-то? Если бы промѣшкать еще немножко, лопнулъ бы этотъ самый паръ, который ты называешь дымомъ, потому что заводъ срубленъ крѣпко, а ты не догадыва-

ешься открыть тесину или двери, наполнился бы заводъ газомъ и его отъ топокъ взорвало бы... Впередъ никогда много дровъ не клади... Жаръ-то осилитъ, коли много наложишь, пару-то этого повалитъ вгустую изъ трубъ, а въ чанѣ не успѣетъ охладиться, ну, долго-ли до грѣха?.. А напугалъ же ты меня, Пашуха!.. ха! ха! комаръ ты заѣшь!.. Вѣдь кабы вашъ заводъ загорѣлся, и моему не устоять. Слява Богу, хоть все прошло благополучно... Ахъ, комеръ ты заѣшь, какъ подпустилъ жару-то, инда духъ заняло, какъ заглянулъ въ заводъ... ха! ха!.. добродушно смѣялся дядя Дмитрій, раскуривая трубку.

— Ты хоть не сказывай, дядя Дмитрій, моему батюшку-то! умолялъ Пашутка, еще дрожа отъ испуга.

— Вѣды никакой не случилось, чего ты боишься? а не сказать, парнекъ, нельзя: онъ, значить, не оставилъ заводъ такъ, зря, на малолѣтка... Вотъ когда подростешь и все поймешь,—тогда другое дѣло. А то на-ко-ся!.. въ первый день да и оставилъ заводъ на малолѣтка?.. Нѣтъ, такъ не гоже... ворчалъ онъ.

И когда Лука вернулся, Дмитрій порядочно-таки поругалъ его; но Лука не только не сердился, а еще благодарилъ Дмитрія за наставленіе, считая эту ругань вполне заслуженною. Пашуткѣ онъ тоже сказалъ спасибо, что во-время догадался сбѣгать за дядей Дмитріемъ.

VI.

Вечеромъ того же дня собрались къ Лукѣ сосѣди посмотреть, какъ „новый фабрикантъ“ устроился.

Весело шла бесѣда, по обыкновенію начавшаяся съ разговора о житейскихъ дѣлахъ вообще, о дегтекуреніи въ особенности, а затѣмъ перешедшая къ сказкамъ и прибауткамъ, до которыхъ былъ большой охотникъ Васька Рыжій, да и за Лукой водился этотъ „грѣшникъ“, какъ

говорятъ старикъ, не долюбивающіе „бредни“, хотя охотно слушающіе ихъ.

Со сказокъ опять перешли къ дегтярному промыслу.

— Теперь уже не то, какъ было въ старину: куда при-быльно было курить деготь!.. А почему-то было дегте-куру: „Митрій! куда пошелъ? Зайди покалякать!“⁸⁾ только бывало, и слышишь, когда выйдешь на улицу; тогда, значить, ставрополы-то наѣзжали къ намъ закупать деготь. Зайдешь—угощеніе: водка, чай, крепдели или по ихнему—„бублики...“ Каждому вѣдь надо деготьку-то, нарочно ѣхали съ Кавказа, не зря же уѣз-жать!..

— Отчего же теперь не ѣздитъ оттуда никто? спросилъ Лука.

— Оттого, что какая-то нефть открылась тамъ, и всякую мазь дѣлаютъ теперь изъ нея... Теперь нашъ деготь идетъ только за Москву, да еще въ Питеръ, и то только на кожевенные заводы, потому что „чугунки“ вездѣ понадѣлапы, извощика ужъ не стало, на колеса не требуется дегтя... А цѣна-то какая бывала: 1 р. 20 к., до 1 р. 40 к., а то и все полтора рубля за пудъ по-лучи, только отдай. Задатку-то, бывало, тотъ и другой прикащикъ наваливаютъ, не берешь еще, „погожу, де-скать, какъ другіе...“ Да, что! бывало тайкомъ сунуть тебѣ въ карманъ четвертной билетъ, не знаешь и кто: станешь закуривать трубку, глядь—четвертной въ кар-манѣ-то, инда испугаешься и пойдешь разыскивать—кто тебѣ пихнулъ его?..

— Ну, теперь не пошли бы розыскивать, а благо попало; самъ, кто сунулъ, ищи; да и найдешь, такъ до-кажи еще, что этотъ четвертной-то его!.. ха! ха! смѣ-ется Васька Рыжій.

— Тогда этого не было, чтобы обмануть или за-тайть—Воже, упаси! да и теперь, вѣдь, этого мало

еще водится; хоть и хохочешь, Васька, а тоже, знаю, не рѣшился бы утайть... Оно, что говоритъ, теперь на-родъ безсовѣстиѣ сталъ противу прежняго, за то бѣд-нѣ и жить стали... Преяде вольготиѣ жилось здѣш-нему мужику... Вотъ тогда Скаредниковъ и скопилъ капиталъ-отъ... Набереть, бывало, еще съ лѣта по де-шевой цѣнѣ бересты видимо-невидимо, да зимой-то и отдасть на-выкурку. Когда пріѣдутъ прикащики, онъ тому и другому обѣщаетъ продать деготь, они и надѣются, а условія не заключаетъ. Подъ-веспу возь-метъ да всѣхъ ихъ перессоритъ, перегрызутся, какъ собаки, а это ему и на руку: одинъ, примѣрно сказать, пятачекъ на пудъ прибавитъ, а другой въ ссорѣ-то гри-венникъ, а третій скажетъ, что коли такой-то гривен-никъ прибавляетъ, то я на зло ему 15 коп. прибавлю, только не отводи деготь, отдай мнѣ!.. Вотъ такимъ-то манеромъ и дадутъ ему за деготь такую цѣну, что по-ѣзжай хоть за Кавказъ и тамъ не найдешь такой цѣны!..

— А ты, видно, не дѣлалъ такъ, что не сконилъ такой суммы, какъ Скаредниковъ? спросилъ Рыжій.

— Боже меня храни! такъ грѣшно, отвѣчаетъ Дмитрій;—я и безъ того доволенъ отъ Бога: сытъ, обувь и одѣтъ—чего же больше?.. Недоимокъ за мной тоже нѣтъ... Думаешь: впрокъ эти деньги пошли Скаредни-кову?—нѣтъ, одна маета, а не жизнь его теперь—хри-пить, что баранъ рѣзанный!.. А я, слава Богу, восьмой десятокъ доживаю, а не у одного еще дохтура не бы-валъ...

Такъ шла бесѣда; по вотъ на церковныхъ часахъ пробило десять „пора и спать“, сказали сосѣди и ра-зошлись по домамъ.

Лука, по уходѣ сосѣдей, пошелъ къ трубамъ, чтобы узнать: не течетъ-ли деготь? Оказалось, что деготь такъ и претъ изъ трубъ и наполняетъ ушаты, въ которые ранѣ текла одна вода; теперь надо было отдѣлать воду отъ дегтя, что дѣлается очень просто. Такъ какъ де-

⁸⁾ Калякать—болтать, шутить.

готь легче воды, то стоит на-верху, а потому въ каждомъ ушатѣ, о самое дно, дѣлается дыра и затыкается деревяннымъ гвоздемъ; стояло только Лука ототкнуть гвоздь, и вода ушла, а остался одинъ деготь.

Послѣ отцѣживанія воды, Лука съ Пашуткой легли возлѣ топокъ „соснуть малость“, пока бѣжитъ деготь. Но Пашуткѣ было не до сна; онъ то и дѣло ходилъ къ трубамъ, чтобы узнать, не наполнились-ли ушаты дегтемъ? пробовалъ деготь рукою: хорошъ-ли? если хорошъ, то менѣе пачкаетъ руку и имѣетъ цвѣтъ темно-голубой, а не черный. Это онъ зналъ отъ отца. Деготь бѣжалъ, по его мнѣнію, хорошій, хотя нѣсколько черноватъ, но онъ сейчасъ же догадался, что чернота произошла оттого, что во время отсутствія отца онъ его нѣсколько пережегъ.

Но вотъ ушаты наполнились, и Пашутка разбудилъ отца. Лука проснулся, вдѣлъ коромысло въ уши ушата и понесъ вмѣстѣ съ Пашуткой въ чанъ. Выливъ деготь, онъ теперь уже какъ слѣдуетъ завалился спать, на всю ночь, такъ какъ, по его расчету, дегтя въ кубахъ было уже немного, нечего было опасаться, что ушаты переполнятся; также нечего было беспокоиться и на счетъ прибавки въ печку дровъ: въ ней было ихъ достаточно для вытечки всего дегтя изъ кубовъ, и огонь не могъ погаснуть до утра, а большаго жара въ это время уже не требовалось.

Наутро, лишь только стало свѣтать, наши дегтекуры встали и, помоляся Богу, принялись опять за работу.

Прежде всего они убрали изъ ушатовъ деготь, сколько его вторично натекло; затѣмъ раскупорили кубы и вычистили ихъ; „ошурки“ (обуглившаяся береста) бросили въ печь и, прибавивъ дровъ, снова начали набивать кубы берестою.

Послѣ набивки кубовъ, Пашутка пошелъ домой завтракать горячею картофелю, ее принесъ затѣмъ и

отцу, и отправился на своемъ сивкѣ въ лѣсъ за дровами для завода...

Вечеромъ опять собрались сосѣди „покалякать“ и Пашутка жадно ловилъ ихъ разговоръ, особенно когда говорили они о дегтярномъ дѣлѣ, а наиболѣе—когда говорилъ дядя Дмитрій, много жившій, много и выдавшій въ жизни.

VII.

Такъ, день за днемъ, потянулось время, и Пашутка все болѣе и болѣе понималъ—что и какъ надо дѣлать при дегтекурени, и почему такъ, а не иначе?

Въ десять дней наши дегтекуры превратили свою бересту въ деготь и слили его въ бочку, а кубы набили вновь уже чужею берестой, взятой у сосѣда на-выкурку по 12 к. съ каждаго пуда.

Управившись въ заводѣ и сдавъ его на присмотръ дяди Дмитрія, Лука съ сыномъ повезли свою бочку на пристань—продавать, гдѣ и сбыли по 90 к. за пудъ.

— Оно дешево продали, сказалъ Лука Пашуткѣ; весною дороже дали бы, да ждать того времени нельзя, надо Скаредникову отдать деньги и взять обратно ту-лупъ, да кромѣ того подати староста давно уже требуетъ, отъ окна нейдетъ...

Бочка ихъ вѣсила, судя по своеобразной нарѣзкѣ, сдѣланной на днѣ ея нріемщикомъ, 46 п. 20 ф., а тара—6 п., да „мертваго“ скинуто 20 ф., значить, чистаго дегтя 40 п., по 90 к. на 36 руб., по денегъ имъ выдали только 30 руб.

— Иначе нельзя-съ! сказалъ торговецъ дегтемъ,—деготь у тебя еще не отстоялъ, можетъ быть къ веснѣ окажется въ немъ водица; а если не окажется, то мы не сбѣжимъ-съ, выдадимъ и остальные-съ...

— Хорошо, согласился Лука, только помни, Афанасьевичъ, сколько, значить, задержалъ на воду, а

весною я приду, отчвстимъ; знаю, что ничего не окажется...

Дорогою Пашутка спросилъ отца:

— Какое это „мертвое“-то, что скинули цѣлыхъ полпуда съ бочки?

— Мертвое—скидка, значить.

— Да онъ, когда вѣсилъ, и безъ того взялъ „на поносъ“ около полпуда, а это еще что за мертвое выдумалъ? возмущался Пашутка.

— Это ужъ не онъ выдумалъ, а такъ заведено изстари; и съ его, торговца, скинуть купцы по 20 ф. съ каждой бочки. Берутъ это потому, что деготь-то далеко пойдетъ: то утечетъ изъ бочки, то прольютъ, да и сама-то бочка впитаетъ въ себя частицу, ну и не будетъ ужъ того вѣсу при продажѣ въ дальнихъ городахъ, а купцы не любятъ, чтобы ихнее пропадало, вотъ и выдумали во-время приѣмки скидывать на утечку по 20 ф. съ бочки и назвали это „мертвымъ...“ Оно несправедливо, да коли изстари вошло въ обычай, то что подѣлаешь? Прежде-то, когда деготь былъ по полтора рубля пудъ и было его много, то ничего не стоило мужику бросить по 20 ф. на бочку—подавитесь!, а теперь—убыточно...

Но приѣздъ домой, Лука прежде всего отнесъ старостѣ подати, затѣмъ выкупилъ у Скареникова тулупъ и заплатилъ кое-какіе мелкіе долгишки, въ томъ числѣ бондарю за бочку, а на остальные деньги купилъ ситцу на рубанки для ребятшекъ.

Покупая ситецъ, разговорился съ торговцемъ; оказалось, что онъ тоже имѣетъ около 600 п. бересты, (купленной еще лѣтомъ, въ розницу), торговецъ тоже отдавалъ ее на-выкурку; стали торговаться, и порѣшили на 12 к. съ пуда. Такимъ образомъ Лука обезпечилъ себя работою почти на всю зиму, а потому и не безпокоился о томъ, какъ будетъ по веснѣ уплачивать подати?

Пашутка теперь уже зналъ все, что и какъ надо было дѣлать въ заводѣ, и одинъ, безъ отца, управлялся иногда по цѣлымъ днямъ, когда случалось, что отца требуютъ для чего нибудь въ „правление“ и тамъ, для какихъ нибудь свѣдѣній объ урожаѣ, продержатъ цѣлый день.

Заводъ шелъ безостановочно до масляной недѣли; за это время такъ прокоптѣли наши труженики, что у нихъ дѣйствительно одни зубы только бѣдѣли.

Особенно интересенъ былъ въ это время Пашутка: когда, бывало, плетъ куда нибудь, то чистымъ арабченкомъ выглядываешь, да и смѣется такъ же добродушно, какъ и тотъ, сынъ далекой пустыни!..

VIII.

Настала, наконецъ, весна; Лука давно уже погасилъ свой заводъ и расчетъ за деготь получилъ; денегъ у него оказалось порядочно: лавочнику накурилъ онъ 200 пудовъ и получилъ съ него 24 р., да съ сосѣда за бочку 5 р. и кромѣ того дополучилъ съ покупателя 6 р. за свою бочку дегтя, такъ какъ воды въ ней, по очисткѣ весною, не оказалось; всего значить 35 руб.

Такой суммы у Луки не скоплялось весною никогда. Правда, изъ нихъ надо еще было заплатить купцу аренды за бересту 5 р...

Вотъ вскрылась и рѣка, на пристани спустили барки въ воду и начали „грузиться“. Пашутка весело побѣждалъ на пристань, чтобы посмотреть,—какъ будутъ грузить ихъ деготь?

Пошелъ туда и Лука въ надеждѣ найти поденную работу,—и не ошибся: его, какъ дегтекура, взяли вмѣстѣ и съ Пашуткой грузить деготь. Дошла очередь погружать бочки ихней выкурки, и Лука самодовольно рассказывалъ своимъ товарищамъ, какую бочку и когда онъ накурилъ.

Пашутка тоже узналъ свои бочки и бережно катилъ ихъ въ судно, боясь, чтобъ не разбились; хотя деготь былъ уже не ихъ, но ему жаль было бы, еслибъ онъ пролился, пропалъ зря, не принеся никому пользы.

Вотъ, наконецъ, и погрузка кончена, барку съ дегтемъ отчалили, и она поплыла...

Долго стояли наши дегтекуры и молча глядѣли въ ту сторону, куда поплылъ ихъ „деготекъ...“ „Кто-то будетъ мазать имъ свои сапоги?“ думали они, возвращаясь домой...

У БУФЕТА.

Сцены съ натуры.

Гостинница губернскаго города Энска. Залъ полною публики и буфетчикъ еле успѣваетъ наливать „подогрѣвательнаго“. Къ буфету подходитъ субъектъ въ длинномъ сюртукѣ и обращается къ стоящему вблизи господину изъ мѣстныхъ адвокатовъ:

— Ивану Михайловичу, наше вамъ-съ глубочайшее съ бутербродомъ!

— Ба! да никакъ это ты, Василій Петровичъ?

— Совершенно вѣрно-съ, онъ бывалъ-съ...

— Откуда свалился? Вотъ такъ уважилъ, ловко!..

— Чѣмъ же, осмѣливаюсь спросить?

— Помилуй, братецъ! вѣдь думали, что ты тово... на томъ свѣтѣ угли въ адъ носишь...

— Для чего мнѣ ихъ носить: вѣдь тебя нѣтъ еще тамъ?..

— Вотъ счастливчикъ-то! обращается адвокатъ къ публикѣ, не отвѣчая на колкость; задолжалъ тысячонокъ пятьдесятъ, да и айда! поминай, какъ звали... Когда же дѣло прикончилось—онъ какъ сиѣтъ на голову... ха! ха! ха!..

— Не какъ ты, ты вотъ и вернулся бы на родину, да нельзя—запрещено-съ; а я, братъ, ѣду домой, и никто мнѣ не воспрепятствуетъ, потому—чистъ..

— Чортъ тебя чистилъ, да и чесалку потерялъ!.. Вѣдь изъ за тебя Петровъ-то совѣмъ спился и семью по міру пустилъ, какъ ты его обогрѣлъ...

— Все же по міру только, а ты вотъ лучше сдѣлалъ: двоихъ компаніоновъ въ Сибирь упѣкъ, третій съ горя застрѣлился, самъ же отдѣлался лишь ссылкой въ этотъ городъ.

— Какъ ты смѣешь про меня говорить такія вещи? вспылить адвокатъ.

— Да такъ же, какъ и ты про меня... Я нынче былъ въ вашемъ-то городѣ-съ и всю подноготную узналъ; отъ чего ты и живешь здѣсь, ха! ха!..

Адвокатъ засмѣялся отъ неожиданности.

— Давай-ко лучше выпьемъ, не унимаются купецъ: одного вѣдь поля ягоды-съ... ха! ха!.. Ну, что загрустил и носъ повѣсилъ на квинту?..

— Пожалуй, давайте выпьемъ. Я очень радъ, что увидѣлся со старымъ знакомымъ... Беретъ рюмку, хочетъ сказать, по видимому, спичъ:

— За процвѣтаніе...

— Брось, братъ! и въ судѣ набрешись... дуй за просто, складнѣе выйдетъ!..

Публика смѣется, адвокатъ конфузится, но пьетъ, не противорѣча, изъ опасенія, чтобы неожиданно явившійся знакомецъ не сболтнулъ еще кой-что изъ его прошлаго и тѣмъ окончательно не подорвалъ его репутацию...

— Иванъ Дмитріевичъ! Иванъ Дмитріевичъ! кричитъ изъ-за стола, обращаясь къ буфетчику, какой-то саврасъ, — прикажи подать намъ вотъ съ этимъ остолопомъ, еще бутылочку живой водицы!..

— Сію минуту! Только что же вы, Петръ Петровичъ, обзываете такъ не хорошо своего товарища?..

— Потому и обзываю, что того стоитъ. Дуракъ онъ, вотъ я въ глаза ему говорю. Дважды что ни-есть самымъ заправскимъ дуракомъ оказался!.. Первый разъ въ томъ, что нашелъ тысячу рублей хозяйскихъ денегъ и объявилъ, а самъ остался не причемъ, на единомъ спасибо только... Я плевать-бы не хотѣлъ на спасибо-то,

изъ него не шубу сошьешь?.. Съ такими деньгами и чего-чего и не надѣлалъ-бы?.. какихъ фортелей и моделей не натворилъ-бы?.. Знай-де нашихъ, съ голымъ рыломъ не подходи — ошпарю!..

— А второй-то разъ? спросилъ кто-то изъ публики.

— А второй разъ Анютка ему измѣнила, значить къ другому ушла, а онъ ничего. Да я бы ей, шлюхѣ, и косу-то оторвалъ, всѣ зубы перебралъ бы — какіе они и сколько есть, а насмѣяться надъ собой не позволилъ бы... Нѣтъ!.. шалишь!.. не на того напала, а онъ мямля, такъ мямля и есть!.. И треплетъ при этомъ товарища по плечу.

— Да будетъ тебѣ кричать-то, Петя! вѣдь не хорошо.. уговариваетъ тотъ, краснѣя.

— Чего не! хорошо? я правду говорю... Нѣ-ѣтъ! я не такъ-бы поступилъ... Уйди-ко моя, такъ я показывалъ бы ей гдѣ девятое-то ребро мѣстожителъствуетъ!..

— А по моему: полюбила другого, ушла, такъ и чортъ съ ней!

— Ну, дуракъ и вышелъ. Да какъ бы она смѣла другого полюбить, коли, примѣрно, я не дозволилъ ей?.. Вѣдь за это полѣномъ смазать — и то мало! Э-эхъ! да что съ тобой и говорить-то... сказалъ онъ, махнувши рукой, и началъ разливать принесенную водку...

— Ивану Ивановичу почтеніе! обращается буфетчикъ къ вновь подошедшему господину.

— Ивану Дмитріевичу глубочайшее! отвѣчаетъ тотъ — Былъ, братецъ мой, я сейчасъ въ уѣздномъ сѣздѣ, ходилъ послушать отъ нечего дѣлать...

— Вотъ какъ! ну, такъ расскажите же намъ, какія тамъ шли дѣла?

— Да все больше иски, только одно было интересное — о зайцѣ, убитомъ въ казенной дачѣ... Дѣло въ томъ, что лѣсничій, проходя со своею стражею казенной дачей, повстрѣчалъ мужика охотника, у котораго торчалъ за плечами убитый заяцъ. „Гдѣ ты убилъ

зайца?“ спросил онъ. Мужичекъ, ничего не подозрѣвая дурнаго, отвѣтилъ:

— Да тутъ, недалечко, ваше благородье!

— А! значить въ казенной дачѣ?

— Може и въ казенной, не знаю.

Лѣсничій задерживаетъ мужика, а самъ посылаетъ сторожа въ ближайшую доревню за понятыми; затѣмъ составляется протоколъ, зайца же на мѣстѣ, гдѣ встрѣтились, торжественно зарываютъ въ землю. Мужикъ и тутъ не утерпѣлъ, видя, что добро бросается задаромъ; „ваше благородье! да возми зайца-то себѣ на жаркое, коли жаль, чѣмъ бросать зря-то...“ „Такъ вотъ какъ ты! хочешь подкупить меня, взятку предлагаешь?“ Заносится и это обстоятельство въ протоколъ, который и направляется къ земскому начальнику. Тотъ назначаетъ разборъ дѣла, вызываетъ обвинителя и обвиняемаго и человѣкъ 8 свидѣтелей. Лѣсничій на судѣ настаиваетъ на обвиненіи крестьянина во 1-хъ въ самовольной охотѣ въ дачѣ казеннаго вѣдомства во 2-хъ въ личномъ оскорбленіи, выразившемся въ предложеніи зайца, въ видѣ взятки, и еще въ чемъ-то. Однако земскій приговорилъ мужика только къ штрафу въ 30 к. Лѣсничій приговоромъ остался не доволенъ и перенесъ дѣло въ сѣздъ, подавши кассационную жалобу на трехъ листахъ, изъ которой явствуетъ, что земскій начальникъ долженъ былъ приговорить мужика если не въ Сибирь, то во всякомъ случаѣ въ тюрьму.

— Ну, и что же сѣздъ?

— Конечно, утвердилъ приговоръ земскаго. Но сколько дѣла-то вышло, переписи-то? Ужъ лучше бы дѣйствительно взять у мужика зайца, да и съѣсть, чѣмъ всю эту канитель вести...

— Да, мудренныя настали времена: не знаешь и не вѣдаешь, какъ попадешь подъ судъ!.. замѣтилъ буфетчикъ глубокомысленно.

ГОРЕ-ОХОТНИКЪ.

(Изъ охотничьихъ воспоминаній).

Извѣстно, что крестьяне сѣверныхъ губерній страстные охотники, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ только продуктами охоты и живутъ они. Но здѣсь неумѣстно говорить подробно объ охотѣ, какъ промыслѣ, да объ этомъ уже много было говорено и писано другими...

Меня всегда очень интересовали охотники-неудачники. Объ одномъ изъ такихъ неудачниковъ или „горе-охотниковъ“ мнѣ привелось слышать рассказъ крестьянина Миронова, — моего товарища по охотѣ, — который и передаю здѣсь почти дословно.

— Былъ у насъ на Бережномъ мужичекъ Александръ Ивановичъ, прозвищемъ Волкъ, — ретивый охотникъ на всякаго звѣря. Пойдетъ-ли онъ за волками, бѣлкою, куницею или лисицею — рѣдко выходилъ съ пустыми руками. Если зимою, бывало, устанетъ долго ходить на лыжахъ, то поставитъ клепецъ — капканъ — и звѣрекъ все-таки будетъ его. Но диво! какъ только пойдетъ на медвѣдя, — нѣтъ ему удачи. Ружье у Волка было кремневое, а потому нерѣдко бывали осѣчки, но когда оно брало безъ осѣчки, и Волкъ попадалъ въ звѣря, то раненый медвѣдь все же уходилъ такъ далеко, что не могли находить его во-время, а находили уже потомъ, чрезъ нѣсколько недѣль, и то случайно, съ сопришедшей шкурой.

— Ружье должно быть худое было? замѣчаю я Миронову.

— Какое тамъ ружье, изъ него били другіе и медвѣдей, а какъ Волкъ сунется,—ничего не выходитъ: разъ попалъ въ голову, и медвѣдь упалъ замертво, ну, думаетъ Волкъ, убилъ-таки... На-утро отправляемся человекъ 10 въ лѣсъ, чтобы унести медвѣдя; пришли, а его и слѣдъ простыл!

— Куда же онъ могъ дѣться? украли, что-ли? — спрашиваю Миронова.

— Какое тамъ украли! потомъ нашли въ 5-ти верстахъ отъ того мѣста... но шкура тоже пропала.

— Какъ же онъ могъ уйти, когда упалъ замертво?

— Да ожилъ... Пуля-то попала хотя въ лобъ, но „нашлюзъ“ (вскользъ); его сначала-то ошеломило, конечно, а Волкъ, подумалъ, что убилъ и ушелъ домой, не выстрѣлилъ во второй разъ. А когда ушелъ, медвѣдь-то, надо такъ думать, и опамитовался да и айда въ лѣсъ, но все-же издохъ...

А Волку, бѣднягѣ, досталось тогда отъ сосѣдей: засмѣяли совсѣмъ! Подходя къ деревнѣ, взяли двѣ жерди, посадили на нихъ парня и закрыли ему голову, а сами кричатъ: „идите, бабы, волковского медвѣдя смотреть!“, а парень-то оретъ по медвѣжьи..: Смѣху-то было—страсть!.. Вѣднй Волкъ плетется съ-зади ни живъ, ни мертвъ: и стыдно-то ему, что людей потревожилъ зря, да и досадно на себя, что не стрѣльнулъ въ звѣря еще разъ... Съ тѣхъ поръ и стали звать трусомъ; онъ-де отъ того и не можетъ убить медвѣдя, что со страху руки дрожатъ. Однако вскорѣ убѣдили, что не трусъ. Дѣло вышло такъ.

Сидѣлъ Волкъ на полянкѣ, подкарауливая медвѣдя, а одинъ парень и вздумалъ его напугать, побился объ этомъ съ товарищами объ закладъ. Не долго думая, надѣлъ онъ шубу „навыворотъ“ т. е. шерстью вверхъ, да и пошелъ на ту полянку, гдѣ сидѣлъ Волкъ; прийдя къ

изгороди, началъ мять кусты и пыхтѣть; какъ медвѣдь. Ночь была темная, ни зги не видно, и Волкъ, не подозрѣвая злого умысла, взвелъ курокъ и хотѣлъ уже выстрѣлить въ тотъ кустъ, гдѣ засѣлъ парень; однако тотъ услышалъ взводъ курка и крикнулъ: „это я, что ты!..“ Еще нѣсколько секундъ и раздался бы выстрѣлъ... Съ тѣхъ поръ перестали Волка называть трусомъ.

— И много на своемъ вѣку перестрѣлялъ онъ медвѣдей? спросилъ я Миронова.

— Очень много: въ одну осень штукъ десяти стрѣлялъ, но все уходило.

— Что бы это значило?

— Не знаю, какъ вамъ сказать... такой ужъ неудачникъ былъ онъ на медвѣдя...

— Какъ-же онъ подкарауливаетъ медвѣдя: сидя на землѣ?..

— Когда-какъ: если въ овсяную полянку ходить медвѣдь, то большею частью на землѣ, а если на ушибъ, ¹⁾ то на лабазѣ... ²⁾ Лабазъ устраивается больше для того, что съ него виднѣе, нежели съ земли, ну да и то сказать—безопаснѣе; какъ не какъ, а вѣдь медвѣдь—звѣрь, попадись-ка ему въ лапы, такъ изуродуетъ однимъ мигомъ!..

— А случалось, что попадался кто нибудь изъ вашихъ ототниковъ къ нему въ лапы?

— Какъ не случалось? одного до смерти задралъ...

— Расскажите, пожалуйста.

— Извольте! Вотъ какъ было дѣло. Случилась у насъ „ушибъ“, а время было сѣнокосное; подкарауливать медвѣдя некогда; тогда одинъ мужичокъ—Павломъ звали—поставилъ клепецъ; медвѣдь въ ту же ночь и попалъ, и такъ заоралъ, что въ деревню слышно было.

¹⁾ Ушибъ—ушибленное звѣремъ животное.

²⁾ Лабазъ дѣлается такъ: кладутся между двухъ деревьевъ, на высотѣ 2—3 арш. отъ земли, жерди и связываются веревками.

Мужики обрадовались, что „перевели злодѣя“, не будетъ болѣе заирать скотину, а пуще всѣхъ обрадовался, конечно, самъ Павелъ: ждетъ не дождется утра, чтобы идти и добить медвѣдя. На-утро отправились туда чело-вѣкъ 20, кто съ ружьемъ, кто съ рогатиной, а кто и просто съ дубиной. Приходятъ и видятъ, что медвѣдь попалъ задней лапой и стоитъ на дыбахъ, но клепца не можетъ сдвинуть съ мѣста, такъ какъ былъ тяжелый да и привязанъ къ тому-же; но какъ только увидалъ людей, какъ рявкнетъ, да рванется изъ всей силы и оторвалъ лапу-то, да прямо на Павла. Не успѣлъ Павелъ взмахнуть рогатиной, какъ медвѣдь уже сидѣлъ на немъ, а народъ—кто куда бѣжать, въ разсыпную, ну и задралъ бѣднягу...

— Что же съ медвѣдемъ сдѣлали? убѣжалъ?

— Нѣтъ, убили: кто-то залѣзъ на елку да стрѣлилъ и убилъ на Павлѣ уже... Не выдавай товарища,—Павелъ былъ бы живъ; можно было заколотъ звѣря на немъ...

— А, что же Волкъ,—развѣ не былъ при этомъ?

— То-то вотъ и бѣда, что не былъ; онъ не убѣжалъ-бы!..

— Почему говорятъ про Волка, что на его звѣрь бѣжить? не унимаясь, спрашиваю я Миронова.

— Дѣйствительно шелъ на его звѣрь. Говорятъ въ деревнѣ-то, что онъ зналъ „приводную“ статью, и что когда онъ ее прочтетъ, то звѣрю терпѣнья не будетъ, пойдетъ туда, гдѣ сидитъ Волкъ, но я не вѣрю этому... А медвѣдь шелъ къ нему,—тому я не однажды былъ очевидцемъ...

— Всѣмъ извѣстно, насколько хитеръ и чутокъ медвѣдь, какъ трудно его подкараулить: малѣйшее движеніе руки, или шеей пошевелишь, и то непременно услышитъ издали и ни за что не придетъ къ ушибинѣ; пойдѣ же съ Волкомъ, то хоть пѣсни пой на лабазѣ-то, все равно придетъ... Просто диво, да и только!.. Какъ будто мед-

вѣдь знаетъ, что сидитъ тутъ Волкъ и бояться-де нечего: не убьетъ... Мало того, что самъ не убьетъ, но и товарищъ его тоже не убьетъ.

— И вы бывали съ нимъ на охотѣ?

— Нѣсколько разъ, хотя я всегда избѣгалъ этого, потому — бесполезно: все равно не убить мишку... А почему? и самъ не знаю... Презабавный разъ случай былъ, когда мы вдвоемъ сидѣли въ полянкѣ, подкарауливая медвѣдя.

— Расскажите!

— Это было въ августѣ мѣсяцѣ; повадился медвѣдь ходить въ полянку съ овсомъ, да и привыкъ къ ней такъ, что нерѣдко даже до заката солнца ужъ и заберется туда. Вотъ, узнавши, и отправился я туда же да и засѣлъ тамъ къ одной изгороди. Жнецы ушли домой; стемнѣло... Вдругъ что-то хрустнуло у изгороди, а у меня такъ и ёкнуло сердце: будто медвѣдь идетъ, но.. гляжу: Волкъ лѣзетъ черезъ изгородь. „Ну, думаю, чортъ тебя несетъ, какой ужъ съ тобой медвѣдь?..“ Оно можетъ и понапрасну, такъ не слѣдовало думать, да коли у всѣхъ такое сложилось мнѣніе о немъ, такъ что подѣлаешь?.. Просить его, чтобы ушелъ домой и оставилъ меня одного, было бесполезно: онъ всею душею былъ преданъ охотѣ и особенно охотѣ на медвѣдя, котораго во что бы то ни стало задумалъ убить. Значить, оставалось только условиться—гдѣ кому сидѣть? „Ты куда сядешь, Волкъ?“ спрашиваю. „Да я, говорить, вонъ тамъ сяду, сдѣлаю лабазъ, потому—свѣтлѣе стрѣлять“. „Ладно, молъ, только смотри, въ меня не стрѣльни, помни, что я тутъ...“ Волкъ ушелъ. Немного погода, вдругъ что-то хрустнуло въ лѣсу и какъ разъ за мною: дрозды заперелетывали испуганно: вѣрнѣйшій признакъ, что медвѣдь идетъ. „Ну, думаю, слава Богу, ко мнѣ, а не къ Волку...“ Не тутъ-то было! Слышу, что медвѣдь идетъ возлѣ изгороди все дальше и дальше отъ меня, прямо къ Волку. Жду, долго-ли не раздастся

выстрѣлъ? по его все нѣтъ и нѣтъ... Проходить съ часъ времени, и я начинаю уже думать, что это былъ не медвѣдь, а какая нибудь заблудшая корова. Но вотъ, вдругъ что-то затрещало тамъ, гдѣ сидѣлъ Волкъ, и потреску слышно, что упало что-то тяжелое, и затѣмъ кто-то побѣжалъ по лѣсу съ такимъ шумомъ и трескомъ, какъ будто на тройкѣ кто ѣхалъ... „Что, думаю, за чертовщина?.. да это же медвѣдь побѣжалъ?..“ Слышу, наконецъ, стоны Волка, бѣгу къ нему изо всей силы и что же вижу?—лежитъ Волкъ у изгороди и съ мѣста встать не можетъ. „Что, молъ, случилось?“ „Ой, разшибся весь объ изгородь, помощи, родной!..“ „Какъ, говорю, угораздило тебя упасть съ лабаза-то?..“ „Да медвѣдь-то пришелъ, видишь, подъ самый лабазъ, да и зачулъ запахъ дегтемъ отъ саноговъ; остановился, не лѣзетъ въ полянку да и назадъ нейдетъ: стоитъ да нюхаетъ... Миѣ пошевелиться нельзя, да и стрѣлять тоже нельзя, потому—ружье-то направлено было на полянку. Жду: долго-ли не полѣзетъ черезъ изгородь, но терпѣнья не хватило, и сталъ я потихоньку повертывать ружье, чтобы выстрѣлить въ упоръ; какъ самъ-то повернусь на лабазъ,—жердочки-то и раскочились, я—и бултыхъ на него да на изгородь!.. Охъ, моченьки нѣтъ, больно...; помощи дойти до дому...; Веревки-то не взялъ съ собой, не привязаны были, и развѣхались проклятыя!.. А медвѣдь-то какъ заулепетывалъ,—³⁾ слышалъ?..“ „Слышалъ“, молъ, потомъ взялъ я его подъ руки, да и потащилъ домой; едва-едва доплелись тогда...

— А больше не бывали никогда съ нимъ на охотѣ? спрашиваю Миронова.

— Какъ не бывать?—бывалъ; да развѣ отъ него уберешься?.. какъ снѣгъ на голову накроетъ!.. Разъ задралъ у меня медвѣдь корову; искалъ я ее долго, не одинъ день—нѣтъ моей сѣрушки да и все! Пошелъ

³⁾ Улепетывать—удирать, бѣжать.

за осыѣть⁴⁾ и тамъ около одной гряды замѣтилъ, что воронѣ лѣтаетъ съ мѣста на мѣсто и каркаетъ, а это ужъ такая вѣщунъ-птица, что гдѣ она летаетъ—гляди, есть тутъ мертвое тѣло. Такъ и случилось: какъ вошелъ въ чащу лѣса, такъ и увидалъ свою сѣрушку, половинна которой была уже стѣдена. Какъ она попала за осыѣть?—не знаю, но думаю, что какой нибудь ротозѣй забылъ затворить отводъ,⁵⁾ она и прошла туда на свѣжую траву, а тамъ забыла выйти и давай искать его, вотъ и затянулась въ густой дремучій лѣсъ, да мишенькѣ въ лапы и попала. Отыскавъ ее, я сдѣлалъ лабазъ и залѣзъ на него еще засвѣтло. „Ну, думаю, теперь-то ужъ убью медвѣдя, потому что никто еще не знаетъ этой ушибы, да и мѣсто здѣсь глухое, никто не помѣшаетъ медвѣдю прийти...“ Вдругъ въ чащѣ лѣса, буди изъ земли выросъ Волкъ и тоже съ ружьемъ; что, думаю, за оказія: гдѣ ему взяться; не блазнитъ-ли?.. А Волкъ говоритъ „а славная коровка-то была у тя... Экъ, вѣдь, истрепалъ онъ ее!, должно, живуча была?..“ „Ты откуда, молъ, взялся-то?“ спрашиваю его съ досадою. „Да по воронью добрался—больно ужъ ревать...; я тебѣ препятствовать не буду; сиди тутъ, а я гдѣ нибудь подальше сяду: коли мимо пойдетъ, такъ стрѣльну...“ „Дѣлать нечего, молъ, садись гдѣ знаешь,—медвѣдь-то для всѣхъ родня одна, что тебѣ, что миѣ...“

Усѣлся Волкъ гдѣ то съ боку отъ меня. Все стихло.. Темень страшная... Вдругъ раздался выстрѣлъ Волка, вотъ, думаю, счастье то человѣку! убилъ, должно быть, потому что не слышать, чтобы медвѣдь бѣжалъ отъ него; не даромъ-де говорятъ, что на его звѣрь идетъ,—такъ оно и есть...; „сiju, даже досада беретъ... Раздается еще выстрѣлъ,—это, молъ, доколачиваетъ, чтобы не убѣгъ... Кричу: „что убилъ?“ „убилъ!“ отвѣ-

⁴⁾ Изгородь вокругъ скотскаго выгона.

⁵⁾ Отводъ—затворъ въ изгороди.

часть. Слѣзь я съ лабаза, и онъ тоже, сошлись, и началъ я спрашивать его: великъ-ли медвѣдь, да какъ замѣтилъ его? и т. п., отвѣчаетъ: „небольшой, должно медвѣжонокъ, потому что съ первой пули наповаль убилъ, а второй разъ выстрѣлили ужь такъ-себѣ, для очищенія совѣсти, чтобы не убѣгъ, какъ прежніе...“ На-утро взялъ Волкъ трехъ человекъ и отправились; пошелъ и я за ними. Приходимъ, глядь: „да, вѣдь, это мой Лыско;“ крикнулъ внѣ себя Волкъ, увидавши свою мертвую собаку. „Вотъ такъ ловко!“ говорятъ сосѣди: медвѣдь-то у тебя съ хвостомъ...“ и пошли зубить⁶⁾ надъ бѣднымъ Волкомъ. А онъ стоитъ и молчитъ, грустный прегрустный, даже слезы на глазахъ выступаютъ... и стыдно-то ему, да и собаки жаль, потому что собака была рѣдкостная: всякаго звѣря чутьемъ находила, не только по слѣду; даже наканунѣ этой исторіи Волкъ убилъ изъ-подъ нее куницу, а цѣна ей вѣдь 5—6 руб., это расчетъ для мужика!..

— Какъ-же собака могла попасть туда? спрашиваю Миронова.

— Попасть очень просто; оставилъ онъ ее дома, да непривязанную, вотъ и прибѣжала къ нему по слѣдамъ; а ночь, какъ говорилъ, была темная, собака-то была у него большая и черная, за медвѣжонка принять очень просто... Въ томъ случаѣ, когда идутъ подкарауливать медвѣдя, то собаку привязываютъ; такъ-бы сдѣлалъ и Волкъ, еслибы съ дому пошелъ на это дѣло, но вѣдь онъ узналъ объ ушибѣ въ лѣсу, идя съ какой-то работы... Такъ Волкъ и прожилъ всю жизнь, не убивъ ни одного медвѣдя; убить-то положимъ, убивалъ, да все съ пуста пропадали...

— Давно-ли онъ померъ?

— Года два назадъ. Изъ-за медвѣдя вѣдь и номеръ-то: подкарауливалъ его, а ночь-то была холодная, ясная,

съ вѣтромъ; время было уже около Покрова, простудился, да и не могъ ужь выздоровѣть... И хотѣлось же ему, должно быть, убить медвѣдя: и безъ памяти! когда лежалъ, все только о медвѣдѣ и бредилъ да прицѣливался руками-то... Эхъ, жизнь наша горькая! закончилъ Мироновъ.

⁶⁾ Зубить—насмѣхаться.

СЕЛО ШАТАЛОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

Село Шаталово, „Шьяное тожь“, какъ въ шутку зовуть его сосѣди, расположено на правомъ берегу Сухоны; на лѣвомъ же берегу ея, какъ разъ напротивъ, находится церковь во-имя св. муч. Мины, и нѣсколько домовъ церковнаго причта, или иначе— „поповка“. А вокругъ все—лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ; лишь по самому берегу Сухоны тянется лугъ или „сѣнокосъ церковниковъ“. Деревень, ближе 6-ти верстъ отъ Шаталова, нѣтъ, уѣздный же городъ—Захудаловскъ—лежитъ за 150 верстъ.

Село это вытянулось по берегу Сухоны чуть не на версту; постройки же въ немъ расположены самымъ беспорядочнымъ образомъ: ни правильной прямой улицы; ни должнаго разрыва межъ домами нѣтъ и въ поминѣ; очевидно, строились старики такъ, какъ кому „Богъ на душу положить“.

Однако видъ на Шаталово все же прелестный, особенно весною, когда Сухона разольется широко, заливая поповскіе луга и отражая въ своихъ водахъ церковь, дома и лѣсъ, тянущейся густою чащею. Словомъ сказать, со стороны,—это тихій лѣсной уголокъ, способный навѣять на измученную душу миръ и успокоеніе. Дома шаталовцевъ представляли громадныя, бревенчатые „пятиствѣнки“, т. е. 5 саж. по-лицу, 10—12 саж. (съ дворомъ) въ длину, и въ большинствѣ случаевъ двухъэтажныя, съ разными хозяйственными постройками: хлѣвами, погребами и т. п. Внизу такихъ „хороминь“ жили хозяева зимою, а вверху—весною, лѣтомъ и

осенью, до наступленія „стужи“. У кого же домъ былъ одноэтажный, то рядомъ съ нимъ, гдѣ нибудь съ боку, неизбѣжно пристраивалась „зимовка“, т. е. изба для зимняго житья.

Всѣ эти пристройки, не исключая и гумень, были крыты хорошимъ сосновымъ тесомъ, ибо земли у шаталовцевъ было „вволю“ и лѣсокъ былъ свой, непокупной.

Что касается характера и нрава обывателей села, то, когда я жилъ въ немъ—лѣтъ 15 назадъ—всѣ они отличались тихостію, трудолюбіемъ и честностію; вообще жизнь вели самую патриархальную и трезвую. Занимаясь кромѣ хлѣбопашества дегтекурениемъ и имѣя вволю собственной земли, они въ матеріальномъ отношеніи были обеспечены, и никакой „недоимки“ въ платежахъ за ними споконъ-вѣка не числилось; потому-то и ставной приставъ всегда ставилъ ихъ въ образецъ добропорядочности прочимъ крестьянамъ его стана.

— Вотъ у меня шаталовцы—такъ молодцы: не уснѣешь сказать, какъ они и тащутъ деньги, всѣ до копѣечки, сколько требуется, безъ всякихъ разговоровъ!.. Вы брали бы примѣръ съ нихъ...

— И мы рады бы заплатить, ваше благородье, да коли нѣту-ти ни гроша, такъ что подѣлаешь?.. Кабы земли-то было и у насъ вволю, какъ у шаталовцевъ, тогда и расговоровъ бы не было, а то одной ренды за покось, значить, приходится платить въ кажинный годъ рублей по 20-ть, по 30-ть съ дому, такъ гдѣ ужъ намъ... Наживы-то нонѣ какія? сами знаете, ваше благородье!.. Почитай,—голодомъ сидимъ... возражаютъ недоимщики.

— А кто виноватъ?—сами же! Кабы не промигали, купили у своего помѣщика оставшуюся позанадѣльную земельку, и вы жили бы хорошо, а то: „земля Божья, съ собой никто не унесетъ“, горланили. Вотъ тебѣ и не унесетъ!.. передразнивалъ ихъ приставъ, описывалъ „разную подвижность“.

Сами же шаталовцы, при уплатѣ разныхъ повинностей, говорили:

— Какъ можно накопить недоимку? нельзя! все равно спросится же когда нибудь, лучше ужъ сразу отдать, да и дѣлу конецъ!..

Они въ то время какъ бы и не подозрѣвали того, что недоимка можетъ накопиться и помимо желанія накопить ее, просто въ силу бѣдности. Будучи зажиточными, они не допускали и мысли обѣдненія; а если у кого-либо изъ нихъ и случалось несчастье: заводъ-ли сгорить, лошадь-ли падеть и т. п., то „съ міру по ниткѣ, а голому—рубашка“, скажутъ они ему и помогутъ сосѣду.

Да, хороша сытая жизнь крестьянства!

Намолотятъ, бывало, шаталовцы хлѣба (который родился всегда хорошо, ибо скота держали по многу, 10—15 коровъ у каждаго, слѣдовательно, и земля удабривалась отлично), смеютъ его на своей общественной мельницѣ и заберутся старики по зимамъ на свои дегтярные заводы, бесѣдуя тамъ по вечерамъ о разныхъ житейскихъ дѣлахъ, „быляхъ“ и „небылицахъ“. А такъ какъ они „отъ проѣзжихъ только знаютъ о бѣлокаменной Москвѣ“, проѣзжихъ же въ то время было очень мало, а самимъ рѣдкому изъ нихъ удавалось бывать даже и въ своемъ Захудаловскѣ (развѣ въ число присяжныхъ попадетъ кто-либо?), то всѣ эти были относились къ хозяйству и къ лѣсу, особенно къ лѣсу: объ охотѣ на медвѣдя, объ его проказахъ, о волкѣ, векшѣ, зайцѣ и т. д., равно и въ самыхъ небылицахъ фигурировали тѣ-же животныя, съ дополненіемъ лѣшихъ, домовыхъ, банника, кикиморы и тому подобныя таинственныхъ существъ. Развѣ какой нибудь солдатъ вернется къ нимъ въ компанію, ну, тогда другое дѣло: медвѣди и лѣшіе отходятъ на второй планъ, а на первомъ появляется „турка“, „Крамшлатъ“, „Одеста“ и проч.

И любили же старички послушать какогонибудь словоохотливаго „солдапера“, рассказывавшаго иногда такую чертовщину, что просто уши вянутъ, но это-то именно и правилось старичкамъ, потому—„занятно!..“

Молодежь въ то время по днямъ возила сѣно, дрова, воду, словомъ—занималась хозяйствомъ по дому, а по вечерамъ собиралась на „бесѣду“, оба пола вмѣстѣ, гдѣ дѣвицы пряли ленъ, а парни ворковали имъ про любовь свою. Но такъ какъ воркованіе, хотя бы и пріятное, объ одномъ и томъ же предметѣ цѣлые вечера въ концѣ концовъ и наскучить, то для разнообразія дѣвицы пѣли пѣсни и гадали о „суженомъ“, а парни устраивали самыя невинныя игры, тоже патріархальныя, вполнѣ соотвѣтствовавшія тогдашнему понятію ихъ о развлеченіи.

Возьмемъ для примѣра игру въ „лодыжки“. Берутъ два парня штукъ 30 лодыжекъ, т. е. косточекъ изъ овечьихъ ногъ, и раскидываютъ ихъ по столу, которыя разлетаются, и по тому, какое положеніе примутъ, получаютъ и свое названіе въ игрѣ, а именно: лежащая плашмя и ямкой къ верху называется „ямка“; лежащая также плашмя, но горбкомъ къ верху—„горбокъ“; лежащая гладкимъ бокомъ къ верху называется „быкъ“, ямкой къ верху—„телка“ или „телица“. Затѣмъ игрокъ, которому досталась очередь играть, щелкнетъ пальцемъ по одной изъ этихъ лодыжекъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобъ она отлетѣла и попала въ другую, по непремѣнно таковую же, т. е. если щелчокъ послѣдовалъ по ямкѣ, то требуется, чтобъ полетѣвшая ямка и попала въ ямку, не задѣвъ приэтомъ прочихъ лодыжекъ. Удачно попавшій беретъ одну изъ лодыжекъ и продолжаетъ игру далѣе, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ промаха или не задѣнетъ другую; въ томъ и другомъ случаѣ игрокъ лишается права продолжать игру. Послѣ его ошибки играетъ уже партнеръ его и продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока также не сдѣлаетъ ошибки, лишаю-

щей и его права на продолженіе игры; въ этомъ случаѣ опять начинаетъ играть первый изъ нихъ, и такъ продолжаютъ чередоваться, пока всѣ до одной лодыжки не будутъ сыграны, когда же это послѣдуетъ—партія кончена.

Послѣ этого считаютъ лодыжки, и у кого окажется ихъ болѣе, чѣмъ слѣдовало бы ему сыграть на свой пай— $1/2$ —, тотъ, значитъ, выигралъ и свой излишекъ сверхъ пая отдаетъ своему партнеру, по за плату: за каждую лодыжку по одному щелчку по лбу его. Въ этомъ—весь интересъ игры. Если сыграли по-ровну все число лодыжекъ,—игра считается „нивчью“.

Затѣмъ опять играютъ слѣдующую партію и т. д.

По окончаніи игры лодыжки возвращаются тому, у кого онѣ были взяты, и игроки, разукрасивши синиками и плисками свои лбы, расходятся по домамъ, „вдоволь“ нахохотавшись при этомъ.

Вотъ какъ играла и веселилась шаталовская молодежь, лѣтъ 15-ть тому назадъ!

Были, правда, среди парней и „азартныя“ игры съ денежнымъ ущербомъ, но какія?

Кстати, познакомимъ читателя съ одной изъ нихъ: рубка калачей къ стулу.

Кладется калачъ на полъ вертикально и такъ, чтобы онъ плотно прилегалъ къ стулу, которымъ бываетъ просто деревянный обрубокъ; затѣмъ его требуется перерубить однимъ ударомъ топора. Вся трудность тутъ заключается въ правильности удара: на $1/4$ дюйма ударишь пониже, то топоръ уйдетъ въ полъ и калачъ будетъ цѣлъ; если на то-же растояніе взять повыше, то нижняя часть калача останется перерубленною. Наградой выигравшему служитъ отдача безвозмездно перерубленнаго калача, покупаемаго у мѣстнаго пекаря, цѣною по 1 коп. за штуку; не перерубившій—долженъ заплатить своему партнеру за калачъ двойную сумму, т. е. 2 коп.

Въ этомъ и вся игра.

Такъ текла жизнь шаталовцевъ въ то—назову—
доброе время, потому доброе, что оно было сытое и
спокойное для нихъ...

II.

Посмотримъ же теперь, что сталося съ Шаталовымъ,
когда я вновь посѣтилъ его чрезъ пятнадцатилѣтній
періодъ времени?

Теперь оно—неузнаваемо: во-первыхъ, разрослось
оно чуть не вдвое, во-вторыхъ постройка, и прежде-то
не отличавшаяся правильной планировкой, теперь пред-
ставляла собою положительно „кавардакъ“, какую-то
кучу развалинъ безъ начала и конца, изъ которой лишь
при внимательномъ взглядѣ мало по-малу вырисовывается
то домъ безъ крыши, то остатокъ какого-то дома, боль-
шая половина котораго, очевидно, отломана и увезена
куда-то; то новая крыша на скривившейся на бокъ ста-
рой „хороминѣ“, напоминающей собою проходящимъ
мимо о бренности жизни земной... Однимъ словомъ все
указывало на „непорядокъ“ села, на беспорядочную
жизнь его обитателей, какъ бы этотъ непорядокъ слу-
чился отъ нашествія иноплеменныхъ, вслѣдствіе чего
шаталовцы были выбиты изъ обычной колеи жизни и
не успѣли войти въ нее вновь.

За то подгорная часть Шаталова, расположенная
на самомъ берегу рѣки, выглядывала очень чисто, со-
вершенно городкомъ: домъ волостнаго правленія, въ
немъ же и школа, дома четырехъ богачей изъ шата-
ловцевъ же, превратившихся теперь въ купцы, были
окрашены въ бѣлые и зеленые цвѣта, а крыши на нихъ
неизмѣнно муміей; вокругъ домовъ понадѣланы палисад-
нички, засаженные разными деревьями, клумбами цвѣ-
товъ и съ парничкомъ, въ каждомъ для огурчиковъ
„на закусточку“; вывѣски надъ лавками богачей сіяли

позолотою, а такихъ заведеній было четыре: 3 лавки
„сѣстные“, въ нихъ же мапуфактура и деготь, и одинъ
ренсковый погребъ.

Прибавьте къ этому еще квартиру земскаго началь-
ника, затѣмъ квартиру лѣсничаго, наконецъ доктора и
двухъ фельдшеровъ, акушерки, полицейскаго урядника
и земской стапціи, а на лѣвомъ берегу Сухоны—помѣ-
щеніе земской больницы, все это, вмѣстѣ взятое, броси-
лось мнѣ въ глаза странной новизною.

Хотя всѣ эти квартиры помѣщались въ крестьян-
скихъ домахъ—за исключеніемъ больницы, находившейся
въ домѣ приходскаго попечительства,—но въ большин-
ствѣ случаевъ отдѣланы самими квартирантами и на
городской фасонъ. Прежде же кромѣ волостнаго прав-
ленія, и то помѣщавшагося въ крестьянскомъ домѣ, а
не отдѣльно выстроеннаго, какъ теперь, ничего не было,
что указывало бы на присутствіе въ Шаталовѣ цивили-
заціи.

Къ прискорбію, я долженъ замѣтить, что церковь
постигла та же участь, что и тѣ захудалшіе, изуро-
дованные дома: крыша на ней покрылась зеленымъ мо-
хомъ, штукатурка мѣстами облетѣла, куполы и кресты
поблекли,—все указывало на то, что за прошедшіе пол-
тора десятка лѣтъ она едва-ли была отремонтирована,
что, весьма понятно, сразу же при вѣздѣ въ Шата-
лово шокировало мое чувство при видѣ чистенькой зар-
рѣчной постройки домовъ...

По приѣздѣ своемъ въ Шаталово, я тотчасъ же от-
правился къ другу дѣтства—Алексѣю Степановичу Кру-
тикову; съ нимъ мы вмѣстѣ росли, вмѣстѣ у дѣячка
учились „по букварю“, но затѣмъ насъ судьба разлу-
чила, и со дня моего отъѣзда мы изрѣдка только ви-
дѣлись; но переписываться никогда не переставали.

Изъ этой переписки съ Алешей, а равно и съ дру-
гими шаталовцами, я зналъ, что отецъ его—мѣстный
крестьянинъ—померъ, оставивъ ему 2—3 тысячи ка-

питалець; получивши деньги, Алеша, сгорая жаждою знанія, то и дѣло въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ выписывалъ книги, не желѣя денегъ, дабы „самообразоваться“.

Продолжая самообразование, онъ имѣлъ благородную цѣль: принести знаніемъ посильную пользу своему краю, своимъ „темнымъ“ братьямъ. Вычитаетъ что-либо хорошее въ книжкѣ и сейчасъ же прпмѣняетъ это на практикѣ. Напр., вычитавъ о пользѣ травосѣянія для сельскаго хозяйства, онъ тотчасъ же шлетъ деньги на сѣмена тимофеевки и клевера и засѣваетъ ими „пробную“ десятину земли. Для этого было у него, особо отъ сосѣдей, распахано три десятины земли, отведенной ему послѣдними бесплатно: „пусть, говорятъ, пробуетъ!“ Вычитаетъ о нлугѣ, о вѣялкѣ—онъ выписываетъ и ихъ; вычитаетъ о пользѣ сыровареннаго дѣла, онъ, „ни что же сумняшеся“, строитъ и сыроваренный заводъ и т. п.

Но такъ какъ знаніе свое онъ получалъ только изъ книгъ и притомъ безъ всякаго руководителя, то вскорѣ же убѣдился, что всѣ его „затѣи“ мало приносятъ пользы народу (исключая, впрочемъ, тимофеевки, которая привилась въ краѣ и приноситъ большую пользу крестьянамъ), а его ведутъ къ раззоренію; убѣдившись,—онъ сразу же покончилъ съ этимъ дѣломъ и уѣхалъ въ губернской городъ съ цѣлію продолжить свое самообразование подъ чьимъ-либо руководствомъ... Но жизнь въ городѣ, съ его вѣчной погоней за наживой и карьерою, надувательствомъ, интригами и разными несправедливостями въ отношеніяхъ между богатыми и бѣдными, между властью имущими и ихъ подчиненными,—вскорѣ представилась ему во всей своей ужащающей наготѣ и опротивѣла до такой степени честной душѣ Алеши, что онъ черезъ годъ буквально бѣжалъ изъ города и болѣе не покидалъ уже своего села.

III.

Но не даромъ этотъ годъ прожилъ Алеша въ городѣ: кое-чему научился, кое-что понялъ и изъ этого „кое-чего“ у него составилось твердое убѣжденіе, что „единственно разумная жизнь можетъ быть только въ деревнѣ, жизнь съ народомъ, въ трудѣ, въ потѣ лица добывать себѣ хлѣбъ; любить и другихъ учить любить другъ друга, словомъ,—та жизнь, которую я было покинул“, писалъ онъ мнѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ. „Любить, помогать въ чемъ можно, и учить—вотъ все, что я думаю дѣлать по возвращеніи на родину“, закончилъ онъ свое письмо; пріэтомъ извѣщалъ, что сдалъ экзаменъ на народнаго учителя и получилъ свидѣтельство.

Шаталовцы приняли его съ радостію и стали обращаться къ нему, какъ къ человѣку бывалому, за совѣтами въ какихъ-либо затруднительныхъ случаяхъ,—въ толкованіи правъ и обязанностей по отношенію къ начальству и во взаимныхъ отношеніяхъ. Хотя Алеша въ толкованіи законовъ былъ не силенъ, но тѣмъ не менѣе, опираясь на свой здравый смыслъ (а законы вѣдь всѣ основаны на здоровомъ смыслѣ!), онъ многе разъяснилъ весьма удачно и вполне согласно съ тою или другою статьею, почему и прослылъ въ своей мѣстности „законникомъ“.

Къ нему то и дѣло приходили за совѣтомъ крестьяне не только своей волости, но даже изъ сосѣднихъ и онъ съ каждымъ дѣлился тѣмъ, что зналъ; писалъ прошенія, заявленія и т. п. и все это, разумѣется, бесплатно. Когда же, бывало, встрѣтился такое дѣло, котораго не зналъ, то онъ во всякомъ случаѣ направлялъ просителя туда, куда надлежало. Съ особеннымъ рвеніемъ занимался онъ дѣлами обиженныхъ, угнетенныхъ, потернѣвшихъ „занапрасно“ отъ сильныхъ и богатыхъ: тутъ онъ весь отдавался дѣлу; горе и скорбь обижен-

наго становилась тогда еще большею скорбью его самого лично...

Когда же Алеша сдѣлался гласнымъ,—онъ былъ избранъ крестьянами единогласно,—то слава о немъ, какъ рьяномъ заступникѣ правъ угнетенныхъ и смѣломъ борцѣ за правду, сразу распространилась по всему уѣзду. Въ первомъ же собраніи онъ увидѣлъ „грѣшки“ земскихъ заправилъ, напр. несоразмѣрность обложенія земскою повинностью съ доходами земель, принадлежащихъ мелкимъ землевладѣльцамъ-крестьянамъ: они платили слѣдующимъ много, тогда какъ крупные землевладѣльцы облагались ничтожною суммою, сравнительно съ получаемыми ими доходами, да и эти ничтожные оклады въ большинствѣ случаевъ числились въ недоимкѣ за ними. Управа, очевидно, стѣснилась настойчиво требовать уплаты недоимокъ съ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые были чуть не всѣ земскими гласными, отъ чего земскій сундукъ всегда былъ пустъ, и служащіе по земству, особенно „мелкая сошка“^{*)} часто не получали по 6-ти мѣсяцевъ своего грошевого содержания, а потому чуть не умирали съ голоду.

Что же касается до получения земскаго сбора съ мелкихъ землевладѣльцевъ, то сборъ этотъ взыскивался съ нихъ почти безнедоимочно: нерѣдко и послѣднія коровенка у крестьянина шла на пополненіе земскаго бюджета. Далѣе. Изъ книгъ земской управы Алеша увидѣлъ, что всѣ земскія станціи содержатся большею частью самими гласными, и за невѣроятпо-дорогую цѣну, отдавались же управою безъ торговъ, „хозяйственнымъ способомъ“.

Всѣ такія несправедливости глубоко затронули его, онъ горячо возсталъ противъ такихъ порядковъ, чѣмъ и вызвалъ на собраніи цѣлую бурю. Однако, все же

*) Выраженіи не наше, а одного изъ заправилъ захудаловскаго земства.

кое-чего удалось ему достигнуть: рѣшено было станціи на будущее время отдавать съ торговъ и по возможности мѣстнымъ крестьянамъ, фактическимъ содержателямъ ихъ; землю переоцѣнивать снова; затѣмъ расходы по содержанію управы, доходившіе до чудовищныхъ размѣровъ, сократили на 3 тыс. руб., каковую сумму и распредѣлили между учителями народныхъ школъ и фельдшерами, получавшими прежде грошевыя содержанія.

На слѣдующій затѣмъ годъ не забылъ Алеша и свое Шаталово: по его инициативѣ, открыта тамъ земская школа и больница. Но не легко все это досталось ему; на его стали косо смотрѣть заправилы захудаловскаго уѣзда и всячески начали „допимать“. Когда же Алеша сдѣлался учителемъ и имѣлъ неосторожность корреспондировать въ газеты, выводя на свѣтъ Божій разныя темныя дѣлишки богатыхъ и „промахи“ начальствующихъ лицъ, то всѣ, какъ сговорившись, начали положительно „гравить“ его, и вскорѣ же замѣшали въ одну „исторію“, принесшую не мало хлопотъ и горя Алешѣ.

Хотя эта исторія окончилась ничѣмъ, все разъяснилось, какъ и слѣдовало ожидать, но, однако, отъ учительства пришлось отказаться, и это послѣднее обстоятельство такъ огорчило, такъ потрясло всѣ его душевныя силы, что изъ прежняго разговорчиваго и веселаго человѣка онъ сталъ чрезвычайно молчаливъ и раздражителенъ. Да и не удивительно: доносъ послѣдовалъ отъ одного изъ „темныхъ сихъ“, для просвѣщенія которыхъ онъ хотѣлъ посвятить всю свою жизнь.

IV.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я получилъ отъ Алеши письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что „надумалъ жениться“, хочу-де „закупориться и не знать

ничего, кромѣ будничныхъ интересовъ, интересовъ желудка...“ „Найти утѣшеніе отъ всѣхъ золъ и папастей въ семейной жизни“ и т. д. и приглашалъ меня пріѣхать на свадьбу. Письмо было длинное, въ которомъ онъ откровенно, какъ всегда, излагалъ мнѣ всѣ свои помыслы и желанія на счетъ своей будущей жизни, свой взглядъ на „тихую пристань“, куда онъ, по здравомъ размысленіи, рѣшилъ закинуть свой якорь.

Ѣхать на свадьбу, однако, мнѣ нельзя было по своимъ дѣламъ, хотя и страстно хотѣлось, а потому, пожелавъ ему всѣхъ благъ міра сего, я убѣдительно просилъ сообщить,—какая чародѣйка его плѣнила? Зная его спартанскій образъ жизни, характеръ и прежній взглядъ на супружество, какъ на оковы, связывающія человѣка „по рукамъ и по ногамъ“; я представлялъ поэтому его невѣсту не иначе, какъ чародѣйкою. Но на свое письмо я не получилъ желаемаго отвѣта.

Полгода спустя, я опять получаю отъ него еще болѣе странную новость: онъ пишетъ мнѣ, между прочимъ, что выкупилъ свой участокъ надѣльной земли, построилъ химическій, для сухой перегонки дерева, заводъ, на которомъ вырабатываетъ уксусно-кислый порошокъ, и перечислился въ купеческое сословіе. Это послѣдняя новость, какъ громомъ, поразила меня... „Алеша—купецъ!“ думаю я и никакъ не могу вообразить его купцомъ. Я потому не могъ представить себѣ такую рѣзкую переѣну въ его жизни, что всѣ купцы въ моемъ воображеніи представляются толстопузыми и толстосумами, черпающими чуть не лопатами золото, а у Алеша, какъ я зналъ, денегъ было не много и вся его фигура ничего общаго съ купеческою не имѣетъ. „Развѣ приданнаго много взялъ за женой?“ мелькнуло у меня въ головѣ, по опять, зная не разъ высказываемое имъ мнѣніе на счетъ корыстныхъ жениховъ, я не могъ допустить, чтобы онъ сталъ „продажной душой...“

Такъ и остался его переходъ въ купечество загадкою для меня. Дальнѣйшія его письма ко мнѣ становились все короче и короче, да и получались рѣже. Изъ нисемъ же другихъ шаталовцевъ я зналъ, что Алеша началъ „попивать“, что меня не мало огорчило...

Теперь понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ я желалъ видѣть его и, когда пріѣхалъ въ Шаталово, то чуть не бѣжалъ къ нему, чтобы поскорѣе узнать,—какъ живетъ и купечествуетъ онъ?..

V.

Домъ Алеша былъ хотя старый, но, недавно опушенный тесомъ и выкрашенный краскою небеснаго цвѣта, выглядывалъ довольно прилично. Неподалеку отъ дому находился его заводъ, очевидно недавно выстроенный; надъ воротами его была прибита вывѣска съ громкой надписью: „Химическій заводъ Крутикова“.

Когда подошелъ я къ дому, на меня бросилась цѣлая стая собакъ, выпрыгнувшихъ изъ воротъ нижняго этажа. „Ого! да онъ никакъ и охотникъ, къ тому же?“ подумалъ я. Въ это время вдругъ растворилось вверху окно и раздался голосъ Алеша: „Альма! Пиратъ! тубо!“ „А! кого я вижу?“ крикнулъ онъ, хлопнувши окно и быстро выскочилъ по лѣстницѣ на улицу, схватилъ меня въ объятія и потащилъ въ комнату, спрашивая на ходу: „давно-ли? на долго ли?..“

—Анюта! вели тамъ кому нибудь поставить самоваръ поскорѣе, да закуски принеси,—гость у меня! крикнулъ онъ, входя въ комнату.

Выходитъ средняго роста молодая женщина; завидя меня, кивнула головой и хотѣла было идти далѣе, но была остановлена моимъ пріятелемъ:

—Ахъ, да! спохватился онъ; рекомендую: моя жена Анна Александровна, или по просту—Анюта, а это, указавъ онъ на меня, мой другъ А. А., о которомъ я не разъ говорилъ тебѣ, Анюта!..

Мы вторично поздоровались и на этот раз рука за руку.

— Ну, садись, как живешь-можешь? говорит онъ, усаживаясь на стулъ.

— Не женился еще? неожиданно спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчаю.

— Вотъ счастличикъ!

— Почему же: „счастличикъ?“ Развѣ жизнь женатаго хуже холостой, бродяжнической жизни?.. Не бойсь, самъ-то женился!.. говорю ему.

— Вотъ потому-то и считаю счастличикомъ, что знаю на опытъ жизнь женатаго, раздвоившагося, такъ сказать, человѣка. Но объ этомъ послѣ... Вообще, братъ, скверно живется... душа болитъ...

— Неужели ты въ пессимизмъ ударился, Алеша? Мнѣ кажется, да и судя по всему, тебѣ живется не дурно?—замѣчаю я, оглядывая его довольно приличную обстановку.

— Да я не въ матеріальномъ отношеніи говорю, а въ нравственномъ, просто—душевномъ. Понимаешь: душа болитъ, и такъ порою, что не глядѣлъ бы и на свѣтъ Божій... Все пошло, знаешь, по новому, а старое перевернуто вверхъ дномъ... Добро бы изъ стараго было перевернуто то, что худо—такъ нѣтъ! худое-то еще стало хуже, а все лучшее, какъ-то: простота нравовъ, патріархальность семьи, не говоря уже о чести и совѣсти—все пошло къ чорту, и остался отъ всего этого какой-то угаръ, и вмѣсто полезнаго труда—толченіе воды въ ступѣ да исполненіе различныхъ приказаній... Ужь больно много и начальства-то расплодилось теперь по деревнямъ, и всѣ-то тебѣ, деревенскому жителю, „предписываютъ“, да „приказываютъ“.

— Да что же они тебѣ могутъ приказывать?

— Теперь-то, положимъ, ничего особеннаго, а было, братъ, время, что и я рыбу ловилъ для земскаго начальника и мелъ улицу по приказу урядника.

— Какъ это: „рыбу ловилъ?“ спрашиваю.

— Да очень просто: ѣдетъ, бывало, къ нему гость, а угощать нечѣмъ, вотъ онъ и зоветъ насъ по чело-вѣку съ дому рыбу ловить неведомъ, на уху гостю, значитъ. Конечно, это не приказъ, а „зовъ“, по равносилепъ приказу: не послушай, такъ къ чемунибудь да придерется и тогда достанется ослушнику „на орѣхи...“

— Какъ онъ или кто другой можетъ придраться, коли все законно дѣлаешь? Что-то ужъ очень непонятно... не преувеличиваешь-ли?..

— Нисколько. Бывали примѣры, потому и говорю; придраться же во всякое время могутъ: па сходъ поздно явился, улица не чиста, въ такой-то праздникъ въ церкви не былъ, да мало-ли къ чему?.. Эхъ, выпьемъ, что-ли, братъ, „съ холоду да съ горя!“ вздохнувши сказалъ онъ, наполняя рюмки водкой.

— Не изъ-за того-ли ты и вышелъ въ кушцы, что боишься близости начальства? спрашиваю его.

— Нѣтъ, бояться я не боюсь, но повадился тутъ одинъ изъ близко стоящихъ къ властямъ, нѣкто Хлыщевъ, ходить ко мнѣ и просить денегъ взаймы, а платить не платить: лучше и не проси—бѣда! Вижу я, что онъ меня раззорить, вотъ я и надумалъ выписаться въ купеческое сословіе, что и удалось выполнить. Сдѣлавшись купцомъ, я тотчасъ же предъявлялъ къ нему искъ! что тогда поднялось, но ничего уже не могъ подѣлать.. „Ушелъ, говорить, изъ рукъ ушелъ!“ какъ будто я дойная корова былъ для него? Однако, долженъ былъ разсчитаться... Да и это бы ничего, по главное—права купца болѣе ограждены, вотъ что и понудило перейти въ это сословіе... Еще по единой махнемъ!..

— Не часто-ли будетъ? говорю ему, но онъ уже успѣлъ выпить свою рюмку; очевидно, подобныя воспоминанія затрогиваютъ его, что называется, „за живое“. Но мнѣ хотѣлось знать болѣе подробно, а потому сиро-

силъ: да кто же такой Хлыщевъ-то? это не тотъ-ли помѣщикъ, который мировымъ посредникомъ служилъ?

— Нѣтъ, сынъ его.

— Ну, а теперь, когда ты сдѣлался купцомъ, Хлыщевъ этотъ по прежнему занимаетъ у тебя деньги, или не даешь?..

— Конечно, занимаетъ и точно такъ же не платитъ, по крайней мѣрѣ вѣжливо спросить каждый разъ, могу-ли я еще столько-то времени подождать?.. Мало того—теперь и въ гости къ себѣ приглашаетъ, совсѣмъ уже не тотъ сталъ...

— Что, онъ только съ тобою поступалъ такъ, или со всѣми?

— У всѣхъ бралъ, безъ исключенія, которые по близости живутъ... Я-то еще что! съ другими хуже было. Вотъ, напр., Капустинъ, вздумалъ разъ не отпустить ему какого-то товару, такъ Хлыщевъ какимъ то образомъ добился того, что Капустина свой же волостной судъ за какія-то пустяки приговорилъ къ розгамъ, да по счастью уѣздный сѣздъ отмѣнилъ это рѣшеніе. Но все же перспектива быть выпоротымъ такъ повліяла на Капустина, что онъ собралъ послѣдніе гроши и тоже вышелъ въ купцы... Эхъ выпьемъ!..

— Куда же Хлыщевъ такъ много денегъ-то тратитъ? кутить, что-ли?.. Вѣдь, кажется, у него громадное имѣніе, и навѣрное получаетъ хороший доходъ?..

— Какое тамъ имѣніе, все прожито давно, только числится за нимъ... Что же касается того, куда онъ деньги тратитъ, то посмотри-ка на его семью: вѣдь чуть-ли не 20 ротвъ, каждый пить-ѣсть хочетъ... Жена и 5 или 6 человекъ дѣтей, кромѣ того любовница, а прислуги-то сколько?—страсть! и все это стадо кормится отъ него..

— Жена и любовница—это чортъ знаетъ что такое!.. Вѣдь это же безнравственно...

— Гмъ!.. безнравственно... Да неужели ты не зна-

ешь, что эта вещь стала археологической рѣдкостью?.. Да, впрочемъ, не стоитъ объ этомъ говорить, лучше выпить! заключилъ онъ, наполняя рюмки.

Но я наотрѣвъ отказался пить, Алеша же все чаще и чаще началъ прикладываться къ рюмкѣ... Посидѣлъ еще съ полчаса, послушавъ его сѣтованія о пустотѣ и безсодержательности жизни вообще, и своей—въ частности, и видя, что онъ уже начинаетъ хмѣлѣть, я считъ за лучшее уйти.

— До свиданія пока! говорю ему; я пойду отдохну съ дороги, да и тебѣ не мѣшаетъ послѣдовать моему примѣру...

— По-осиди, голубчикъ! поговоримъ... Душа, понимаешь, болить... говорить онъ, пошатываясь.

— Завтра зайду, сказалъ я и вышелъ.

„Неужели все, что онъ говорилъ, правда?“ думалъ я, идя къ своему родственнику, у котораго остановился. „Вѣдь нельзя думать, чтобъ онъ могъ солгать, да и съ какой стати?.. Однако, какъ быстро измѣнилось все въ Шталовѣ и.. къ худшему, что за причина этому?“ задавалъ я себѣ вопросы, оглядывая знакомыя мѣста. Но выпитая водка и утомленіе отъ долгаго пути сдѣлала свое дѣло: придя къ родственнику, наскоро раздѣвшись, я легъ спать и сейчасъ же заснулъ.

VI.

На-завтра былъ воскресный день и я, проснувшись, одѣлся и отправился въ церковь. Послѣ обѣдни батюшко пригласилъ меня къ себѣ на чашку чая; поговоривши съ нимъ о „скудности“ мірянъ его прихода, отправился опять къ Алешѣ, котораго засталъ горячо разговаривавшимъ съ какими-то двумя господами, оказавшимися однимъ докторомъ, а другой земскимъ дѣятелемъ, тѣмъ самымъ Хлыщевымъ, о которомъ шла рѣчь выше.

— Вотъ кстати пришелъ! говоритъ Алеша послѣ

того, какъ я былъ имъ представленъ своимъ гостямъ; разрѣши вотъ нашъ споръ: Демидъ Александровичъ—такъ звали Хлыщева—говорить, что для благосостоянія и нравственнаго преусиѣнія народа нужна прежде всего и послѣ всего розга и другія „крупныя“ мѣры; Иванъ же Андреевичъ—докторъ—утверждаетъ, что эти вещи излишни, что единственная мѣра исправленія народа заключается въ его нравственномъ и умственномъ развитіи, что достигается путемъ школы; я же говорю: оставьте, пожалуйста, народъ въ покоѣ, онъ не маленькій ребенокъ, самъ нойметъ, что для него лучше—школа или палка? Какъ по твоему?

— Я пришелъ сюда не для диспутовъ, говорю ему, желая уклониться отъ подобныхъ разговоровъ съ незнакомыми людьми.

— Помилуйте! что одна школа безъ острастки можетъ сдѣлать для народа? да эти лапландцы и учителя—то укологятъ въ первый же праздникъ, если не будутъ бояться. А для того, чтобы боялись закона и почитали властей и нужно пороть ихъ, безъ всякихъ сантиментальностей—довольно ихъ!.. Возьмите любого старика и спросите, отчего народъ сталъ жить хуже прежняго?—каждый отвѣтитъ, что „страху мало стало въ молодежи“; а „гласъ народа—гласъ Божій...“ Третьяго дня я былъ у земскаго начальника и при мнѣ пришелъ къ нему одинъ изъ волостныхъ судей, сказавъ, что въ ихъ судъ поступило такое дѣло: шли съ вечерки изъ одной деревни три парня; повстрѣчалась имъ въ лѣсу дѣвица, надъ которой они и возымѣли желаніе посмѣяться. Что же дѣлаютъ? Заворачиваютъ ея одежду выпе головы и тамъ завязываютъ узломъ, да такъ, чтобъ она ни коимъ образомъ не могла развязаться сама, и дѣвица въ такомъ видѣ принуждена была идти до деревни, при 30^о мороза!—Ну, скажите, пожалуйста, говоритъ Хлыщевъ, обращаясь къ доктору, — выговоръ имъ сдѣлать, что такой поступокъ безнравствененъ, или

къ штрафу на 50 коп. приговорить, такъ, что-ли, по вашему? Развѣ на такихъ болвановъ подѣйствуетъ выговоръ или даже арестъ?.. Конечно, выпорютъ ихъ—и по-дѣломъ! закончилъ онъ.

— А когда выпорютъ, что-же, они нравственнѣе будутъ? позвольте ужъ и васъ, въ свою очередь, спросить, говоритъ докторъ. Мнѣ кажется, они еще болѣе ожесточатся и постараются на слѣдующій разъ сдѣлать то же самое, но въ болѣе жестокомъ видѣ и болѣе обдуманно, дабы схоронить концы въ воду,—только и всего.

— Ну, нѣтъ! этой каши кто попробуетъ, не захочетъ баловаться...

— Повѣрьте, захочетъ, разъ нѣтъ у него въ головѣ сознанія, что такой поступокъ—дѣло не хорошее, а для того, чтобы это сознаніе явилось, нужно развитіе, каковое нельзя смѣшивать съ „роснисываніемъ“ известной части тѣла.. Возьмите вотъ хоть наше дѣло—медицину,—давно-ли это было, когда отъ насъ бѣгали, какъ отъ чумы, и лечились у знахарей и знахарокъ. продѣлывавшихъ ни-вѣсть что съ несчастными больными и цѣлыми массаами—при эпидеміяхъ—отправлявшихъ на тотъ свѣтъ своихъ пациентовъ. А теперь что стало?.. Когда я поступилъ сюда—лѣтъ 10 назадъ,—то въ первый годъ, помнится, было у меня амбулаторныхъ больныхъ около 600 человекъ только, да и то все болѣе не мѣстные жители, а пришлые; между тѣмъ теперь число ихъ возросло до 8 тыс., а больница всегда переполнена, мѣстъ не хватаетъ... А вѣдь не розгами же заслужили мы къ себѣ такое довѣріе и расположеніе народа?..

— Я вполне согласенъ съ вами, Иванъ Андреевичъ, замѣтилъ Алеша, что только въ школѣ все спасеніе наше, но школа школѣ рознь. Народъ жаждетъ не такой школы, какая существуетъ для него теперь. Оставьте его въ покоѣ и онъ самъ создастъ такую

школу, какая отвѣчаетъ его желанію, что я по опыту знаю. Школа, по мнѣнію крестьянъ, какъ и по моему личному, не должна ограничиваться достиженіемъ только того, чтобы ученикъ ея умѣлъ мало-мальски читать, мало-мальски писать и знать хоть нѣсколько молитвъ. Такая школа не прочна: черезъ годъ, черезъ два, все что пройдено въ школѣ, ученигами обязательно забывается. Нѣтъ, намъ надо такую школу, чтобы она имѣла общеніе съ дѣтьми и по окончаніи ими курса, чего можно достигнуть открытіемъ при школѣ порядочныхъ библиотекъ, да и самый-то курсъ знаній учениковъ расширить, введя въ школу практическія знанія, разные ремесла, приспособивъ каждое ремесло къ той мѣстности, гдѣ въ немъ ощущается наибольшій недостатокъ. Только такая школа и будетъ прочна и дастъ хорошіе результаты, потому что вмѣстѣ съ облагороженіемъ духовной стороны человѣка принесетъ и матеріальную пользу ему и такимъ образомъ воочію убѣдитъ какъ ученика, такъ и его родителей, что „ученіе дѣйствительно свѣтъ...“

— Кто имъ запрещаетъ сдѣлать это теперь же? замѣтилъ Хлыщевъ.

— Нѣкоторые обстоятельства, вытекающія изъ чрезвычайной опеки, отвѣчаетъ Алеша.

— Вздоръ-съ! ни школа, ни медицина ничего не помогутъ народу, пока его не возьмутъ въ крѣпкія руки и насильно не заставятъ уважать законъ и чужую ответственность. Народъ нашъ—дитя и дитя капризное и дикое. Возьмите любого изъ крестьянской молодежи и окажите ему довѣріе въ какомъ нибудь дѣлѣ, любой изъ нихъ прежде всего постарается васъ же нерваго и обокрасть, а не къ дѣлу вріучиться; когда же достаточно наворуется и дѣло малость пойметъ, то сейчасъ же вы ему не нужны будете, отойдетъ отъ васъ и откроетъ свое „дѣло“, чаще всего—кабакъ, а тамъ дальше сдѣлается такимъ кулакомъ, притѣснителемъ своего же,

нерѣдко родного, брата, что вся округа „рѣвомъ заревитъ отъ него. Повѣрьте, я тоже знаю это на опытѣ, потому что и у меня въ имѣніи проявлялись такіе молодцы, говоритъ Хлыщевъ и къ примѣру указываетъ на нѣсколько лицъ, бывшихъ у его „мальчиками“, а теперь сдѣлавшихся крупными коммерсантами-маслодѣлами, т. е. скупщиками крестьянскаго молока для своихъ заводовъ.

— Ну, скажите по совѣсти, докторъ,—продолжаетъ воодушевляясь, Хлыщевъ,—что сдѣлаетъ ваша микстура, положимъ желѣзо,—для истощеннаго до крайности организма, при отсутствіи возможности улучшить его питаніе? Конечно, ничего. Все, что было питательнаго на крестьянскомъ столѣ, напр. лица, говядина, молоко,—все это промѣнивается на водку, на пиджакъ и т. п., на столѣ осталась лишь „обрата“ т. е. отбросы молока изъ-подъ сепаратора, въ качествѣ теперь главной нищи крестьянской семьи.

— Да вѣдь и вы, кажется, покупаете отъ крестьянъ молоко? зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, дѣлаете это?—уязвилъ докторъ.

— Я покупаю только излишекъ молока у крестьянина, да и то перестали теперь доставлять. Когда приносятъ, бывало, ко мнѣ молоко, то прежде всего я соображаю, сколько онъ или она оставили молока для своей семьи—крестьянъ тѣхъ я знаю всѣхъ наперечетъ,—если мало, то не только не свѣшу, но обязательно выругаю еще, конечно, и требую, чтобы молоко было въ должной цѣлости, безъ всякой подмѣси. Все это, вмѣстѣ взятое, понятно, не нравится крестьянамъ и они перестали доставлять молоко мнѣ, такъ что заводъ мой содержится теперь исключительно молокомъ своего хозяйства. Другіе же, ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ не имѣющіе, пооткрывали чуть не при каждой деревнѣ маслодѣльные заводы и скупаютъ молоко по цѣнѣ дороже моего и не спрашиваютъ, кто

и сколько оставилъ его для ребятнишекъ, мѣше придираются и къ фальсификаціи молока, а потому крестьяне охотно несутъ его къ нимъ и считаютъ такихъ заводчиковъ своими „благодѣтелями“.

— Быть можетъ, спросите вы, продолжаетъ Хлыщевъ, — чѣмъ же оправдываютъ дѣло эти благодѣтели? — отвѣчу: тѣмъ, что, прежде чѣмъ открыть заводъ, открываютъ они тутъ лавочку или кабакъ, а иногда то и другое вмѣстѣ, и вотъ до открытія еще завода благодѣтель успѣваетъ закабалить отпускомъ гнилаго товара и водки всю окрестность и орудуетъ этимъ путемъ все время, такъ-что денегъ за молоко мужикъ никогда не видитъ, и въ результатѣ всего дѣла — неоплатный долгъ тому же благодѣтелю.

О цѣнахъ за товаръ ужъ говорить нечего, до чего онѣ высоки; фальсификаціи молока благодѣтель тоже не боится: если мужикъ „разсуронить“ молоко, то онъ, благодѣтель, тоже разсуронитъ.. водку, да еще въ двойномъ количествѣ, значить, они квиты. Отсюда и худая репутація русскаго масла на заграничныхъ рынкахъ... Да и одно-ли масло? у насъ и всякое дѣло начинается благими намѣреніями, а затѣмъ лвятся откуда-то непрошенные благодѣтели и загадятъ его.

— Вотъ для того-то, чтобъ мужикъ могъ разобратъся, что для его лучше: продавать-ли молокомъ или дѣлать самому то же масло, даже и для этого нужно образованіе, и лишь одно оно можетъ избавить отъ непрошенныхъ благодѣтелей и улучшить благосостояніе, возразилъ ему докторъ.

VII.

Долго мы сидѣли у Алеши и вели разговоры все на ту же тему: объ упадкѣ нравственности и обѣдненіи народа, вплоть до вечера, пока за докторомъ не прибѣжала одна шаталовская баба и, запыхавшись, сказала:

„докторъ, я за вами, мужикъ (мужъ) у меня горитъ съ виномъ“.

Всѣ поспѣшили за бабою, кромѣ Алеши, который все время, пока у доктора шелъ споръ съ Хлыщевымъ, выпивалъ „по единой“ и до того „нагрузился“, что буквально не могъ встать съ мѣста.

Въ среднѣи села, около небольшой избышки Васюхи Казаматова, была толпа народа, о чемъ-то шумно разговаривавшая и, по видимому, пьяная. Оказалось, что онъ самый, т. е. хозяинъ этого дому, и „горѣлъ“ съ вина и его чуть-ли не въ десятеры руки мяли, распластавши на сараѣ, пьяные мужики и вливали въ ротъ то молоко, то просто жидкій навозъ, желая вызвать этимъ рвоту.

По приходѣ доктора съ Хлыщевымъ толпа раздвинулась и почтительно поклонилась имъ. Черезъ $\frac{1}{2}$ часа доктору удалось привести въ чувство Васюху и мы вышли на улицу.

— Это картина первая, говоритъ Хлыщевъ, обращаясь къ доктору, — пройдемте по селу и посмотримъ, — какъ веселится молодежь, получимъ тогда и вторую.

— Что-жъ, пройдемте, это будетъ для насъ не лишне поосвѣжиться чистымъ воздухомъ, послѣ той гадости, какую только-что вдыхали, сказалъ докторъ и дополнилъ: только предупреждаю, что всѣ тѣ картины, которыя хотите показать, мнѣ давно уже извѣстны и онѣ еще лишній разъ доказываютъ мою мысль, что надо свѣта и свѣта, больше надо!..

Ночь была теплая и тихая, но довольно уже темная, одна изъ тѣхъ августовскихъ ночей, когда на Сѣверѣ только и можно вдыхать чистый и сухой воздухъ. На вѣздѣ одного дома усѣлась громадная толпа дѣвицъ и парней, въ большинствѣ случаевъ обнявшихся, и пѣвшихъ разныя „перебирушки“ подъ игру на гармоникахъ нѣсколькихъ парней вдругъ, отъ чего въ общемъ стоялъ страшный визгъ и гамъ, и лишь внима-

тельно прислушиваясь, мы могли разобрать, что они поют. Одна группа молодежи, видимо на-веселѣ, голосить:

По половицкѣ иду—
Половка подгибается,
Чернобровую люблю,
Другая подбивается!...

А другая ореть:

Красно солнышко сіяй, сіяй, сіяй.
Мой-еть миленькой гуляй, гуляй, гуляй!
Красно солнышко сіяй во облаку,
Свою милую въ кусты поволоку!

— Фу, мерзость! невольно воскликнулъ докторъ, поверотивши обратно.

— Каковъ пародецъ-то? не безъ ехидства замѣчаетъ Хлыщевъ, и вы еще гуманность проповѣдуете... Это еще ничего, продолжаетъ онъ, — что „въ кусты поволоку“, а посмотрите черезъ часъ, черезъ два обязательно всѣ передерутся...

— Ахъ, отстаньте! развѣ я не знаю этого? говорить досадливо докторъ и отправляется на квартиру, пригласивъ, впрочемъ, съ собою и Хлыщева.

Распрощавшись, и я побрелъ на ночлегъ, а вдогонку мнѣ доносятся изъ толпы слова пѣсни: „я свою хорошую по лицу калошею!...“ Не доходя до квартиры, замѣчаю двухъ человѣкъ, стоящихъ и о чемъ-то тихо, но оживленно, разговаривавшихъ. Одинъ былъ въ пальто, а другой не то въ зипунѣ, не то въ пиджакѣ, видимо крестьянинъ.

— Да ужъ ты только подай, подпиши значить прошеніе, а безъ сумленія судьи присудить... Только, смотри, не надуй меня, половину мнѣ!... говоритъ пальто.

— Что-то боязно... Какъ меня засудятъ?... говоритъ зипунъ.

— Ну, вотъ еще!... вѣдь ты говоришь, что проски не взялъ съ тебя, а что работалъ, то свидѣтельскими показаніями докажется, а отъ него потребуютъ

доказать, что отдалъ тебѣ деньги сполна, а чѣмъ онъ докажетъ?... Ужъ не сумлевайся, оборудуемъ дѣльце!... успокаиваетъ пальто, оказывавшееся впоследствии восточнымъ писаремъ.

Дальше я уже не сталъ слушать, до того обидно и противно стало все видѣнное и слышанное мною за эти дни въ Шаталовѣ. „Мало того, что доносъ появился здѣсь, но и кляуза сюда же приползла въ сопровожденіи нищеты и разврата, а то ли было въ Шаталовѣ лѣтъ 15—20 назадъ, и что за причина такому превращенію?“, думалъ я и никакъ не могъ объяснить себѣ это явленіе...

VIII.

Слѣдующіе два дня проживанія моего въ Шаталовѣ я большею частью проводилъ у Алеши, который все время продолжалъ выпивать и скорбѣть, вмѣстѣ со мною, объ упадкѣ шаталовцевъ какъ въ нравственномъ, такъ и экономическомъ отношеніяхъ.

О причинахъ бѣдности шаталовцевъ ларчикъ открывался, какъ всегда, очень просто, когда Алеша разъяснилъ мнѣ.

Дѣло въ томъ, что проведеніе желѣзныхъ дорогъ за послѣднее десятилѣтіе дало громадный толчекъ развитію отечественной промышленности, и этотъ толчекъ, хотя вскользь, коснулся и Шаталова.

Понаѣхала въ захудаловскій уѣздъ масса лѣсопромышленниковъ, открывшихъ по рѣкамъ лѣсопильные заводы. Повырубивши помѣщичьи лѣса, лѣсопромышленники обратили свой взоръ и на шаталовскіе, и вотъ началась усиленная вырубка лѣсовъ, и шаталовцамъ посыпались деньги. Рѣдкій изъ нихъ не выручалъ 200—300 руб. въ зиму, притомъ безъ всякаго почти труда, а это такія деньги, какія прежде имъ не снились и во снѣ.

Понятно отсюда, что, получая такіа суммы, они привыкли къ комфорту, роскоши и, не имѣя другаго развлеченія,—къ пьянству,—какъ и азъ многогрѣшный!—, а дегтярные заводы забросили. Но лѣсъ растеть не такъ быстро, какъ его вырубали шаталовцы, а потому черезъ 5 - 6 лѣтъ отъ вѣковыхъ лѣсовъ остались одни пеньки, между тѣмъ не даромъ говорится, что „привычка—вторая натура“, и измѣнить образъ жизни было не такъ-то легко, почти невозможно. Имѣя привычку видѣть у себя на столѣ и самоваръ, и водку, и не имѣя больше лѣсовъ, шаталовцы принялись было за кражу лѣса изъ казенныхъ дачъ, но жестоко заплатились за это. Тогда они начали проживать или вѣрнѣе сказать—пропивать уже и то, что было сконлено вѣками въ какой-либо семьѣ,—бабьи деньги, т. е. капиталы, отложенные на черный день и хранившіеся въ большинствѣ случаевъ у хозяекъ дома. Когда и это было все прожито, то какъ бы на выручку появились маслодѣльные заводы, которые и доканали въ конецъ шаталовцевъ.

— Ко всему этому прибавь еще „волокиту“ начальства: то урядникъ вызоветъ 2—3 человѣкъ въ „пнятые“, то сотскій, то староста зоветъ на сходку, то старшина, то на волостной судъ, то къ земскому начальнику, то къ лѣсничему тушить лѣсные пожары въ какой нибудь дачѣ и т. п. Отказаться нельзя, все на законномъ основаніи, а между тѣмъ отвлекають отъ дѣла, отъ хозяйства.

Поговоривъ еще кое-о чемъ, я хотѣлъ было спросить о его семейной жизни, но такъ и не спросилъ, а онъ какъ-то все избѣгалъ разговора на эту тему, видимо не желая объяснить „тихую пристань“.

На прощаньи я много говорилъ ему о томъ вредѣ, какой можетъ послѣдовать отъ пьянства, и совѣтовалъ бросить водку, но онъ отдѣлывался шутками, говоря, что отъ того хмельетъ, что не можетъ найти точки, до которой можно пить, а дальше нельзя.

— Никакъ не могу найти этой самой точки: выпьешь рюмку,— какъ будто полегче станетъ, выпьешь другую— и того лучше, а въ концѣ концовъ глядишь: опять перевалило за точку!...

Однако, мнѣ надо было уже ѣхать, и мы, наконецъ, распрощались, но кто могъ думать, что это было уже послѣднее „прости?“ Къ несчастію, это было такъ: черезъ мѣсяць я получилъ отъ своего шаталовскаго родственника письмо, извѣщавшее меня о скоропостижной смерти Алеши, послѣдовавшей отъ разрыва сердца...

